

Пузыренко
Оксана

не сахарные

Annotation

Саманта - новенькая в академии искусств stART. Дерзкая и импульсивная девушка со специфичным взглядом на жизнь она в первый же день нажила себе врагов, нашла друзей и попала в любовный треугольник, оказавшись между тихоней в очках (черти в его омуте прилегаются) и местным рок-богом.

Автор обложки: Янгутова Мария. VK: kaulana

От автора: В этой книге много саундтреков, не надо их игнорировать;)

НЕ САХАРНЫЕ

Ну, привет, город. Город, отобравший у меня все. Я вернулась. Более того, я готова с пинка открыть дверь в твою обитель, спалить тебя дотла и вместе со своей лучшей подругой станцевать на пожарище, с наслаждением вдыхая запах гари. А возможно, и алкогольные пары текилы, выпитой за твое гребаное упокоение в руинах. И да, мы сделаем это под лучшую музыку из моего плейлиста. Ведь город — старый, но мы — новые.

Вступление

Саманта

Говорят, что существует пять стадий принятия: отрицание, гнев, торг, депрессия и, собственно, само принятие. Кто говорит? Да все. Например, так утверждало то бесчисленное стадо психотерапевтов, качающих бешеные суммы денег из моих родителей. Они приходили по очереди, и говорили мне о том, как важно пройти эти пять ступеней на пути принятия неизбежного, либо своего горя. Но, вот беда, очевидно, этих «лекарей душ» не учили, что все люди индивидуальны. И позвольте рассказать вам о моих личных стадиях принятия, опознанных личным опытом.

Стадия первая: Пустота. Темный непроглядный туман из мыслей и чувств. Как бы хотелось в нем затеряться и никогда не найти дорогу назад, к осознанию реальности.

Стадия вторая: Боль. Боль столь сильная, что ты задыхаешься. Антидепрессанты становятся твоими лучшими друзьями. Но они не справляются, и в итоге ты способен лишь сидеть в одиночестве и считать удары своего сердца, надеясь, что они прекратятся. А если не прекратятся, то почему бы ему в этом не помочь? Да, именно, уже на второй ступени ты считаешь мысли о суициде не такими уж и бредовыми. Ведь это решит так много проблем, верно? Но, оказалось, что я для этого слишком малодушна. Либо слишком сильна.

Стадия третья: Забыть. Знали бы вы, как много существует способов забыть себя. Хотите, накину парочку вариантов? Ловите: экстрим, азарт, драйв, музыка, клубы, алкоголь, наркотики... Но не секс. Секс для тех — кто хочет близости. Мне она к черту не сдалась.

Стадия четвертая: Мечь. Всепоглощающая жажда мщения, которую необходимо утолить.

Стадия пятая: Принятие.

Сейчас я на четвертой ступени своего личного выздоровления. И я приглашаю вас со мной.

Глава 1. Новенькая

— Нет, только послушай меня! Прошло уже два месяца с начала учебного года, но не произошло ничего интересного. Я повторяю: ни-че-го. Ноль происшествий. Зеро. Пусто. Дырка от публика! — Питер яростно взлохматил рыжие волосы и с ожесточением захлопнул дверцу шкафчика. Защелкнув замок, он для убедительности ударил по нему кулаком, будто шкаф был в чем-то виноват. Впрочем, этот многострадальный ящик был знаком с нравом парня уже полтора года, и привык стойко и терпеливо выносить побои.

Дэниэл лишь усмехнулся, глядя на друга и перебирая тетради в соседнем шкафчике, с дверцей, чья внутренняя сторона была завешана всевозможными стикерами с пометками и отрывками стихотворений. Ну да, новый учебный год начался довольно спокойно. Даже на Хэллоуин, который уже завтра, им не удастся поднять на уши учебное заведение, носящее гордое название «Высшая академия искусств stART». И если вы думаете, что эти два парня — завзятые хулиганы, то вы ошибаетесь. Обычные подростки: не слишком популярные, не слишком изгои, со своими плюсами, минусами и тараканами в голове.

Дэниэл и Питер дружили столько, сколько помнят свою сознательную жизнь, а если верить черно-белым фотоснимкам из семейного архива: еще больше. Дэниэл — высокий брюнет с тепло-кариими глазами, большую часть времени спрятанными за черными квадратами очков, и спортивной фигурой. Он обладал незаурядным интеллектом, но основную часть своей сообразительности направлял на проказы. Точнее, чтобы сделать их ловкими, и не дать своему рыжему другу попасть впросак. В итоге даже его высокие оценки не могли заставить учителей смириться с неумным чувством юмора и волнами сарказма. Питер — чуть более низкий, чуть более худой, и, как вы поняли, потрясающе рыжий был вечным подельником во всех затеях друга. Впрочем, любая шутка парней была четко продумана, взвешена и, в основном, безобидна. Выходить за рамки дозволенного или закона? Никогда. Ну, они так думали на данный момент...

— Может, изредка не влипнуть в неприятности тоже полезно? Ну, так, для разнообразия. Хочу напомнить, что именно я чуть ли не был отчислен в прошлом году.

— Это чистая случайность. — Возмущился Пит. — И вообще, что ты планируешь рассказывать внукам в старости? О тесте по математике?

— Прости, но не в моих силах заставить разверзнуться небеса, чтобы избавить тебя от скуки. И о внуках я как-то не думаю.

Рыжий хмыкнул и полез в школьную сумку, чтобы выудить оттуда шоколадку или еще что-нибудь съестное. Дэниэл же перевел взгляд в конец коридора, в этот самый момент входная дверь в школу распахнулась, и сердце парня упало в район желудка, чтобы в кульбиде вернуться в прежнее положение, с утроенной силой качая кровь. Брюнет вцепился в локоть друга, разворачивая его лицом к выходу и, поправив очки, сглотнул:

— Не знаю как тебе, но мне уже не скучно.

В дверном проеме остановилась она. Девушка с длинными густыми волосами цвета темного жженого сахара и большими, пронзительно серыми глазами. Ее кожа была золотистая, такой загар был непривычен для местных жителей, которые летом прятались от солнца и зноя всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Но девушка решила побить

все рекорды по выделению из общей массы: ее одежда, на большую часть состоящая из кожи, явно не соответствовала школьному дресс-коду. Бедра ее обтягивали черные кожаные шорты, на ногах: высокие сапоги на огромном каблуке. Образ дополняла белая майка с достаточно глубоким вырезом и черная косуха с заклепками. На левой руке была одна перчатка без пальцев.

— Готов поклясться, она оставила где-то на школьной стоянке байк. — Пробормотал Дэниэл, зачарованно оглядывая незнакомку.

Впрочем, такое зрелище привлекло не только его внимание: каждый в коридоре оторвался от разговоров и шкафчиков, и, кто неуверенно, а кто нагло взирал на пришедшую. Девушку внимание совершенно не волновало, она, разве что не зевая, обвела скучающим взглядом коридор, подвинула черный рюкзак, висящий на плече и от бедра направилась прямо по коридору. Преследуемая нарастающим перешептыванием, она уверенно двигалась вперед. Единственный взгляд, который она бросила в сторону, был направлен на Дэни. В этот миг, когда их взгляды пересеклись, будто волны статического электричества прошли по всему его телу. Более того, он явственно заметил, как уголок ее губы дрогнул в еле заметной улыбке. Она улыбалась ему. И нет, это не мираж. Лишь когда девушка проплыла мимо, парень снова начал дышать.

— Эй, она посмотрела на тебя. — Питер подтолкнул друга плечом.

— Ага. Сложно было не заметить, поскольку конкретно в этот момент я случайно забыл, как именно надо дышать.

— О, ты бы произвел на нее впечатление, если бы умер у ее ног от недостатка кислорода. — Засмеялся друг.

— Как думаешь, она наша новенькая? — Проигнорировал колкость Дэниэл.

— Ну, по крайней мере, не преподаватель. Хотя, я бы не отказался у нее поучиться. — Тонкие губы Пита растянулись в довольной улыбке, парень явно представлял сцену обучения у профессорши, и в этой сцене она регулярно роняла мел... — Ау, ты чего?

Дэни, отвесивший другу подзатыльник, улыбнулся:

— Ты слишком громко мечтаешь.

Питер не успел возразить, их прервал один из ТОП нелюбимых звуков всех школьников и студентов планеты Земля: звонок на урок.

— Черт, литература. — Простонал Питер, захлопывая шкафчик и направляясь в сторону кабинета.

— Yeah, литература! — С энтузиазмом откликнулся Дэниэл. Такой адарт заставил его друга закатить глаза и проворчать:

— Поэт до мозга костей, чтоб тебя...

Дэниэл услышал Питера и, замерев посреди уже полупустого коридора, с выражением продекламировал:

— Пока не требует поэта

К священной жертве Аполлон,

В заботах суетного света

Он малодушно погружен.* — Закончив, брюнет раскланялся невидимой публике.

— Иди уже, сил на тебя и твои рифмы нет! Как блин все это умещается в твоей голове?! Может, Миссис Маккартни вместо колыбельных читала тебе сборники стихотворений? Впрочем, не отвечай на этот вопрос...

Дэни, довольно улыбаясь сетованиям друга, еще раз оглянулся в том направлении, где

исчезла странная незнакомка, необычная даже для академии искусств, и проследовал за другом.

Пока парни отправились на любимый для одного и ненавистный для другого предмет — вдадимся в детали? «Академия искусств «stART»» — это старт для тех, кто ищет свой талант и для тех, кто ищет способы его развить, чтобы засиять ярче. По крайней мере, именно это написано в бесплатном буклете. На деле же это место — **смесь**. Смесь простых базовых предметов, необходимых студентам, и специальных предметов, связанных с искусством. Учащиеся изучают алгебру и после нее идут на сдвоенный урок танцев. Постигают законы Ньютона и спешат на пару вокала. Пробуют себя в актерском мастерстве и выражают свои чувства в творческой мастерской, перенося их на бумагу, холсты или в скульптуры, а затем бодро бегут на коллоквиум по химии. Также здесь смешены ученики: богатые и без гроша за душой, уже познавшие вкус славы и знающие это слово лишь по словарю, талантливые и... снова богатые? Да, есть и такие, кто пробил себе место в академии за счет средств родителей. Зачем? Дело в том, что при всем вышесказанном одного у академии не отнять — она выпускает звезд.

Именно здесь, уже на втором курсе, учатся наши герои. Дэниэл Маккарти — 19 лет от роду, и Питер Мюррей — аналогично. И в этих же стенах они увидели сероглазую, в которой, помимо броской внешности, было что-то, заставляющее разговоры затихать, людей замирать, а взгляды всматриваться в ее лицо и движения. Такие люди и такие встречи не уходят из жизни бесследно. Поспорим?

Если Дэниэл и ставил под сомнение существование Бога, судьбы или еще чего-нибудь столь же нематериального, то сейчас ему стоило пересмотреть свои убеждения. Уже на втором уроке литературы девушка, которую он видел один раз, но уже мечтал увидеть снова, всплыла в класс, следом за директором — Миссис Дорэми. Вообще ее фамилия была Мейвор, но страсть к вокалу подарила ей такое музыкальное прозвище. Она о нем знала, и оно же ей нравилось. Куда меньше повезло мистеру Стюарту — преподаватель спортивных дисциплин был известен как Деспот. И, надо отметить, вполне заслуженно.

— Внимание, класс. Это Саманта Хэйс, ваша новая одноклассница. Саманта представишься?

Девушка перевела взгляд густо подведенных глаз с преподавателя на учеников:

— Всем привет, я Саманта и довольно часто переезжаю. Это моя... — Она на миг задумалась, прикидывая в уме. — Седьмая школа. Надеюсь, я останусь здесь хотя бы на семестр и запомню хоть парочку имен, но ничего обещать не могу.

— Эм... Спасибо, мисс Хэйс, присаживайся на свободное место. Ах да, форму тебе обещали выдать?

Саманта, уже двинувшись было в сторону стройных рядов наших одноместных парт, остановилась и дернула плечом:

— Ее выдали. Но она еще не готова.

— В смысле? Эм... Саманта, ты пока не знакома со всеми правилами нашей академии, но школьная форма — это обязательный атрибут для учеников и ты...

— Думаю, я приду в ней уже в понедельник. — Перебила директора девушка.

— Ох. Хорошо. — Миссис Дорэми опять выдавила из себя улыбку, внешний вид Саманты явно вызывал у нее опасения. Да только сможет ли форма это исправить? От девушки за километр пахло наглостью, дерзостью, самоуверенностью и бунтарством.

В этот момент в класс зашла секретарша и, стрельнув обеспокоенным взглядом в сторону девчонки, попросила мистера Оливера, классного руководителя наших героев и учителя английского и литературы, выйти. Девушка дождалась, когда дверь за всем составом работников академии закроется и уверенно направилась на место перед Дэниэлсом. Миниатюрная Роузи, сидевшая там, испуганно посмотрела на возвышающуюся над ней новенькую.

— Привет. — Та улыбнулась открытой улыбкой, буквально осветившей ее лицо. — Я всегда сижу здесь, на этом месте, в каждой школе. Знаешь, это единственное, что у меня есть постоянного в этих регулярных переездах. — Она состроила печальную мордашку, а ее серые глаза наполнились влагой. Дэниэл, с замиранием сердца следивший за происходящей картиной, мог бы поклясться на раритетной коллекции комиксов Marvel, что даже ее пухлая нижняя губа начала слегка дрожать. — Не могла бы ты, если тебе не сложно... — Она выразительно посмотрела на парту, вскинув брови.

Роуз, итак не отличавшаяся наличием собственного мнения, пробормотав что-то среднее между «конечно» и «пожалуйста», собрала свои вещи и ретировалась на свободную заднюю парту в соседнем ряду.

Новенькая, с поразительно быстро высохшими глазами, заняла место и повернулась всем корпусом назад.

— Привет.

*Отрывок стихотворения «Поэт», автор — А.С. Пушкин.

Глава 2. Guten Tag?

Глава 2. Guten Tag?

Дэниэл

Когда новенькая, Саманта Хэйс, села передо мной, я почувствовал нежный, ненавязчивый аромат ее духов. Фрукты. Или ягоды? Прежде чем я понял всю суть происходящего и смог оценить чем же так вкусно пахнет моя новая одноклассница, девушка резко обернулась:

— Привет.

Эм... Что? Это она мне?

Я растерялся. Скажу честно, мое общение с девушками не входит в ТОП-5... Да даже в ТОП-100 моих достоинств! При условии, что я наскребу целую сотню таких. У меня были подруги, но не более того. Сексуальный опыт? Тоже мимо. А когда новенькая, с внешностью байкерши-модели садится перед тобой и смотрит своими огромными серыми глазами, темными, как мокрый асфальт: мозг совсем отказывается соображать. Добавьте к этому то, что за нами следил весь класс. Взгляды одноклассников я буквально ощущал кожей. Правда вот девушке, сидевшей напротив, казалось, нет до этого никакого дела. Она уперлась одним локтем на мою парту (Дэниэл, только не смотри на ее грудь, не делай этого!) и положила подбородок на руку:

— Guten Tag? Bonjour? Dobry den? Hola? Aloha? Buenas dias? Konnichi wa? — Отрапортовала она, вопросительно изогнув правую бровь. — Тоже нет? Может, ты язык проглотил? Или здесь не принято здороваться? — При этом вопросе она улыбнулась уголком рта. Зацепившись за это движение взглядом, я заметил над правым уголком губы небольшую родинку, похожую на миниатюрное сердце, а затем, снова перевел взгляд на пухлые губы. Поняв, что они совсем уж растягиваются в улыбке, обнажая ряд идеально ровных зубов, я посмотрел в ее также откровенно смеющиеся глаза, и, сглотнув, ответил:

— Привет.

— Ну, — Довольно улыбнувшись, протянула она. — Для первого раза вполне неплохо, продолжим наше увлекательное общение попозже. — Подмигнув, рокерша отвернулась обратно к доске, как раз в тот момент, когда в класс вернулся мистер Оливер. К слову, с его прозвищем в нашей академии проблем не было — Оливер Твист. Ну, вы поняли, верно?

Я посмотрел влево, увидев обалдевший взгляд Пита, который медленно поднял левую руку вверх, выгнув большой палец. Класс? Он серьезно? Мне показалось, что это позор века! Остаток лекции прошел как в тумане, я видел перед собой лишь затылок новенькой, настойчиво напоминающий мне цвет темного карамельного топинга. Этот затылок так и подмывал меня написать о нем пару рифм. Или пару десятков рифм. А может оду? Оду, посвященную затылку цвета горькой карамели... Да, Дэниэл, прав был Пит, когда хотел отдать тебя в дурку.

Как прошел мой любимый урок я не помнил. В моей голове никак не вязались биография Чарльза Диккенса и появление Саманты Хэйс. Seriously, Диккенс, этот раунд ты позорно проиграл.

Со звонком девушка встала и, не оборачиваясь, направилась к выходу.

— Чувак, что это было? — Пит всовывал в рюкзак тетради, не особо заботясь об их состоянии. Я же пытался игнорировать заинтересованные взгляды одноклассников.

— Да что б я сам это знал...

— Может, она вспомнила, как ты пытался съесть ее взглядом в коридоре?

— Теперь в ее копилку попадет еще и мое фантастическое «Привет».

— Ох, да, я думал, что ты расчешешься лужей по полу класса. Или превратишься в камень под ее взглядом. Или... Ай! Тебе не надоело меня бить сегодня? — Пит потер бок, в который я ткнул его локтем. — Что за агрессия? Может, байкерша тебя укусила?

— Боже, Пит, не издевайся над моей фантазией. — Простонал я, вспоминая белые зубки девушки, сверкавшие во время брошенной напоследок улыбки.

Питер лишь беззлобно рассмеялся и снова потер свой живот:

— От этих стрессов и переживаний за тебя и твои отношения я жутко проголодался. Пошли, пока в столовой все путное не разобрали.

В этом весь мой друг. Питер Мюррей, при небольшом росте и сравнительной худобе, был весьма жилистым парнем с желудком, который невозможно заполнить. Представь такую возможность, он бы все время ел. Впрочем, он это и делал, нося с собой запас снеков, батончиков и булок. Из-за того, что он не поправлялся ни на грамм (А может и из-за длинных ресниц на зависть всем дамам, или же за ярко-рыжие волосы — вариантов масса!), девушки академии прозвали его Ведьма. А там и парни подтянулись.

Дойдя до столовой, кишачей голодными учениками, мы взяли еду и заняли свой обычный столик, за которым уже сидел Мэт.

— Эй, вы слышали про новенькую? — Спросил он, стукнув меня и Пита по кулаку в знак приветствия.

Пит фыркнул от смеха, припуская красный школьный галстук:

— Она учится в нашем классе и отбила себе место перед Дэном. И даже пыталась с ним заговорить, но он не поддался на ее уговоры. Наш парень — кремень!

— Ого, а что... — Мэт не успел оформить свою мысль, как со стороны столика, за которым сидели футболисты и болельщики, послышался гул и крики.

— Давай, Беркут, ты сможешь это сделать!

Главный нападающий нашей футбольной сборной — Томас Кейн, именуемый Беркутом, под одобрительные крики девчонок из группы поддержки и соратников по команде, отходил спиной к выходу из столовой. В противоположном углу поигрывал мячом столь огромный, сколько и безмозглый Джонсон, явно намереваясь использовать мяч по назначению, правда, не в совсем привычной для него обстановке.

— Ох, опять. — Простонала неизвестно откуда материализовавшаяся за столом Китти — единственная девушка в нашей компании.

На счету футбольной команды уже было несколько разбитых школьных окон, один стенд с наградами и пару снесенных дверей. Мебель и прочий инвентарь счету даже не подлежит. Почему им это сходило с рук? Ну, просто это наша гордость и тренер Уитмор (По прозвищу Амиго.) вцепится в горло любому, кто встанет на их пути. Правда вот Деспот с ним не согласен, поскольку футболисты не отличаются организованностью и привыкли многое спускать на тормоза. Зачем футбольная команда академии искусств, спросите вы? Вообще-то, я и сам без понятия. Но, давайте рассмотрим этот вопрос подробнее: главная звезда академии — Томас Кейн, он, действительно, уже звезда. Будто мало того, что он сын

Джеймса Кейна. А это, на минуточку, бессменный мэр нашего далеко не маленького города — Броудер-Сити. Так вот, Кейн-младший... Когда он не играет в футбол, он поет на сцене, как солист мегапопулярной группы «Шторм». Когда он не бросает мяч, он бросает девушек, исключительно моделей или звезд. Или звезд-моделей. Он имеет роль в одном сериале, успешно снялся в паре популярных фильмов, записал три альбома, а количество рекламы — не сосчитать таким гуманитариям, как студенты академии искусств. Сейчас он «набирается опыта и сил перед будущими высотами». Это официальная версия для журналистов. По факту же: Кейн вляпался в дерьмо. Мы, правда, не знаем в какое, а верить слухам (От него беременна напарница по последнему фильму — Джулия Сантано, или он насолил боссу японской мафии...) — гиблое дело. Но факт остается фактом: пока вся тина и шумиха вокруг его имени не уляжется — он здесь. В остальном, в футбольную команду входят наши звезды спорта (Нет, ну когда спорт стал искусством? Черт возьми!), два танцора и один художник. И при этом они очень даже сильны. Что они будут делать в академии искусств, когда какой-нибудь футболист из команды соперников переломает им конечности — не имею ни малейшего понятия.

Пока я пытался в очередной раз поставить на одни измерительные веса искусство и спорт, произошло сразу несколько вещей: крики усилились, Кейн достиг нужной ему точки, Джонсон, размахнувшись, запустил мяч в его направлении и, главное, в проходе, рядом с Томасом, показалась Саманта Хэйс. Мяч тоже это заметил, и решил поменять траекторию. Теперь он, как зачарованный злобный бладжер, несся прямо в голову новенькой. Я, как в замедленной съемке, наблюдал, как Томас оборачивается на мяч, и улыбка сползает с его лица, перерастая в гримасу ужаса. Я вскочил с места, не зная, что намереваюсь сделать. Я понимал, что Кейн не успеет сориентироваться, создалось впечатление, что он одновременно в шоке и от происходящего, и очарован вошедшей девушкой. Ну, а сама девушка ничего не видит и смотрит в экран своего телефона.

— Саманта! — Заорал я что есть сил и, я не верил в это, но она подняла глаза и точно нашла меня взглядом, улыбнувшись уголком рта. Опять. Затем резко обернулась и, в последнюю секунду, правой рукой поймала мяч, летящий с бешеной скоростью, так, будто ей это ничего не стоило. Закинув телефон в карман, она сделала профессиональный замах от груди и бросила мяч опешившему нападающему. Потом, даже не удостоив его взглядом, моя новая одноклассница как ни в чем не бывало откинула волосы и направилась к прилавку с едой. Я понял, что все еще стою, и упал обратно на стул. Схватив бутылку воды, я открыл крышку и стал глотать жидкость, поняв, что горло пересохло.

— Вау. — Произнесла Китти. Я посмотрел на друзей: все взгляды были прикованы ко мне. — Это было круто.

— У меня аж сердечко екнуло, так проникновенно ты крикнул... — С благоговением произнес Мэт.

— Ох. Заткнитесь, все! — Я вскинул обе руки в защитном жесте, уверенный, что начну краснеть. Идиотская и совершенно, блин, немужественная черта моего характера, ну, или организма, — приобретать оттенок спелого томата, когда меня что-то смущает. Стоп, с каких пор это стало меня волновать?!

От дальнейших комментариев моего эпического крика меня спасла тень, накрывшая наш столик. Конечно же, она принадлежала Саманте. Я мог сказать об этом, даже не поднимая головы. Телепатия? Нет. Обоняние. Я практически моментально почувствовал аромат ее божественных духов, как и в классе. Теперь мне казалось, что это вишня. Я почти перестал

удивляться ее внезапным появлениям в непосредственной близости, но дыхание все равно замерло. Девушка поставила поднос на стол и спросила:

— Привет ребят. Можно к вам?

Первым сориентировался Мэт:

— Конечно! Конечно, садись.

Она улыбнулась и села рядом со мной. Взяв со своего подноса шоколадный батончик, положила его на мой, рядом с бумажным стаканом:

— Благодарность.

— Да не стоит... Ну, не за что. — Проблеял я. Если вы думаете, что я всегда такой неудачник: нет. Обычно у меня есть запас остроумия на все случаи жизни и вообще я вполне общительный. И я понятия не имею, почему, но при виде Хэйс я совершенно себя не контролировал. Казалось, когда мои глаза встречались взглядом с ее серыми озерами, мой язык немел, мозг «делал ручкой» и отключался.

Она вскинула правую бровь:

— Ну, не то чтобы ты мне жизнь спас, но знакомство моего лица с футбольным мячом уж точно не украсило бы первый день в новой школе. Да и носить нос на левую сторону как-то не улыбается.

— Я не это имел в виду. В смысле: всегда пожалуйста. Я рад. Ну, не рад, что тебе чуть ли... Ох! Да черт возьми! — Почти в отчаянии воскликнул я, завершая свой бессвязный монолог. За столом повисла тишина, которая сразу утонула в хохоте моих друзей и новенькой.

— Расслабься. — Улыбнулась она. — Я не кусаюсь. Ну, если ты сам не попросишь. — Она кинула на меня выразительный взгляд и, отвернувшись обратно, посмотрела на моих друзей. Мэт захихикал над ее комментарием, но, встретившись с ней глазами, попытался замаскировать это под кашель.

— Меня зовут Саманта. Ну, думаю вы уже в курсе после того как мое имя прокричали на всю столовую.

Китти улыбнулась:

— Привет. Я Китти — Староста, это Мэтт — Кот, Пит — Ведьма и наш самый разговорчивый друг — Дэни, он у нас — Поэт.

Я кинул на подругу злой взгляд, та лишь хихикнула в ответ.

— К слову, классно приняла мяч. Поддачи нашего Думсея не все ловят. Футбольная команда явно тобой заинтересовалась. — Произнес Питер, кинув взгляд на компанию вышеупомянутых спортсменов.

— Не хочу их разочаровывать, но мне не идет защитная экипировка футболистов. — Фыркнула она, даже не посмотрев в их сторону. — Меня брат научил. Футбол, бейсбол, баскетбол, боевое самбо. В общем, все те игры, в которых парни меряются силой. Мне как-то не до кукол было. В итоге, я втянулась и не вижу жизни без спорта. К слову, мне показалось или вы, ребята, серьезно представляетесь погонялами через дефис?

Мы переглянулись. К этому так привыкаешь, что объяснять факт присутствия прозвищ у членов академии становится будто ненужным. Ответил ей снова Питер:

— Все верно, ты привыкнешь. Здесь есть клички почти у всех. У процентов 60 % студентов и 100 % учителей.

— А что остальные 40 % — обделенные? — Хмыкнула она, явно ставя подобные каноны академии на одну ступень со словом «бред» в личном рейтинге.

— Неизвестные. — Ответила Китти. — Неинтересные, ничем не запомнившиеся.

— Думаю, тебе это не грозит. — Снова вставил Мэт, улыбнувшись как кот, смотрящий на сметану. Он едва не начал облизываться. — Ты уже побила рекорды по всему, чем можно напомнить о себе в этой академии.

— Не льсти мне, на этом поприще еще поле непаханое. У вас все какие-то зажатые.

— А это правда, что ты приехала на байке? — Неожиданно выдала Китти одну из школьных сплетен, в которую, впрочем, было можно поверить. Недаром эту мысль высказал и я, единожды взглянув на новенькую.

— Нет, на драконе прилетела. — Фыркнула она. — Интересно, как кожаная куртка смогла сделать из меня лютую байкершу? Вообще-то, у меня даже машины нет. — При последних словах девушка выглядела крайне раздосадованной.

— А где ты живешь? Дэн мог бы тебя подвозить. — Выдал Питер. Я пригвоздил его взглядом к месту, пресекая дальнейшие рассуждения на эту тему.

— Крайний Сквер. Но не стоит, я вполне доберусь сама, это близко. — Произнесла сероглазая, откусив большой кусок пиццы. Я ненароком глянул на ее поднос. На нем было то, чего всегда избегала Китти: калории, жиры и углеводы. Глядя на фигуру новенькой, можно с уверенностью сказать, что у Ведьмы появился конкурент за прозвище. Потому что все с этого подноса явно уходит у Саманты не в лишний вес, а в её... Так, кажется, кровь опять приливает ни к тому месту... И я даже не про щеки...

— Это по пути, мне не сложно. — Улыбнулся я, и, заметив, что от долгого молчания, мой голос охрип, откашлялся. Или же я сорвал его, когда пытался предотвратить полет мяча?

Саманта, она же Сэми, она же «мама ты не могла родить своего сына посимпатичнее и достойным такой девушки?» улыбнулась, чуть склонив голову на бок и все еще придерживая в руке остаток пиццы. Чтобы не смотреть на нее (Надо было хоть ненадолго вернуть в работу мозг, понимаете?) я стал смотреть на кусок салями на пицце. Очень, кстати, интересное салями. Насыщенный цвет, идеальный размер...

— Серьезно? Тогда пойдем домой вместе? После обеда у меня спаянный урок танцев. А у тебя?

— Физическая подготовка. Тоже две пары. Танцор из меня тот еще, поэтому я выбрал просто физическое развитие. — Пожал плечами я, отчего-то решив объяснить, почему не смогу присутствовать с ней на следующих уроках. Снова украдкой глянул на девушку и опять залип.

— Хорошо, тогда подождешь меня у шкафчиков?

Я кивнул, не в силах оторвать взгляд от ее лица, обрамленного неровными, рваными прядями волос. Весь этот хаос был тщательно продуман, создавая неповторимый образ. А ее серые глаза? А родинка? А пухлые губы? А небольшие щечки? Потрясающе милые детали внешности сочетались с дерзким образом и... Кажется, я реально влип.

— Ох, поверить не могу, мой мальчик отправляется на свидание! — Лилейным голоском пропел Мэт, подкалывая меня, за что заслуженно получил удар ногой под столом.

Саманта же ничуть не смутилась и, вставая, обронила:

— Не переживай, Котик, и тебе когда-нибудь повезет. — С этими словами девушка, чуть наклонилась, предоставляя мне отличный обзор зоны декольте за белой майкой, от чего я, по-джентельменски, отказался, отворачиваясь в сторону, и почесала ногтями Мэта под подбородком, как настоящего кота. Тот с готовностью заурчал, прикрывая глаза от удовольствия.

— Ладно, ребята, я на пару.

— Стой, мы с тобой, у нас тоже современные танцы. — Сказал Китти, резко вскакивая и хватая свой поднос. За ними пошел Мэт, не забыв напоследок подмигнуть мне.

— Кыш отсюда, блохастый. — Усмехнулся я, кинув в него недоеденной и остывшей картошкой.

Когда друзья ушли, Питер, который по обыкновению ел больше и дольше остальных, развернулся всем корпусом ко мне и грозно указал на меня пальцем:

— Ты. Ведешь себя как остолоп.

— Можно подумать, я не заметил этого.

Для пущей убедительности я закатил глаза и, схватив со стола колу друга, залпом осушил остаток газировки. Отерев рот, я откинулся на стуле и уставился на компанию Звезд у огромного круглого стола рядом с панорамным окном. Это был единственный стол круглой формы в зале. А еще говорят, что политика академии — равенство. Ха. Ха-ха. Ха-ха-ха.

Компания за столом порядком поредела, остались лишь Барби и ее Прилипала, Мятный, Мама (Да, это парень.) и сам Беркут. Не то чтобы я был заинтересован их звездным сиянием, просто они то и дело бросали взгляды на наш скромный столик, имевший четыре угла.

— Ты тоже заметил? Мне прям кусок в горло не лезет, так они на нас уставились... — Усмехнулся Пит, и в доказательство своих слов, отправил в рот огромный кусок сэндвича с курицей.

— Ага. Ну, может, дело не в новенькой? Может они узнали, какие успехи у меня на курсах актерского и теперь Беркут чувствует конкурента? — Я воинственно хлопнул себя по груди. — О, или нет, они пронюхали, что та история с Деспотом и молоком, за которую влетело им... Фто...

Конец истории мне рассказать не удалось, так как Питер, суеверный Питер, уверенный, что и у стен есть уши, заткнул мне рот ладонью.

— Заткнись, Поэт, иначе я верну новенькую, чтобы весь твой словарный запас снова испарился.

Я сделал вид, что запираю рот на замок, да только ключ выкидывать не стал. Мало ли. На выходе из столовой нас ожидаемо подкараулил Беркут.

— Поэт. — Кивнул он мне, игнорируя Питера. Не знаю, отчего так получилось, что я застрял где-то на одну ступень ближе к привилегированным студентам, чем мои друзья. Я не рвался к ним, просто учился, когда выпал такой шанс и был благодарен этой возможности. Помимо учебы мы с моим рыжим другом иногда «шумели», когда становилось совсем скучно. Пару раз чуть не попались на горячем, в том числе и со Звездами академии. Но не пойман, не вор, верно?

Я кивнул Томасу в ответ и ожидающе остановился. Тот потер бровь в нехарактерном для своей персоны неуверенном жесте:

— Девчонка, которую чуть не пришибли. Это ваша подруга? Одноклассница?

— Да, новенькая.

Беркут смотрел на меня. Я смотрел на Беркута. Он хотел больше информации? Для этого стоит задавать вопросы, верно? А так: на все заданные я уже ответил. От дальнейшего диалога нас спас Ведьма:

— Скоро звонок, пошли, иначе Деспот нас сожрет.

Беркут нехотя посмотрел на Пита, явно раздосадованный его комментарием. Из дверей

столовой выплыли Барби под руку с Прилипалой и взяли курс на айсберг по имени Томас. Барбара явно была бы не рада тому, что Беркут выясняет что-то о девушке. О любой девушке. Да взглянем правде в глаза: копай он под Ведьму и то получил бы порцию гневных вопросов, просто потому что у моего друга девчачья кличка. И это при том, что Барби и Берк не состояли в отношениях. Да он вообще чихать на нее хотел. Никогда не понимал девушек, бегущих за парнями, которые использовали их вместо коврика для обуви.

— Мы пошли тогда, до встречи. — Сказал я ему и ретировался в след за другом, который уже оставил меня. Между гневом учителя физической культуры и дружбой он выбирал первое, просто потому что хотел жить.

После двух пар физкультуры, состоящих из кроссфита, кроссфита и снова кроссфита, я буквально ввалился в душевую кабинку. Здесь я с удовольствием и даже чувством благодарности к человеку, который изобрел душ, окунулся под струи воды. Но времени на мокрую философию не было, наскоро обмывшись, я поспешил одеться и ринулся к месту встречи с Самантой. У Ведьмы оставались дела в школе, так что, как сказал он: «тебе придется выдержать этот бой без меня, сын мой». Иногда мне кажется, что записаться со мной на актерство было не самой удачной для него идеей.

Заметив впереди фигуру, обтянутую черной кожей, я ускорился, не желая опять кричать на весь коридор, и нагнал Саманту по пути к ящикам:

— Привет. — Произнес я снова, дотронувшись до плеча девушки.

— Привет. — Улыбнулась она, останавливаясь перед своим шкафчиком. — А я думала, что одна буду выглядеть как из под дождя. — Сказала девушка, дотрагиваясь до моих мокрых волос. Я не стал сушить их, не желая, чтобы девушка меня дождалась. И теперь заметил, что и волосы Сэм были влажными и заплетены в пучок. Ее лицо открылось еще больше, показывая красивую линию скул. — Урок танцев оказался действительно горячим, я вышла оттуда вся мокрая. И вот. — Она пожала плечами и, открыв шкафчик, взяла оттуда большую папку.

Лишь когда она закрыла дверцу, я заметил, что на всех ящиках в коридоре висели оранжевые листки с тыквой, призывающие студентов на субботнюю вечеринку в загородный дом к Джексону.

— Пойдешь? — Спросил я, указывая на листок.

— На вечеринку в честь Хэллоуина? — Она сорвала листок и продекламовала: — «Самая страшная ночь в году станет самой горячей. Ведьмы, вампиры, оборотни и прочая нечисть: мы ждем вас». — После ее прочтения, насквозь пропитанного сарказмом, я почти проклял себя за свой вопрос. Хотя, я же не приглашал ее со мной? Я просто спросил, хочет ли она пойти. — В любом случае, — Продолжила она, складывая лист пополам и засовывая в рюкзак. — Я люблю вечеринки. — Ее лицо снова озарила улыбка, на этот раз озорная.

— Думсдей устраивает крутые вечеринки, надо отдать ему должное. Это тот, что пытался поселить на твоих плечах мяч, и кого ты поставила на место одним движением руки. — Я изобразил, как лениво Саманта поймала сегодня подачу Дума, заставив ее рассмеяться.

— Оу, так это тот качок? Ну да, хоть что-то он должен делать хорошо. Может вечеринки? Потому что футбол — явно не его. Как думаешь, я могу захватить подругу?

— Ну, если она тоже будет одета во что-то кожаное, то Думсдэй будет на тебя молиться весь семестр.

Она засмеялась и объяснила, что вряд ли Элизабет (Так звали ее подругу, а также

соседку по квартире.) согласится на такое, не ее стиль. Но вот с откровенностью у нее проблем нет. Сэм закинула рюкзак на одно плечо и, после моего замечания, что мне в шкафчике ничего не надо, мы проследовали на выход. Дойдя до машины я нажал на брелок и открыл дверь перед спутницей. Поблагодарив меня, она села в старенькую Ауди. Серая машинка была подарком родителей, и я прикипел к ней душой, поэтому вряд ли поменяю, пока она в конец не зачахнет. Подходя к водительскому сидению, я отметил, что уже начинаю привыкать к взглядам людей, которые преследуют меня целый день. Точнее они смотрят на воплощение рока в образе школьницы, но и мне сегодня изрядно перепадает. Сев за руль и еще раз окинув взглядом Саманту, я решил, что могу и потерпеть. Тем более, что произносить членораздельные звуки рядом с ней я уже практически научился.

Глава 3. Кофе, текила и две большие пиццы

Глава 3. Кофе, текила и две большие пиццы

Саманта

Первый день в академии, да еще без Элизабет, бесил невероятно. Все эти люди... Много, очень много людей! А люди — это, знаете ли, не мое. Нет, были и положительные моменты. Уроки здесь вели явно не профаны, как было в Чехии. Здесь каждый преподаватель был фанатиком и явно на своем месте. Я не считала фанатизм пороком. Как можно считать страсть к своему делу чем-то плохим? Хуже те личности, которые проживают каждый свой день «от звонка до звонка», тратя время на никчемную работу и на мечты, которые никогда не реализуют. Почему? Только потому, что они не собираются прикладывать ни малейших усилий. То же могу сказать и об учениках. Они здесь были интересные. Хотя система иерархии определенно присутствует. Впрочем, для академии, чей бюджет на львиную долю состоит из спонсорских бабок богатеньких родителей, это не удивительно.

Мой смартфон прозвенел, оповещая об смс от Лиззи. Собственно, кроме Элизабет и оператора мне больше никто и не писал.

Лиз: Когда домой? Нашла ублюдка?

Я быстро отщелкала на сенсоре ответ:

— **Скоро, меня подвезут. Да.**

Я обернулась к водителю и окинула его взглядом. Он изменился. И, стоит отметить, годы сделали его красивее. Сейчас Дэниэл был высокий, а за форменным пиджаком явно прослеживались крепкие мышцы и широкие плечи. Темные длинноватые волосы были в беспорядке после душа, хотя и в сухом виде он не особо дружил с расческой. Лицо закрывали достаточно большие очки в черной оправе. Да, он явно был более чем симпатичен. Рискну сказать больше: сними брюнет очки — и составит конкуренцию моделям академии. Ну, а если ему показать дорогу к парикмахеру — может засветиться и на билбордах. Да только его такие перспективы, похоже, совершенно не волновали. Запустив руку в темные волосы, он сильнее взъерошил и без того торчащие пряди и спросил:

— Так что с танцами, тебе понравилось? Как Мисс Пэйн? Или ты еще называешь ее Мисс Купер?

Я кивнула, а затем добавила, отворачиваясь от его профиля к лобовому стеклу:

— Она крутая. Бывшая участница танцевальной группы «Shok — g», верно? Выжали меня как лимон, никакого уважения к новичкам. — Я поняла, что мое бурчание не было воспринято всерьез, по смешку парня. Да, мое удовольствие от урока танцев скрыть было сложно. Впрочем, я впадала в экстаз практически от любого вида спорта. Кроме прыжков через коней. Это какое-то извращение. — Но это не то, чем я собираюсь заниматься. Танцы — для души. Меня больше интересует писательская деятельность, чем сцена. Может, сценарии.

— Серьезно?! — Воодушевился парень. — Это и мое также. Правда я на всякий случай хожу на актерские курсы, чем черт не шутит. Только вот с выступлением на публике у меня

глобальные проблемы. — Он заразительно засмеялся, обнажая ровные белые зубы.

— Поэт, значит. — Усмехнулась я, вспоминая его прозвище. — Теперь отпадают вопросы о причине появления такой клички. Не прочитаешь что-нибудь?

— Хм... Сейчас?

— Ну, я как раз сейчас абсолютно ничем не занята. — Развела я руками в ограниченном пространстве салона. К слову, здесь царила идеальная чистота, а ароматизатор добавлял запаха кофе. Я с некоторых пор не пила кофе, но вот его аромат мне был приятен.

— Что бы ты хотела услышать?

— Что-то... Твое? Ты же пишешь? — Парню стало явно неуютно, возможно, это личное. Поэтому я живенько набросала еще варианты: — Ну, или что-то из любимого. Или под настроение.

Парень замолчал, я уже подумала, что он не хочет реагировать на мою просьбу, но рот Поэта раскрылся и оттуда стали вылетать рифмы, произносимые идеальным тембром, с идеальной дикцией и, что главное, с чувством:

— **Предчувствие любви страшнее**

Самой любви. Любовь - как бой,

Глаз на глаз ты сошелся с нею.

Ждать нечего, она с тобой.

Предчувствие любви — как шторм,

Уже чуть-чуть влажнеют руки,

Но тишина еще, и звуки

Рояля слышны из-за штор.

А на барометре к чертям

Все вниз летит, летит давленье,

И в страхе светопреставленья

Уж поздно жаться к берегам.

Нет, хуже. Это как окоп,

Ты, сидя, ждешь свистка в атаку,

А там, за полверсты, там знака

Тот тоже ждет, чтоб пулю в лоб...*

В салоне повисла тишина. Я рассматривала точеный профиль водителя, а он не отрывал взгляда от дороги. Почему мне кажется, что он сильно, очень сильно напрягся? И почему мне самой стало жарко от того, как он прочитал стихотворение? Уж не от хрипотцы в его голосе? И почему я раньше ее не замечала?

— Это было здорово. Красивое стихотворение, а ты — хороший чтец.

— Спасибо. Это Симонов. Его творчество. Мне нравятся русские классики...

— А это «что-то из любимого» или «что-то по настроению»?

— Думаю, и то, и другое.

— Да? Предчувствие любви? Может, Поэт влюбился? — Хитро улыбнувшись, поинтересовалась я.

От моего комментария, щеки парня слегка занялись румянцем. Это было чертовски мило. Не я решила не смущать его еще сильнее тем, что заметила, как ему идет красный, и перевела тему, спросив то, что меня действительно волновало весь день:

— Кстати... А что насчет других дисциплин? Ну, например, музыкальные инструменты...

— Я состоял в классе гитары в прошлом году, но ушел. Знаешь, там так много юных рокеров, что не продохнуть. Но кое-что я умею. — Он подмигнул мне. Он подмигнул мне?! Вау. — Ну и...

Парень замолчал, сильнее сжав баранку руля.

— И? — Подтолкнула я его к ответу.

— И я занимался скрипкой долгое время. Начиная с детства.

В моей голове отчетливо раздалось «Аллилуйя» в исполнении хора ангелов, кажется, им аккомпанировала скрипка... Я пожалела, что убрала волосы наверх, желая спрятать свою сияющую физиономию хоть за чем-то. Пришлось отвернуться к окну:

— Ты так говоришь, как будто недоволен этим.

— Не то чтобы, просто я бросил.

— В смысле?! — Я резко обернулась, а мое возмущение было так очевидно, что парень чуть ли не подскочил на сидении. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида и пожал плечами.

— Просто. В один прекрасный день не захотел этим заниматься.

Я была расстроена? Я была близка к тому, чтобы выдрать этому милому парню волосы. Заодно и укоротим.

— А я вот люблю скрипку. — Негромко, даже как-то обиженно, сказала я, нарисовав на стекле какой-то незамысловатый узор.

— Оу... Ну... Может быть... Я сыграю тебе когда-нибудь, если хочешь. Не могу обещать, но когда-нибудь...

Я с улыбкой снова повернулась к нему:

— Правда? Да, хочу. Сыграй мне, обязательно. — Проговорила я, добавив мысленно «снова». Почему-то от его нерешительного обещания температура моей души прибавила пару градусов. Давно такого не происходило.

Он бросил в мою сторону короткий взгляд:

— Так, куда дальше?

— Ох, да. Режим навигатора успешно активирован. На следующем повороте поверните направо. Желтый дом — наш.

— Есть, шеф!

Выполнив мои указания, парень притормозил у довольно милого дома: бледно-желтого, с белыми новыми окнами. Мы сняли его с Элизабет по трем причинам: близко к академии, красиво, не привлекает внимание. Согласитесь, две новенькие студентки, снимающие пентхаус, вызвали бы определенного рода подозрения. А вот основную часть пункта «красиво» включал в себя задний двор, с тремя яблонями и двумя вишневыми деревьями, а также качели и место для обедов на воздухе. Спереди, за витиеватой оградой, были высажены розовые кусты, которые сейчас были голые. Но агент клялся, что они розовые. В общем, это был довольно-таки девчачий вариант.

— Зайдешь на чай, кофе, воду? — Спросила я, подхватывая свою сумку, которую успела закинуть на заднее сидение.

— Не знаю, это уместно?

— Более чем, познакомишься с Лиз. Она придет в школу лишь на следующей неделе, проблема с документами.

— Не удивительно, у нас в секретариате — бермудский треугольник. Если туда попадает какая-то бумажка — считай, пропала.

Я улыбнулась, не решаясь комментировать слова парня. Пусть лучше грешит на администрацию, чем узнает, что основная трудность наших бумаг заключалась в том, чтобы скостить Элизабет, а мне, наоборот, добавить годик. Ну и подретушировать некоторые данные. Поддельные паспорта — это не то, с чего следует начинать знакомство, верно?

Подождав у ворот, пока парень удобнее припаркует серый автомобиль, я вошла во двор и проследовала в дом.

Элизабет

Получив ответное сообщение от Сэми, я бросила телефон на диван. Очевидно, мягкая обивка не по вкусу этой модели смартфона, и он ловко соскочил с нее на пол. Какие мы привередливые...

— Ауч... — Пробормотала я, поднимая многострадальную технику. Его экран уже был в характерных трещинах, а все потому, что я не испытывала необходимости следить за их сохранностью. Ну, телефон и телефон, что в нем такого? Так, уже два телефона я утопила, еще два потеряла, четыре заболели неизлечимой болезнью и пали смертью храбрых. Надеюсь, теперь они в раю для смартфонов.

Погладив по еще более-менее целому экрану свой Samsung, я лишний раз засмотрелась на заставку. Красивый мужчина в классическом пиджаке. Волевой подбородок, идеально-прямой нос и почти черные глаза. С громким вздохом я упала на диван, с которого не так давно пикировал мой мобильный и накрыла голову подушкой. Это не помогло, мысли все равно проникали в нее и все сводились к последней сцене моего общения с ним.

«— Мистер Коллинс, к вам по записи, Элизабет Стоун.

— Хорошо, впустите. Подождите, кто?!

Дверь в кабинет распахнулась и в нее вошла я, сверкая улыбкой:

— Стоун! Элизабет Стоун, вы не ослышались, доктор Коллинс. А что, не ожидали войти в семью с психически не стабильными? — Я снова улыбнулась, откинула волосы на левый бок и, кивнув секретарше, закрыла за собой дверь.

Шпильки постучали по полу кабинета:

— А у вас здесь уютно, Док. Мм... Какое очаровательное кресло, оно для пациентов? -

Не дожидаясь приглашения, положила сумку на кофейный столик и улеглась на кресло, вытянув длинные ноги, ничуть не смущаясь длины юбки.

— Да, Элизабет, эти кресла служат максимальному расслаблению моих клиентов. Но не думаю, что оно тебе нужно, как и мои услуги.

Я фыркнула:

— Отчего же? Я записалась на прием, — Сделала демонстративную паузу, слегка приподнялась на локтях и посмотрела на Кея, а затем добавила с придыханием и расстановкой. — Доктор Коллинс Кей. И, между прочим, — Я снова откинулась на сиденье и чуть прикрыла глаза. — Ваш час стоит не дешево. Так что, может поговорим о моих проблемах?

Кей оттянул галстук, который неожиданно стал давить на его явно пересохшее горло. Мой приход сюда явно не сулили ничего хорошего для его нервов. Ну и отлично.

— Ладно, Элизабет, я тебя слушаю. О чем бы ты хотела поговорить?

— Как, Вы не сядете напротив? Так и будете вещать из-за стола как директор фирмы? А как же степень максимального расслабления и доверия, Доктор? — Проговорила я, не открывая глаз и не прекращая улыбаться.

— Элизабет, — Кей снял очки и потер переносицу. — Я тебя слушаю.

Я захохотала и присела в кресле, свесив длинные ноги в сторону Кея.

— У меня сестринский комплекс, Док.

— Я не заметил у тебя с Лидией проблем.

— Оу, а у меня и нет с ней проблем. — Спрыгнула на пол, подошла к столу, прошлась от одного края к другому, протерев длинным тонким пальчиком несуществующую пыль. — Просто мне хочется всего того, что есть у нее. С детства. Я эгоистка, Док?

— Нет, это нормально среди братьев и сестер. Дух соперничества за любовь и внимание. А у тебя, как у младшей, еще и желание походить на нее, а отсюда и обладать ее вещами.

Я обогнула стол и с улыбкой подошла к Кею, встав со спины, наклонилась к его правому плечу так, что спавшие волосы щекотали ухо и шею, и произнесла:

— Нет, Доктор, вы не понимаете. Мне нужно **всё**, что принадлежит ей. Абсолютно **всё**. Я этого **хочу**. — Добавила я с нажимом на последнее слово. Мои пальчики прошли по воротнику рубашки, спустились по руке к манжете и остановились на напряженной руке Коллинса, все еще державшей очки. — Безумно хочу. — Прошептала на ухо.

Кей осторожно высвободил руку и повернулся в кресле, оказавшись на расстоянии пары сантиметров от моего лица. И он посмотрел на меня совершенно спокойным взглядом черных глаз, от которого мое сердце защемило:

— Лиззи, что ты творишь?

Я ни на сантиметр не отодвинулась:

— Как что? Я больна, мне нужна помощь. К Вам разве не за этим приходят?

— Знаешь, в психологии есть одно понятие, очень точно описывающее твоё поведение.

— Мм, и какое же?

— Дура».

— Лиз, мы пришли!

— Мы? — Промычала я из под подушки, которая все еще была на моей голове. Голос Сэм все равно проник сквозь толщу синтепона и добрался до меня, выдергивая из воспоминаний. Вот и отлично. Еще немного и мне понадобится психиатр. Психиатр, черт возьми! Даже эта профессия наводит меня на...

— Страус, у нас гости, хватит прятать голову. — Подруга постучала по подушке, а затем, не смотря на мой протяжный стон недовольства, вовсе отняла ее. — Я не уверена, что он хочет общаться только с твоей задницей.

— Он? — Спросила я, резко поднимая голову и поворачиваясь в сторону спутника Сэм. Действительно, парень. Но не убудок. А я то подумала...

— Ты сегодня только местоимениями общаться намерена? Поднимайся. — Затем Сэм кивнула на меня гостю. — Это Элизабет, переехала вместе со мной и учиться будет с нами. Лиз, это Дэниэл. Поэт. Он наш одноклассник.

— Поэт — это прозвище. Но можешь называть меня по имени, или Дэни. — Уточнил представленный парень.

Я помахала рукой и растянула губы в улыбке, приветствуя высокого брюнета в форме академии «stART». К слову, синяя форма с красным галстуком ему очень даже к лицу.

— Отлично, Поэт так Поэт. Я никогда не против интересных погонял. Вот например у Сэми в детстве... Ауч! Окей, молчу! — Получив заряд все той же подушкой в лицо, я не стала продолжать увлекательный рассказ о юношеских годах Сэм. — Ой, ребят, а чего вы такие мокрые? — С удивлением спросила я, заметив эту странную черту сходства между Сэм и Поэтом.

— Дресс-код академии. — Фыркнула Сэми, снимая резинку с волос, дав мокрым прядям свободу. Я заметила, как проследил за этим движением Дэниэл, похоже, он сотворил себе кумира. Эх, жаль парня, зеленый совсем.

— Мы принимали душ. — Пояснил он. Поймав на себе смешливый взгляд Саманты, он понял, что выдал какой-то неправильный факт и замахал руками. — Не мы с ней — я и она, а отдельно. У нас отдельный душ в академии. Парни направо, девушки налево и все такое.

Я хмыкнула и снова упала на диван:

— Правда? Вот так жалость! А я уж надеялась, что на этот раз нас ждет кое-что реально интересное.

— Ну, тебя как минимум ждут: Кот, который забавный, Думсдэй, который тупой, но у него вечеринка, Ведьма, который парень, и Староста, которая девушка, и Дореми, которая директор, и... — Сэм поочередно загибала пальцы, выдавая мне эти странные изречения и замерла, пристально посмотрев в глаза нашему гостю, который все еще мялся между диваном и входом. — И Поэт, который здесь. Ничего не забыла?

Не знаю, что она забыла, но заставить бедного парня в очередной раз покраснеть — точно нет.

— Так, что за бред я только что услышала? — Спросила я, поднимаясь наконец с дивана. В этом доме нереальное отопление. Пришлось расстегнуть розовую толстовку моего любимого велюрового костюмчика от Juicy Couture.

— Вы прослушали демо-версию «Академия искусств stART и то, что вас ожидает».

лицензионную версию вы получите только после того, как Саманта Хэйс переоденется. — С этими словами моя подруга, почти сестра, направилась в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Там было три уютные спальни и одна ванная комната — идеально. И вообще, этот дом я считала идеальным. Разве что отсутствие бассейна удручало... Но переживу. Более того, надеюсь, что мы задержимся здесь подольше.

Я уже хотела предложить новому другу напитки, силясь вспомнить, распаковали ли мы чайник, как Сэм, не дойдя пару ступень до верха, перегнулась через перила:

— О, есть и вариант пиратской версии! — Она ткнула пальцем в гостя. — Кто тебе расскажет лучше, чем первоисточник? Только будь же вежливой, напои моего гостя чаем. Или контрафактной текилой. Не знаю, что из этого мы распаковали.

Я не могла не усмехнуться вечной схожести наших мыслей.

— Тогда пиратская версия — это не он, а ты! — Крикнула я ей вдогонку.

— Мне пойдет пиратский образ! И бандана с черепом! Йо-хо-хо и бутылка рома! — Донеслось со второго этажа.

Я лишь хмыкнула и снова посмотрела на парня:

— Итак, Поэт. Кофе или текила?

Саманта

Кинув сумку на пол, я подошла к одной из коробок, на которой значилась надпись: «Домашняя одежда — С». Выудив из нее черную длинную майку, купленную в отделе мужской одежды с внушительным размером XXL на ярлычке и изображением профиля Бэтмена на груди. Натянув ее, я принялась искать шорты. Обыск ничего не дал. Возможно, шорты пропали в коробке «Домашняя одежда — Л». Пожав плечами, я решила, что судьба сегодня хочет, чтобы я сверкала ногами. Да и, честно признаться, те шорты были необходимой одеждой лишь номинально, они совершенно не выглядывали под огромной майкой, которая была на ладонь выше моего колена. Так что сделаем вид, что они там все-таки есть. А если вы не можете сделать такой вид: вы больные извращенцы.

Пройдясь по волосам расческой, я пошла обратно. Дэни я застала на кухне одного. Он сидел за небольшой барной стойкой (Ах да, этот дом состоял все же из «четырёх причин», Элизабет отказывалась жить в доме, в котором нет хотя бы небольшой барной стойки — это ее «отрада души»). Зайдя на кухню, я бросила на парня самый подозрительный взгляд. Он глотнул из своей чашки, от которой шел пар и приятный аромат арабики. Затем я медленно прошла на кухню и заглянула под барную стойку. Затем под обеденный стол. Затем взяла кухонный нож и медленно развернулась к непонимающе следящему за моими действиями парню:

— Признавайся. — Сказала я стальным голосом, направляя в его сторону лезвие. — Куда ты дел мою подругу?

Тишина. Театральная пауза. Уже через секунду взорвавшаяся смехом: моим и Лиз, появившейся в дверном проеме и наблюдающей за разыгрывающейся драмой.

— О, сестра! Ты нашлась! — Воскликнула я, кидая нож обратно на столешницу. — Я думала, этот демон украл тебя!

— Увы! — Вскидывая руки к небу, вторила мне подруга. — Он ворует только невинных девственниц! Я в пролете!

— От многого отказывается. — Проговорила я сквозь смех.

Посмотрев на Дэниэла, я ожидала увидеть растерянное лицо и взгляд, ищущий выход: как же, попал в дом к двум ненормальным. Но нет, парень от души рассмеялся над нашей импровизированной сценкой. Даже несколько раз хлопнул в ладоши:

— Bravo, девочки. Вы всегда концерты закатываете, или мне несказанно повезло?

— Повезло. — Кивнула Лиз, хлопнув парня по плечу, проходя мимо и следуя к кофеварке. — Под счастливой звездой родился, парень.

— Да я уже начинаю в это верить. — С улыбкой произнес Поэт, переводя взгляд на меня. Ничего себе, кажется, моя очередь краснеть? Ну нет, такого в сценарии не было. Я резко обернулась спиной к Дэни, передо мной оказалась столешница с тем же ножом и раковиной. Ну что ж, хоть руки помою. Буду выглядеть чистюлей, зато не душой.

— Чай, Сэм?

— Да. Ужин?

— Пицца?

— Мм... Была вчера и на обеде. Суши?

Мы резко развернулись друг к другу и хором произнесли, характерно взмахивая кулаками:

— Се-Ту-Ва.

Двое ножиц. Мы улыбнулись и снова отвернулись друг от друга: она продолжила делать себе кофе и мне чай, а я сняла с холодильника номер местной доставки. Дождавшись дежурного ««Пицца и Суши от Марио и Таши» — слушаю вас», произнесла:

— Добрый день, девушка, будьте добры две большие пиццы: одну на белом — Сливочную... И ммм... — Я задумчиво посмотрела на парня, попивающего кофе. Почему я не спросила о его предпочтениях? — «Кватро стаджиони», а также Калифорнийский сет. Не. Неа. Ага. Крайний Сквер, 13. Спасибо.

Положив трубку, я посмотрела на Дэни:

— Ты же все ешь? Парни — они всеядные.

Тот с улыбкой кивнул:

— Не все, например, Пит может убить за найденную в еде маслину. Но я так обычно не делаю.

— Отлично, тогда составишь нам компанию? — Я приняла из рук Лиз горячую кружку травяного отвара и с наслаждением втянула успокаивающий аромат мяты. Он немного перебил кофейные пары от чашек гостя и подруги. Возможно, пить кофе вечером — моветон, но не в этом доме. Лиз без него не могла. Когда-то я тоже. — Порции в «Марио и Таша» действительно огромные, так что твоя помощь нам не помешает.

С этими словами я приземлилась на высокий барный стул, закинув ногу на ногу. Майка задралась, предоставляя прекрасный обзор. Мой телефон на столешнице сразу пиликнул, на экране высветилось имя Лиз. Я выразительно уставилась на нее, она, прислонившись к «кухонному треугольнику» и потягивая кофе, с хитринкой наблюдала за нами и кивнула на мой аппарат.

— К сожалению, у меня планы на сегодня. — Произнес Дэни. Весь вид его выражал то, что ему действительно жаль.

Я взглянула на смс:

Лиз: «Запрещенный прием, Сэм!»

К сообщению прикладывалось фото моих ног. Не успела я среагировать, как получила другое сообщение, по поводу отказа парня:

Лиз: «Не прокатило:-Р».

Я не стала набирать ответ, а лишь закашляла в кулак, маскируя под кашель слово «Ст-ер-ва». Если Поэт и услышал, то вида не подал, лишь обеспокоенно глянул на «резко простывшую меня». А вот фырканье, донесшееся с «кухонного островка», обозначало, что сообщение достигло адресата.

— Все в порядке? Может, простыла из-за мокрой головы? Не стоило сразу выходить, сейчас у нас довольно холодно.

Если он не перестанет быть таким милым, я за себя не ручаюсь. Серьезно.

— Нет, все в порядке. Горячий напиток не в то горло попал. — Проговорила я.

— Вы забавно выбираете ужин. — Прокомментировал недавнюю сцену парень.

— Оу, ты кстати не подумай, мы часто готовим. Но из-за этого переезда я даже не могу предположить, где мои шорты, не то что кастрюли. — Я озадаченно повела плечами. А напоминание о шортах снова заставило парня скользнуть по моим ногам. На этот раз он покраснел и отвел взгляд, изучая ромбы на обоях. Мой телефон снова просигнализировал, я лишь закатила глаза, игнорируя новые комментарии Лиззи.

— Ты рассказал Лиз что-нибудь из того, что я не знаю? — Поинтересовалась я.

— Да нет, я рассказал про тех, с кем ты знакома. И про некоторых из Звездных. Про предметы и разделение по специализации на третьем курсе, про клички...

— И про вечеринку! — Воскликнула Лиз, делая ритмичные движения бедрами.

— Хотите, я завтра заеду за вами? — Предложил Поэт.

— Было бы круто, мы... Не знаем района и куда ехать.

В след за моим высказыванием в меня полетела очередная шпилька от подруги:

— Да и если бы знали, напомни мне, где наша машина?

Я поджала губы и развела руками, в немом жесте, выражающем что-то среднее «без понятия» и «я сожалею». Сожаления явно не доставало, Лиз не верила в мое раскаяние. Я не корю ее, сложно поверить в то, чего нет. Подруга слишком хорошо знала меня, чтобы понять, что раскаяние подобным поступком и Саманта Хэйс — это как... Ну... Русалки? То есть — не существует. Хотя на счет русалок я еще не до конца уверена.

Поэт с интересом уставился на меня, явно ожидая объяснений, все как в комедии: «Где твоя тачка, чувак?». Но эта тема не входила в список моих откровений. Да и он не Святой Отец, чтобы душу изливать. От неловкой ситуации меня спас звонок в дверь:

— Еда! — Воскликнула я, с утрированной радостью. — Я открою.

— Ох, заодно я тоже выйду, мне действительно, пора. Спасибо за кофе, Лиз, приятно было познакомиться.

Элиза взяла его опустевшую чашку со стола и отсалютовала ей:

— До встречи на вечеринке, не забудь забрать нас! Я буду... в одежде! — Крикнула она вслед парню.

Я лишь покачала головой и, подхватив кошелек, подошла к двери.

— Добрый вечер, ваш заказ!

— Здравствуйте. Вы быстро. — Отдав парню-разносчику купюру, с чаевыми (За то, что они носят эту ужасную форму цвета засохшей грязи, у них должны быть чаевые, поверьте.), я получила свои коробки с едой, которые тут же перехватил подоспевший Поэт. Еще никогда еда не уплывала от меня так быстро...

— Я помогу. — Он быстро отнес коробки на кухню, получив от Элизабет еще несколько комментариев в стиле: «Уже пришел? Я еще не готова!», Дэни вернулся к выходу и вступил в

черные школьные ботинки-оксфорды. Завязав шнурки, он выпрямился. От того, как близко он стоял, я в лишней раз заметила, какой же парень высокий. Весь день я была рядом либо в сидячем положении, либо на каблуках. Стоя на полу босиком я едва доставала макушкой до его груди.

— Ну, увидимся завтра в школе? — Очевидно, заметив какую-то соринку на своих очках, парень снял их, и, посмотрев на свет, достал из кармана платок и принялся натирать стекла. О чем я подумала в этот момент? Что все варианты сказки «Золушка» или молодежные романтик-стори о том, как дурнышка превращается в принцессу, сняв очки и выщипав брови — чертова правда. Потому что мужская версия Золушки стояла прямо передо мной.

В общем, либо Поэт действительно нуждался в чистке очков, либо это было то, что Лиз называла «запрещенный прием». С высоты под два метра на меня смотрело мужественное и одновременно потрясающе обаятельное лицо. Глаза цвета корицы, обрамленные густыми черными ресницами, какие бывают лишь у парней, неповторимо оттенялись темно-каштановыми волосами. Кажется, в этих глазах блестели вкрапления золота. Высокие скулы, выразительные черты лица, четко очерченные губы, которые сейчас были слегка растянуты в улыбку... Он был идеален.

— Сэми? — Робко улыбаясь, спросил парень, водружая очки на законное место. Ого, сразу стало дышать легче. Вот идут же людям очки, а?

— Да. Да, конечно, увидимся завтра. Я просто почуяла запах еды и мой мозг отключился. Спасибо, что довез до дома.

— Всегда пожалуйста. Правда обычно со мной ездит Питер, и вряд ли он уступит свое место, но сидения сзади свободны.

Я благодарно кивнула:

— Буду иметь в виду.

— Ну, пока? — В который раз попрощался парень. — Не стой на пороге босиком, ты и так сегодня с мокрой головой путешествовала.

— Хорошо, мамочка. — Ответила я, заметив, что по ногам действительно тянет прохладой от вечерних сумерек.

Он поморщился:

— Не называй меня так, в школе уже есть Мамочка. Его зовут Стивен.

Не выдержав, я прыснула:

— Черт возьми, мне понадобится учебник, чтобы изучить все ваши прозвища.

— Я готов стать твоей Википедией. — Парень задорно поправил очки, а затем снова глянул на часы, лицо сделалось озабоченным. Очевидно, он торопился. — Ох. Пока, Сэм. — Он махнул мне рукой, уже сбегая по лестнице из трех ступенек и следуя по дорожке в сторону Ауди.

В свою очередь помахав ему вслед рукой, я закрыла дверь.

Передо мной моментально материализовалась Лиззи, жуя пиццу. Не потрудившись прожевать кусок, она промямлила, показывая в лицах:

— Пока, Сэми. — Басом, и тонко добавила: — Пока, Дэни. — И снова. — Пока, Сэм. Ну, пока, Дэни.

Я устало потерла виски. День был действительно сумбурный. Может, стоило пойти в stART с понедельника, вместе с Лиз? Или не идти завтра... Хм.

— Это было настолько комично? — Поинтересовалась я о затянувшейся сцене

прощания.

— Ну, так, 7 из 10. — Лиз отправила в рот остаток пиццы, а я проследовала мимо нее на кухню. После танцев я обычно хотела есть немедленно, а тут прошло довольно много времени. — И фто это был?

Мои губы растянулись в улыбке:

— Помнишь, когда я сбежала с похорон Роберты, я рассказывала про мальчика, играющего на скрипке в лесу?

— Конечно помню. Мне было обидно, что ты убежала без меня и встретила этого Эльфа. Я назвала тебя лгунишкой и хотела рассказать маме, но ты побила меня, дрянная девчонка! До сих пор тебя за это не люблю!

В доказательство своей ненависти Лиз засопела, как ежик, и с яростью оторвала себе очередной кусок пиццы. Я же принялась за упаковку с роллами.

— Ну вот, теперь ты тоже видела моего Эльфа. — Усмехнулась я, разламывая палочки и, потеряв их друг о друга, что, кстати, в Японии — признак плохих манер, ну а у меня — дело привычки. Разведя щедрую порцию васаби в соевом соусе, принялась за ужин. — Итадакимас!

— Отставить японский! Погоди. — Задумчиво произнесла Лиз. — Погоди. — Она посмотрела на меня, а затем на дверь, как будто в проходе мог оказаться Поэт и объяснить ситуацию.

— Жду-жду, никуда не тороплюсь. — Пробормотала я с набитым рисом и рыбой ртом.

— Стоп, все по полкам. Откуда такая уверенность? Ты в курсе, что прошло уже...

Я со звоном положила палочки на стол, хлопнув по нему ладонью:

— Прошло 3 года 7 месяцев и 4 дня, Элизабет. Я в курсе. Я помню об этом каждый день.

В кухне повисло молчание, было слышно лишь, как вода методично капает из не до конца закрытого крана: кап-кап-кап-кап... Как же бьет по расшатанным нервам.

— Прости. — Нарушила тишину Лиз, накрыв своей рукой мою.

— Да брось, все отлично. — Я тряхнула волосами, желая, чтобы таким же легким движением все лишние мысли разом вытряхнулись из моей головы. — Это ты прости.

Через пару минут тишины, нарушаемой лишь звуками поглощаемой еды, Лиз спросила:

— Слушай, а что на счет ублюдка? Я думала, что ты притащишь к нам его.

Я сделала вид, что подавилась:

— Шутишь? Я еще морально не готова к такому шагу. Когда увидела его в столовой, думала, что меня наизнанку вывернет.

— Я так понимаю, что компания Дэниэла от его шайки как небо от земли?

— Не то чтобы, скорее Поэт в междумирье застрял... Хотя я толком еще не разобралась со всей этой системой кланов. Но наверху цепи питания ублюдок — это однозначно.

— Тогда какая роль отведена во всем этом Дэниэлу?

Я удивленно посмотрела на подругу:

-Роль? Никакой. Он просто милый парень.

— Который тебе нравится.

Я помолчала, прежде чем ответить, хоть Лиз и не считала это вопросом:

— Он мне не нравится. Я в нем заинтересовалась, конечно. Я хотела его увидеть. Но втягивать его я ни во что не собираюсь.

— Ну, я рада это слышать. Думаю, он действительно славный. И прямо сейчас, когда ты сама копаешь себе могилу, не надо делать ее двухместной, хорошо? Мне было бы жаль этого парня. — Лиз встала и, отряхнув руки, убрала остатки своей пиццы в контейнер, а затем в холодильник.

Я фыркнула:

— Могила итак двухместная, да только соседняя бархатная подушка зарезервирована за тобой, крошка.

Элизабет сделала вид, что задумалась на секунду:

— А отдельный котел в Аду у нас будет?

— Пф... Спрашиваешь.

— Ну, тогда я согласна! Дадим жару, сестренка!

— Всегда, сестренка.

Лизабет стукнула меня по плечу и отчалила в свою комнату, напевая попсовую мелодию под нос. Я осталась наедине с огромным сетом роллов, есть которые совершенно не хотелось.

Уже перед сном, проходя мимо моей комнаты, подруга прервала наш обычный ритуал. Обычно, проходя мимо двери, мы всегда стучали в нее, не утруждаясь заходить в комнату, а ограничивались громким пожеланием увидеть что-либо во сне. Например, море пиццы с обильным количеством сыра и грибов. Или Йена Сомерхолдера, поклоняющегося мне. Или щенят. Я же любила пожелать подруге скачек на пони, шмоток с недели моды, а одно время упорно желала ей увидеть сеанс у психотерапевта... Сегодня же, за стуком не последовал бредовый прогноз на сновидения, а с тихим скрипом открылась деревянная дверь, из-за которой показалась розоволосая макушка:

— Хэй, можно?

Моя бровь автоматически поползла наверх.

— Спрашиваешь? Нас ждет серьезный разговор?

— Да нет. — Макушка обрела тело и, пройдя в комнату, забралась ко мне на кровать. Я уже успела забраться под одеяло и читала книгу, которую отложила на прикроватную тумбочку, в ожидании слов подруги.

— Этот парень, Дэни, он очень милый. — Мне кажется, или она начала из далекого далека?

Я кивнула, не отрицая очевидного: парень был безмерно очарователен.

— Мм... А еще у него отпадная попка. — Хитро улыбнулась мне подруга.

Не выдержав, я прыснула:

— Ох, какая наблюдательность. И когда успела?

— Когда он пошел к выходу. Мой взгляд прямо примагнитило к этому месту. Сложно оторваться...

— Ты пришла поговорить о ягодицах Дэниэла? Нет, я конечно готова развивать эту тему до глубокой ночи со всеми грязными подробностями, но все же, я вижу, что ты хочешь со мной поговорить. Действительно поговорить.

Лиз глубоко и печально вздохнула:

— Да. Послушай, Сэм, ты всегда ругалась, когда я искала себя и свое спасение в

любви. — Я только открыла рот, чтобы сказать, что ее запойные похождения по чужим койкам назвать не то что любовью, а симпатией можно лишь с натяжкой, но она подняла руку ладонью вверх, прося промолчать и продолжила. — Но ты делаешь сейчас ничуть не лучше. Даже наоборот. Ты ищешь себя в ненависти, упиваешься ею. Я понимаю, что ты имеешь на это полное право, но я так хочу, чтобы ты была просто счастлива, как в детстве.

Подруга взяла мои руки в свои и крепко сжала, ее светло-голубые глаза влажно поблескивали. Я отлично понимала, к чему она клонит. Шарманку на тему «давай-откажемся-от-этой-бредовой-затеи» я слышала не в первый и, похоже, не в последний раз. Но, «как в детстве»? Серьезно? Для того, чтобы все было «как в детстве» мне нужна спиритическая доска и способности к магии вуду, чтобы воскресить мертвых. Разгладив на ногах одеяло, я медленно помотала головой:

— Я буду счастлива. Но отказываться я ни от чего не собираюсь.

— Ох... Вообще, я так и думала. Просто лишний раз хотела это сказать... А еще знаешь что хотела лишний раз сказать? Я на все 100 % с тобой. Что бы не случилось.

Я улыбнулась:

— А я в этом никогда и не сомневалась.

Подруга крепко обняла меня, и я с удовольствием ощутила такое родное тепло и запах.

— Ты опять кричала ночью.

Лиззи-Лиззи, можно подумать, что я этого не знаю. Сложно не заметить, когда ты просыпаешься с болью в голове, горло саднит и ты весь в гребаном поту. Но сделаем вид, что это не так, пожалуй...

— Да? Дерьмо.

— Давно не было.

— Агам... Наверно, стресс из-за переезда сюда. Да и академия...

Практически каждую ночь мне снились сны. С самого детства я вполне могла не смотреть мультфильмы, так как ночные образы были так красочны, реальны и интересны, что их было достаточно. Но когда моя жизнь разделилась на «до и после», сны изменились. Я все еще вижу их каждую ночь, они все еще будто реальны, но зачастую ко мне приходят одни и те же видения.

Всего повторяющихся снов четыре. Первый сон — моя личная сказка. В ней есть лесная поляна, утопающая в зелени и ярко-фиолетовых и амарантовых цветах. Может они были и не такие насыщенные, но во сне и в памяти все именно так. Поляна обрамлена стволами деревьев, которые образуют почти идеальный квадрат. Этот квадрат похож на сцену. И когда я выхожу из «зала» на сцену — я вижу его, артиста, Эльфа моего детства. Он стоит в самом сердце поляны, в полной тишине, как застывшая мраморная статуя, кажется, он даже не дышит. Его глаза закрыты, лицо поднято вверх, освещаемое и обогреваемое лучами солнца. Солнце ласкает его, как своего сына. Руки его опущены, плечи расслаблены. Я смотрю на него мучительно долгое мгновение, замерев, как испуганная лань. И тут он отмирает. Лишь когда он поднимает руки, я замечаю, что он что-то держал в них... Скрипка! Скрипка в левой и смычок в правой — они дополняют образ, делая его гармоничным. Он вскинул скрипку к плечу и заиграл. Живую, яркую мелодию, от которой мир вокруг будто засиял, загорелся, вспыхнул. Деревья зашелестели, цветы обрели свои сочные краски и стали ароматными, бабочки запорхали, птицы запели, поддерживая музыканта. А я... Моя опустошенная душа, изодранная в клочья, усталая, измученная, наполнилась таким искренним счастьем, как будто звуки музыки наполняли меня. И я улыбалась. Наконец-то

улыбалась.

Второй и третий сон были посвящены моим родным. В одном я была со всей семьей. Когда я говорю «всей» я имею в виду и Роберту. Иногда мои сестра и брат, Роберта и Роберт (Да, мои родители очень оригинальны в подборе имен, странно, что меня не зовут Робби, Бобби или хотя бы Берта...), катали меня на качели на заднем дворе нашего дома. Мама, в легком летнем платье, усыпанном желтыми цветами, накрывала на стол, а отец, проходя мимо, к барбекю, звонко целовал ее в щеку, и на ее лице расцветала такая искренняя улыбка, что она затмевала даже самые красивые цветы на ее наряде. Мы смеялись, хохотали. Роберт дразнил меня, а я делала вид, что намереваюсь спрыгнуть с качели и погнаться за ним, хотя до смерти боялась такого развития событий. Но признаться Роберту, что я трусишка? Да уж, еще чего. Я смотрела то на их лица, обрамленные потрясающе, невероятно белыми волосами, как у мамы, то на отца, жарившего барбекю и дирижирующего кухонной лопаткой невидимым голосом Чарли Рича*, доносившего до нас свои баллады из динамиков. Потом я смотрела на наш огромный белый дом, и на небо, на котором уже стал заниматься закат. Я смотрела на свои носки туфелек, с огромными бантами по бокам: мелькающим передо мной, когда качели поднимали меня особенно высоко и резко опускали вниз. И я как можно внимательнее смотрела на Робби и Роба, впитывая в себя каждую черточку их счастливых лиц. Этот сон был прекрасен как летний день.

В другом сне я постоянно куда-то ехала. Я ехала на пассажирском сидении авто, в хорошем и удобном салоне. Машина мчалась на бешеной скорости, поэтому воздух, прорывающийся сквозь открытое окно, трепал мои волосы. Отчего-то они были белые, как у мамы и близнецов. Странно, ведь мои волосы всегда были как у отца... Я подняла руку и посмотрела на привычный золотой браслет на моем запястье. Почему-то вместо двух подвесок, маленького крестика и зайчонка, их было три. Третью я не видела. И это не все, что мне не удавалось разглядеть, вытащить из сновидений в реальный мир... Из динамиков раздавалась веселая музыка и все бы ничего, да только кто меня вез? Я постоянно пыталась рассмотреть водителя, но его лицо как будто было зачаровано. То он был одной сплошной тенью, то будто смазан от скорости, то (И это почему-то было самое страшное для меня.) водителя вообще не было. Но я была уверена, что он есть, но я не вижу его. Куда мы ехали? Не знаю, я никогда не досматривала этот сон до конца.

И последний в моем шорт-листе сновидений. Именно тот, из-за которого мне приходится менять простыни, насквозь пропитанные потом, наволочки, мокрые от слез, и соседей (Как оказалось, мало кто терпит истошные крики). Этот гребаный сон преследует меня уже почти 4 года, то пропадая надолго, будто простившись навсегда, но, когда я действительно начинаю верить в его уход из моей жизни, он внезапно возвращается, заставляя меня метаться по кровати и биться в истерике. В нем я тоже со всей семьей, но на этот раз Роберта и Роб не качают меня на качелях и не смеются. Они оба лежат в гробах, а на их лицах то самое выражение безмятежного счастья, что я так тщательно храню в своем сердце. Почему у них такое выражение? Как они могут быть счастливы, когда я страдаю? Они счастливы, что оставили меня? Счастливы, что наш добрый отец поднимет руку на мать? Что они будут на грани развода? Счастливы, что я останусь одна? Это все их вина. Все они. Я перевожу взгляд на туфли. Туфли снова с бантами, но они черные. Они неудобные и не нравятся мне, а на носках уже есть прилипшая грязь. Кладбищенская земля. И я уже хочу

прокричать все это, как понимаю, что что-то не так. И каждый раз это озарение застаёт меня врасплох, как в первый раз. Роберт же не должен быть там? Умерла Роберта, почему он лежит рядом? Потому что близнец? Близнецов хоронят вместе как две части одного целого? Эти ужасные, глупые вопросы снуют в моей маленькой голове. И тут каждый из присутствующих (А их здесь несколько сотен!) подходит к могиле и начинает кидать туда по горсти земли. Я понимаю, что произошла чудовищная ошибка, что они просто заживо закидывают землей моего старшего брата, моего любимого Роба, одного, кто остался у меня, одного, кто любит меня. И тут я с громким криком начинаю бежать. Я бегу, бегу, несусь к могиле, в этих узких туфлях, но расстояние между нами только увеличивается. Люди, пришедшие попрощаться с Робертой, нет, со всей нашей семьей, хватают меня за руки, плечи, волосы, не давая пробежать к брату и достать его оттуда. Я кричу имя брата и не отрываясь смотрю в могилу, ожидая, что он встанет на мой зову и защитит меня от всех. Но он не встает. Вместо этого он медленно открывает глаза, смотрит на меня бесконечно грустным взглядом и одаривает тенью теплой улыбки. Я не умею читать по губам, но по его прочла: «Прости меня, зайчишка Сэми». Я с громким ревом кидаюсь на колени, и хватаю руками мокрую траву. Руки дрожат, плечи трясутся, грудь саднит от рыданий, лицо щиплет от слез...

Наверное, где-то в этом моменте я просыпаюсь, но какой в этом толк? Если мой кошмар только начинается с того, что я понимаю, что все это реальность.

— Хочешь, посплю сегодня с тобой?

Я без слов откинула одеяло и Лиз переползла ко мне, снова обнимая. Я щелкнула выключатель на настольной лампе, подхватила своего старого плюшевого зайца, и удобнее устроилась в кровати рядом с подругой:

— Пусть сегодня к тебе в сон придет парень, которого мы видели в магазине тот горячий, с коробкой молока. — Пробормотала я в темноту комнаты, вызвав тихий смех Лиз.

— А к тебе Дэниэл, со своей попкой, обтянутой джинсами, томиком стихов и скрипкой под мышкой.

Я ущипнула подругу за бок, вызвав недовольное шипение той:

— О тебе же забочусь!

— Спи, извращенка.

— Сплю, святоша.

*Стихотворение «Предчувствие любви страшнее», автор — Константин Симонов

*Чарльз Рич — американский исполнитель и музыкант в жанрах кантри, поп, джаз, блюз, рокабилли, госпел. Имеет премию «Грэмми» и множество кантри-наград.

Глава 4. Не прекращайте вечеринку!

Глава 4. Не прекращайте вечеринку!

Саманта

— Саманта, Самантуй, Сэм, Самуил, Самюэль, Самсон, Сэмюэл Л. Джексон....

Утро.

Стандартное утро в нашем доме. Хотя почему же утро? Просто когда Лиз от меня что-то требуется, она начинает перебирать все вариации моего имени, или все, что хоть приблизительно, по ее мнению, на него походит. Независимо от времени суток. Обычно я дохожу до точки кипения где-то на русском...

— Семьон. — Выдает Лиззи с неповторимо-картавым русским акцентом и победно смотрит на меня. Не сегодня, детка.

— Нет, я не стану снова тебя красить. Ты скоро полысеешь.

За последние несколько месяцев Лиз сменила не только документы, но и имидж. Раз 7. В данный момент меня разбудила (В 5, мать его, утра!) девушка с пастельно-розовыми волосами. Она утверждала, что ей просто необходимо изменить этот цвет на фуксию. Напоминать ей, с каким трудом мы добились такого нежного оттенка и как осветляли ее бедные космы не было смысла. Ее натуральным цветом были прекрасные волосы цвета пшеницы. Когда-то.

Я повернулась на другой бок, силясь схватить за руку ускользающего Морфея. Никакого мужчину я не желала так, как этого древнего грека. Но объятия моей названной сестры были сильнее. И реальнее.

— Ну Сэ-э-эми-и-и. Сладкая моя Сэм. Ты будешь выбирать ужин неделю... Нет, две недели подряд! И, ох, помнишь ту черную футболку?

Я приоткрыла один глаз:

— «Cute but psycho»? — Прочитывала я надпись на футболке, которую Лиз купила на распродаже. Маечка была простая, но со вкусом, я сразу положила на нее глаз.

Подруга активно закивала головой, подтверждая мои надежды. Нет, мы всегда делились одеждой, хоть и имели разные фигуры. Но одно дело взять займы, а другое, обладать вещью. Я взвесила все «за и против», чаша весов явно перевесила в сторону майки.

— Ох, шантажистка. — Прорычала я в подушку.

Осознав, что она выиграла этот бой, Лиз захлопала в ладоши и кинулась меня обнимать:

— Ты самая лучшая подруга в мире, Сэмюэль!

— Хорошо-хорошо, но знаешь, я могла бы прожить без этого факта хотя бы до 6 утра! А еще лучше: до звонка, блин, будильника!

Я сонно зевнула и насупилась, показывая свое негодование.

— Ну, прости, эти путешествия окончательно сбили мой ритм. Я не могу так быстро менять часовые пояса, как ты.

Я махнула рукой на ее оправдания и, пихнув подругу, выползла из под одеяла. Зато будет время собраться. Очень много времени. Занятия начинались в 8-30, и я не планировала выходить из дома раньше 8. Ближе к назначенному времени я, в полной боевой комплектации (Черное платье с ассиметричной юбкой и заклепками по бокам в стили милитари и короткий кожаный жакет цвета хаки должны было покорить директрису.),

сидела за барной стойкой и, пытаясь не клюнуть носом во вчерашнюю разогретую пиццу, медленно тянула крепкий черный чай. За окном послышался звук подъезжающего к воротам автомобиля. Это бы не было удивительно, если бы он не остановился. Мы переглянулись с Лиз, которая распаковывала посуду и раскладывала в ящики. Подруга пожала плечами, а я крутанулась на высоком стуле и прошла в гостиную, чтобы выглянуть в окно, но тут же поменяла траекторию пути: гостей всегда надо встречать у входа, верно? Распахнув массивную, светло-коричневую дверь, я увидела за порогом Дэниэла в идеально-выглаженной школьной форме, уже занесшего руку, чтобы нажать на звонок. Он замер, удивленно посмотрев на меня, я также удивленно смотрела на него, чуть склонив голову на бок.

-Оу, Дэниэл, какой приятный сюрприз. Пропустил ужин и решил пожаловать на завтрак? - Поинтересовалась Лиз, возникая сбоку от меня с тюрбаном из полотенца на голове и пушистым халате. Парень опустил руку, улыбнувшись:

-Доброе утро. Нет, я уже. - А затем он перевел взгляд на меня. - Я подумал, что нам все равно по пути, но забыл вчера спросить твой номер и решил просто заехать за тобой. Ты не против?

-Да ты не Поэт, - Не дала мне ответить розоволосая, пихнув меня плечом. - Ты Ромео. Что за блеск я вижу на балконе? Там брезжит свет! Саманта! Ты как день! - Прорекламиривала подруга монолог героя Шекспировской трагедии.

И щеки Дэниэла покраснеют через 3...2... О, вот оно. Мои губы растянулись в улыбке одновременно с появлением румянца у парня:

-Это очень здорово, спасибо, что заехал, я рисковала заснуть на ходу. Зайди, сейчас я заберу сумку и поедем.

Уже сидя в машине и наслаждаясь всеми чудесами комфорта я не переставала зевать.

-Не выспалась? - Спросил парень. Нет, я просто зевать люблю. Кто-то любит коллекционировать фантики от конфет, а я зевки. Ну, с кем не бывает?

Я хмыкнула:

-Выспаться? А что это?

-Ну, это когда ты просыпаешься и не ненавидишь весь мир. Такое у тебя бывало?

-Оу. Нет, не припомню такого волшебства. Сказки, наверное. - В доказательство своих слов я снова зевнула. На этот раз уже выходя из припаркованной машины и, подождав пока Поэт закроет двери, мы пошли ко входу в Академию.

-Ну, не переживай, значит еще будет. Каждая принцесса должна пожить немного в

сказке.

-Принцессы в сказках от Уолта Диснея красиво просыпаются. Всегда с идеальной прической и без отпечатков подушки на лице. Изящно потягиваются, высоко поднимая руки, вокруг поют птички, а прочие звери уже спуют по кухне, готовя им идеальный завтрак. А их единственная забота - начать ли день с песни. И если «да», то с какой. Лучше всех устроились еще барышни в башнях с драконами, они там вообще сутками спят. О Спящей красавице и говорить не буду - идеально продуманный персонаж: выпалась на всю жизнь и мужа в процессе нашла. А вот современным принцессам как-то сложнее устроить себе такой образ жизни, знаешь.

Он засмеялся:

-Так старайся организовать его лучше.

-Я обязательно заведу себе парочку канареек и дрессированных мышей, чтобы они делали всю работу за меня. Ты это имеешь в виду?

-Почему у меня такое ощущение, что ты долго и серьезно над этим думала?

-Ага, ты прав. Я подумываю защитить такую диссертацию. Ее полная тема звучит как: «Эксплуатация сказочных животных в современной жизни по методу У. Диснея и прочая сказочная ахинея».

— Ого! Да это же Поэт и новенькая, идут в школу вместе!

На моем плече оказалась мужская рука, точно такая же появилась на левом плече брюнета и между нами вклинилась фигура светловолосого Мэта. У этого голубоглазого парня были чуть заметные кудри, что делало его шкодный образ весьма милым.

— Новенькая? Только не говори, что это моя местная кличка, иначе я задохнусь от переизбытка оригинальности. — С сарказмом заметила я.

— Неа, — Успокоил меня Кот. — Клички возникают откуда-то сверху.

— Ох, сверху? — Я благоговейно уставилась на небо. Ради этой минуты мне даже пришлось притормозить. Парни сделали тоже самое. — Господь Всемогущий, если ты меня слышишь, то не дай мне пасть жертвой неоригинального клеймения, а по возможности получить шанс носить свое собственное имя, которое меня вполне устраивает. Аминь.

Как ни в чем не бывало я сделала два шага вперед, затем резко остановилась и бросила еще один взгляд в небеса:

— И пони для моей подруги, пожалуйста. Это все.

За моей спиной раздался хохот и ошалевшие парни догнали меня в пару шагов. Такой компанией мы и оказались в академии. Студенты уже сновали по коридорам, не забывая галдеть как чайки и кидать в мою сторону взгляды. Интересно, сколько времени пройдет, чтобы они привыкли? Или все дело в отсутствии на мне формы? Ну, здесь я тоже не собираюсь подчиняться. Ненавижу гребаные стандарты и клише. Поэтому я хорошенько поработала над своим комплектом одежды, осталось добавить лишь пару штрихов...

Из размышлений над дизайном одежды, меня вывел удар. Нет, никто не метил мне в

челюсть, и мячи больше ловить не пришлось, просто прямо перед моим носом выросла мужская грудь, в которую я не побрезговала впечататься.

— Ащ... Черт, прости. — Я подняла глаза и замерла. Томас Кейн — звезда школы искусств и всех местных телеканалов. Парень стоял и улыбался мне, как будто наше столкновение было самой милой вещью на вселенной.

— Ничего.

Стоит. Смотрит. Я встретила с ним глазами, и пришлось сделать судорожный вдох. Надеюсь, этот напыщенный альфа-самец решит, что я просто обалдела от его неземной привлекательности и забыла о дыхательных рефлексах, а не увидела, как он похож на... Фу, блин. Бежать отсюда надо. Я попыталась обогнуть его и пойти по своим делам, как рука парня схватила меня чуть выше локтя. А если я рубану его ребром по шее, это сойдет за «бьет — значит любит»? Спокойно, детка. Я приостановилась и, изобразив недоумение, повернулась к парню.

— Да?

— Вчера... На счет мяча. Ты прости, мы не хотели.

— То есть это не входит в часть приветственной встречи или типа того? Это хорошо, а то к нам подруга переводится, я уже думала посоветовать ей носить защитный шлем первый день.

Шутка была слабая, но я и так с трудом держалась. Впрочем, Томас, он же Беркут, все равно засмеялся.

— Слушай... Ты пойдешь на вечеринку к Думсдею сегодня вечером?

— Возможно. Если меня никаких опасностей в виде летающего спорт. инвентаря больше не поджидает.

— Не поджидает.

— Ты так уверен в этом? Или главная опасность академии — это ты? — Я вскинула бровь и перевесила перекинула рюкзак с одного плеча на другое. Раз уж Кейн сам меня нашел, то почему бы не выжать из этого пользу?

Парень оценивающе окинул меня взглядом с ног до головы:

— Знаешь, по-моему, этот титул переключал к тебе.

— Сочту за комплимент.

— Тогда еще один вдогонку: ты потрясающе выглядишь.

— Ты меня балуешь. С другой стороны, выдавать очевидный факт за комплимент — каждый дурак сможет.

— Ты только что назвала меня дураком?

— А что, здесь это под запретом? Полиция нравов уже выехала за мной? Или личная охрана Томаса Кейна подкараулит меня у выхода из здания?

— Ты знаешь мое имя? Я польщен.

— Сложно не заметить то, что нацарапано на каждой двери в женской уборной. — Хмыкнула я, едва удержавшись, чтобы не добавить, что только в туалете этому имени и место.

— Думаю, оно красуется не только там. — Ох, как же он себя любит! — Например, ты могла услышать его по телевизору. На любом канале.

— Смотрю только криминальную хронику по вечерам, думаешь, тебе стоит там появиться? — С деланным интересом спросила я. Он лишь с улыбкой покачал головой, будто принимая поражение.

— Я забыл, как ты сказала, тебя зовут?

— Не грехи на память в столь юном возрасте. Ты не забыл. Я не говорила. И мне уже пора, так что пока. — Я развернулась, направляясь к застывшим у шкафчика Кота парням. Они во всю делали вид, что не следят за диалогом. Как и все в коридоре.

— Тогда я сам придумаю, как тебя называть! — Донесся идеальный голос певца мне вслед.

Я пожалала плечами и, не разворачиваясь, махнула рукой в воздухе, дав «добро» на любые махинации с моим прозвищем. — До встречи вечером, Шот*! — Снова услышала я голос разнесший на весь коридор академии stART мое новое прозвище, которое со скоростью света разлетится по языкам студентов и закрепится за мной в будущем. Шот? Мне подходит.

На первом уроке я откровенно зевала. На втором — выдерживала атаку сообщений от Лиз, которая во всю готовилась к вечеринке. Подготовка заключалась в примерке различных нарядов и бомбардировки меня фотографиями, которые я оценивала в нашей манере: от 1 до 10. Пока что ничего не набрало больше 8-ки нашей шкалы почета, но подруга искала идеал. Как она объяснила, это наша первая вечеринка после приезда и нас должны запомнить. По мне так нет ничего проще, хочешь, чтобы тебя запомнили на вечеринке кучи молодежи? Не пей и будь абсолютно трезв. Или хотя бы попытайся не наблевать в раковину, унитаз, горшок с цветами или бассейн. И ты явно будешь отличаться. Хотя бы здоровой печенью и присутствием мозга. Но вы не думайте, я не относилась к людям стиля ЗОЖ, к сожалению.

К концу учебного дня я успела познакомиться с двумя новыми преподавателями и решила, что всему педагогическому составу, а не только миссис Пэйн, можно смело ставить диагноз: фанатизм крайней стадии. Они безумно любили свои предметы и считали их единственно важными. Но, как я говорила, я не считала это проблемой, лучше так, чем класть огромный болт, верно? В противном случае пришлось бы умереть необразованной.

Наиболее я была впечатлена нашим классным — Мистером Оливером. Молодой преподаватель русской языка, литературы, риторики и, как оказалась, театрального искусства, вкладывал душу во все, что делал или говорил. Даже за мелом он послал одного из моих одноклассников как-то по-особенному. Думаю, Элизабет в него точно влюбиться. Ну, так, чтобы не терять форму.

На всякий случай я исподтишка сфоткала и его, отправляя подруге. В ответ мне пришел смайл с глазами-сердечками и вопрос «Что это за вкусняшка в галстук?»». Что и требовалось доказать.

*Шот (Shot) — общепринято переводится как «выстрел», также можно перевести как удар, бросок, выпад, колкость.

Элизабет

Пользуясь отсутствием Саманты, я включила на весь дом музыку и передвигалась под современную попсу. К сожалению, наши музыкальные вкусы с ней совпадали процентов на 30. Разве что ту кислоту, что зачастую играла в клубах, мы одинаково не переваривали и каждый раз проверяли уши друг друга на появление кровотечения. Наедине же мы неизменно устраивали битвы за плейлист. Например, в машине. Ах да, у нас же уже нет машины! Вспомнив, что стало с очаровательным, совершенно потрясающим ярко-желтым

Chevrolet Camaro, я в очередной раз вздохнула.

Моя нерадивая подруга, в период отчаянного бунтарства и желания найти свою гибель, поспорила, что выиграет гонку на спорткарах и приложила к этому все усилия. Я даже сидела рядом, и в первом ряду наблюдала, как пейзаж за окном превращается в размытое пятно, а стрелка спидометра грозит выпрыгнуть на волю. Что сказать? За время прохождения этой трассы я успела повизжать, помолиться всем Богам, даже Ра и Перуну, проклясть подругу и вцепиться в подлокотники так, что там наверняка остались следы моих идеально отманикюренных ногтей. Почему я вообще в это полезла? Хороший вопрос! Наверное потому, что решила: лучшим подругам полагается и сдохнуть вместе. Простите: погибнуть.

Так вот, как же от Саманты «уехал» ее Camaro? Нет, мы не разбились на бешеной скорости, не смяли бампер, не улетели в кювет. Но при всей страсти к экстриму моя чумная подружка любит честную игру, поэтому, когда ее соперник (Вообще, он хотел залезть к ней в трусы больше, чем в бумажник за выигрышем, но это слишком долгая история.), преднамеренно подрезал ее, он совершил большую ошибку. Во-первых, тогда Сэм действительно еле спасла наши тушки, выкруливая из заноса как профессиональный дрифтер, а во-вторых, она была зла. Очень зла. Помножьте ее тягу к справедливости, проигрыш в гонке отменному козлу и адреналин... Ну и еще, она забивала в то время на таблетки. И нет, это не преувеличение. Что за таблетки? Нет, ну буду же я рассказывать все ее грязные секретики, верно? В любом случае, ответ всей этой суммы обстоятельств, этого уравнения, таков: Сэм вышла из автомобиля, подошла к заднему сидению, достала оттуда битую, вечно болтающуюся на полу без дела (Пришел ее час!), и стала наносить хаотичные, но довольно живописные удары по Porsche. К слову, парень все еще находился в Мустанге.

Истерика моей подруги обошлась ей тем, что родители отобрали Camaro. Ну, точнее, недоделанный мачо наябедничал своему папаше, но чтобы дело не дошло до суда (Обе семьи крайне богатые, а наша подруга еще и на медицинском учете, так что считайте отделалась.) они сошлись на подарке: ее тачка взамен на разбитую. Вот и вся история. Ни один богатенький мальчик на Porsche не пострадал. А жаль.

Я перебрала корзину с бельем и закинула все белые шмотки в стиральную машину, в этот момент раздался звук открывающейся и закрывающейся входной двери.

— Элизабет, ты вскрыла себе вены?

— Нет, не сегодня. А что?

— Ничего. Просто я не представляю, что еще можно делать под завывания этой девчонки.

Видите, что я говорила? Трек от Элли Голдинг стих, значит подруга добралась до ноутбука. На смену ему пришел бодренький поп-рок, что, в принципе, устраивало нас обеих. Я скатилась с лестницы и нашла девушку на кухне, жадно прикинувшую к крану с водой. Нет, серьезно, она постоянно пила из под крана, наклонившись к струе.

— Ты пьешь как кот.

— Спасибо скажи, что не как пес, из бачка.

— Фу, Сэм!

— Фу? Это типа место?

— Ох, заткнись. Как прошел день?

— Ничего важного. Но ублюдок ждет меня на вечеринке. — Подруга оторвалась от крана и, закрутив его, отерла рукой губы. — Готова к вечеру? Дэниэл и Питер заедут за нами

в 8.

— Мм... Питер?

— Друг Дэниэла, и не надо сверкать глазами, он для тебя слишком молод и слишком мил.

— Может я решила поменять вкусы? Новое место, новая жизнь...

— А как же учитель литературы?

— А может и нет...

Смеясь и подкалывая друг друга, мы совершили рейд по своим спальням. Сначала еще раз перебрали мой гардероб и остановились на отпадном белом комбинезоне. Летний ромпер был еще с этикеткой, которую я, торжественно раскланиваясь, срезала, под аплодисменты подруги. Обтягивающий верх в виде корсета с вырезом, напоминающем верхнюю часть сердца, облегающие короткие шорты, кокетливо выглядывающие из под баски — он был идеален.

Затем мы прошлись по нарядам подруги. Каждый раз, когда она доставала очередную кожаную или военную шмотку, я хотела завывать. Нет, в ее арсенале была масса секси-вещей, да только вот этот самый боевой отряд еще не доехал до нас, заблудившись где-то по дороге. Зато мои вещички пришли сюда в целостности и сохранности и...

— Точно, черт возьми! Возвращаемся. — Я схватила подругу за рукав кофты и потянула к своей комнате. Она буквально завывала, оценив ожидающую ее перспективу.

— В такие моменты ты меня жешь как пугаешь. — Кажется, она даже сглотнула.

— Ну должно же тебя хоть что-то пугать? Например, мой шкаф! — С фанатичным блеском в глазах я швыряла на кровать вешалки с платьями.

— Скорее его содержимое. Черт, Лиз, ты грабишь бутики? И судя по количеству — делаешь это каждый месяц. И даже меня не позвала.

Я хохотнула:

— Я знала, что тебя взволнует лишь то, что какое-то криминальное веселье прошло без твоей персоны. Так, где же то платье, из-за которого ублюдок впишет тебя в семейный реестр, а Поэт напишет поэму.

— При чем тут Поэт?

— Да ты видела этого скромного юношу? Вскружила голову парню, а теперь он не причем? — Даже спиной я чувствовала, что подруга закатила глаза. — Ох, ну не смей отрицать этого.

— Ну... Думаю, я ему действительно симпатична...

— Преуменьшение, блин, века. О, вот оно!

С победным восклицанием я выудила из недр шкафа вешалку с платьем, точнее, с клочком черной материи.

— Хмм... — Процедила Сэм.

— Хмм? — Улыбнулась я и, не дав рассмотреть эту вещь и отказаться, сунула платье ей в руки и, развернув за плечи, толкнула в ванную комнату. — Иди и переоденься, а уже потом будем обсуждать.

Саманта

Я никогда не была против открытых нарядов, но в свете последних событий мне не хотелось привлекать к себе много внимания. Стоп, переиграем. Мне не хотелось привлекать к себе **такого** внимания. Образ дерзкой девчонки, которая ловит мяч футболиста? Окей. Образ таинственной новенькой? Допустим. Образ гребаной фаталистки? Это прям мое. Но вот с образом шлюхи я не хотела ассоциаций. Мы этот этап уже проходили и, если честно, вспоминать период моей жизни, когда я надевала вещи-невидимки и закидывалась таблетками веселья под свет неона и стробоскопа, от которого кружится голова больше, чем от MDMA, или, в простонародье — экстази...

С другой стороны, я уверена, что в этой школе и так будет на кого посмотреть. А уж толпы девчонок, которые крутят хвостами перед местными альфа-самцами и вовсе придут в вещах-невидимках. Поразмыслив в этом направлении, я окончательно убедилась, что все же могу надеть все, что пожелает моя душа. Ну, или душа Лиз. Бедная подруга и так лишилась множества богатеньких привычек, нельзя забрать у нее страсть к моде.

Скинув толстовку и джинсы, я сложила их и положила на стиральную машину, которая уже закончила стирать и требовала изъять из ее недр вещи. Мимоходом сделала и это. Наверное, оттягивала встречу с платьем. Закончив, повертела вещицу в руках и обнаружила полное отсутствие спины. Хм, от лифчика тоже придется отказаться. Избавившись и от этой детали гардероба, я наконец натянула на себя платье. Короткое бандажное, оно так плотно обтягивало мою фигуру, что просто не оставляло пространства для фантазии. Может и от трусов отказаться? Кажется, в нем видно абсолютно любой лишний шов.

Широкие бретели спадали на плечи и крест на крест проходили под лифом, уходя за спину. Платье оставляло открытыми ключицы и плечи, а лиф с плотными чашечками хорошо держал грудь и эффектно подчеркивал линию декольте, не сильно открывая его. Слева немного выглядывала моя татуировка: три птицы среди ветвей терновника. Первая широко расправила крылья и летела куда-то ввысь, вторая сидела на ветвях, а третья была безнадежно в них запутана. Я погладила пальцем крылышки той пташки, что выглядывала наружу. Роберта. Глубоко вздохнув, я продолжила изучать свое отражение. Оказалось, главная изюминка наряда находилась сзади. Я повернулась к зеркалу, и моя нижняя челюсть самопроизвольно поздоровалась с полом. Те самые широкие полосы черной ткани обтягивали мои бока и бедра, опускаясь так низко, что были видны ямочки над ягодицами. Это не платье, это вторая кожа. И спасибо Боже за красивую фигуру. Под Богом я имею в виду: тренажерный зал, тренера по самбо, занятия танцами и пробежки...

— Эй, красотка, ты жива? — Лиз постучала в дверь ванной. — Если ты не выйдешь, я позову твоего рыцаря в очках, и он выломает дверь, даже если ты будешь голой.

Не говоря ни слова, я распахнула дверь и предстала перед моим модельером. Глаза розоволосой расширились, она схватила меня за руку и вытянула из ванной в комнату, крутанув, подруга тщательно рассмотрела мою фигуру.

— Я не пойду на вечеринку в платье из секс-шопа. — Пропустила я сквозь зубы, терпеливо принимая ее внимание.

— Послушай, если бы я не видела все твои кожаные вещички в стиле садо-мазо, то решила бы, что ты сбежала из монастыря. Эта дизайнерская тряпка просто создана для тебя! И вообще, ты оскорбляешь меня, обзывая мои вещи! Я купила его для себя, между прочим, но с некоторых пор худовата для подобного бандажа. — Подруга засмеялась, а я одарила ее

недоверчивым взглядом.

Да, она сильно похудела во время своего «запойного» периода, как иногда я именовала месяцы траура по Кею, но вроде уже пришла в форму. Правда вот затащить ее хоть на одну из тренировок, чтобы ее скелет оброс мышцами, мне так и не удалось. Лиз и спорт — взаимоисключающие себя понятия. И это не последнее, что рознило нас с подругой. Например, она постоянно в поисках любви и «того самого». А вот я на это чувство класть хотела и мне совершенно никто в этом мире не нужен. Кроме Лиз и... Роба.

— У нас один размер.

— Неа, я все еще на размер меньше. Но кажусь красоткой, потому что умею правильно подобрать одежду. И поверь, когда я искала это платье для тебя, я точно применила этот навык. Ты конфетка, детка. А твоя фигура никогда не смотрелась более сексуально. Так что прекращай ныть и прикинь, есть ли у тебя подходящие туфли и клатч. Хотя сумочку я тебе тоже одолжу. — Лизабет отвернулась обратно к шкафу, отодвинув еще одну дверцу, за которой оказались ряды всевозможных сумок, не прекращая свой монолог, а я все еще смотрела и с прищуром смотрела на себя в зеркало в ее спальне. — Волосы приподними, думаю, можешь сделать даже неряшливый хвост с начесом, такой знаешь, а-ля «я совсем не готовилась, но потратила 4 часа на все эти петухи на своей голове». Оу, на глаза смоки, обязательно.

Я лишь глубоко вздохнула и покорно отдалась в руки маленького цунами под именем Элизабет.

Уже полностью собранные мы стояли у зеркала в комнате Лиз:

— Черное и белое. Демон и ангел. Зло и добро. — Начала декламировать я, рассматривая наши отражения. Нежный образ Лиз, ее комбинезон и все еще светло-розовые локоны, завитые крупной плойкой, стали моим антиподом. Я придирчиво осматривала себя из под пушистых ресниц, обрамленных дымчато-черными оттенками теней. Они выгодно подчеркивали глаза, делая их цвет почти серебряным.

— Ну, что есть, то есть. — Улыбнулась подруга.

В окно спальни сквозь сумрак осенней ночи пробился свет фар, а затем мы услышали сигнал: два коротких и один протяжный.

— Оу, наши новые друзья пунктуальны! — Пропела подруга, глянув на время. Затем, совершенно внезапно, она толкнула меня на кровать, куда я и грохнулась с высоты своих каблучков. Показав мне язык, она, громко цокая босоножками, умчалась из комнаты, бросив напоследок: — Я открою красотке в очках!

Я покачала головой. И, еще раз осмотрев свое отражение, вздохнула. Все-таки лучше бы оставить свой образ. Почему я одеваюсь кхм...агрессивно? Потому что сложно без этого сохранять брутальный вид, когда в реальности ты похожа на главную героиню, мать ее, японской манги! Большая грудь, огромные глаза, пухлые губы, милые щечки. У меня даже есть родинка в виде сердечка, понимаете?! Сердечка! И не надо закатывать глаза, я не жалею. Но это тоже своего рода бремя. Если я забуду надеть ботинки с шипами — на горизонте 100 % появится тот, кому такую туфлю стоило бы засунуть в... Ну вы поняли. И это проверенный факт.

Спускаясь по лестнице, услышала суету знакомства Лиз и рыжего Пита, а затем и увидела всю компанию. Парни без формы выглядели симпатично: оба в джинсах и рубашках. Никаких костюмов. А жаль, посмотрела бы на Поэта в образе героя комикса или ужасика. Но нет, Дэниэл надел светло-голубую рубашку и синий кардиган. Вкупе с очками он будто

сбежал из библиотеки. Парень посмотрел в сторону лестницы и встретился со мной глазами. Судя по всему, ему нравится то, что он видит. Он сглотнул и поправил очки (Это чтобы лучше видеть тебя, деточка...). Взгляд заскользил по моему телу, которое черный наряд совсем не прикрывал, по ногам, зацепился за каблуки и скользнул обратно.

— Ого, Байкерша, ты выглядишь шикарно! — Воскликнул Питер, в доказательство вскидывая вверх обе руки с откинутыми большими пальцами. Элизабет была в крайней степени удовлетворения их реакцией на мой образ.

— Питер, если за мной прицепят подобное прозвище — я тебе этого не прощу. — Кинула я угрозу, при этом елеинно улыбаясь.

— Вообще-то, ты уже Шот. Опасная новенькая. — Пит подмигнул мне, а я лишь вздохнула. Я же говорила, утренняя сцена с Кейном сделала свое дело. Предсказуемо.

Поравнявшись с друзьями, я посмотрела на все еще молчащего Дэниэла. Дразнить его начинает входить у меня в привычку, поэтому я чуть склонила голову набок и поинтересовалась:

— А тебе как мой наряд?

— Пред красотой я смолкаю.

И восторгаюсь. Чуть дышу...*

Почувствовала, что на губах расцветает искренняя улыбка. Не смотря на мой скептицизм, надо признать, что этот очаровательный парень действительно умеет удивлять и впадать в душу. А говорят, что романтика мертва.

— Думаю, это значит, что тебе нравится. — Уточнила я.

— Более чем. Ты прекрасно выглядишь.

Такую же фразу я слышала утром от мировой звезды — Кейна. Но только сейчас, глядя на парня в кардигане и очках мое сердце будто сжалось...

— Эй, а мне стихи?! — Воскликнула подруга, но тут же глянула на время и потолкала нас к выходу, даже не дав мне возможности прихватить кожаную куртку, чтобы прикрыть спину. А между прочим на дворе осень! — Все, я передумала, минутку поэзии оставим на потом. Поэт — запомни эту мысль. А теперь нам надо успеть в какой-нибудь магазин с атрибутами для маскарада. Найдем что-нибудь открытое в это время?

— Стопроцентное «да». Сегодня они делают годовую выручку и работают 24 часа. — Отозвался Питер, открывая перед нами заднюю дверь автомобиля друга. Лиз чинно села, я же прошла мимо и, под его бдительным взглядом, не забывая славно улыбаться, уселась рядом с водителем.

Снаружи послышался стон недовольства. Но все же парень сел рядом с Элизабет и мы тронулись с места:

— Женщина, только потому что ты в таком платье, тебе не может быть все позволено! Это мое место! — Возмутился Питер. Он стонал уже пару минут, без остановки перечисляя почему это не мое место. Я услышала про крепкую мужскую дружбу, про долговременную дружбу, про то, как он вылил на это кресло свою газировку и так далее...

— Ох, ладно! — Всплеснула я руками. — Уговорил, меняемся!

Видели бы вы лицо парня, когда я, резко обернувшись, ринулась через проем между креслами к ним с Лиз. Для удобства я вцепилась в колени друзей.

Лиз хохотала, парень пытался усадить меня на место:

— Что ты делаешь, ненормальная!

— Ага, Сэми, хочешь, чтобы водителя хватил сердечный приступ от тако-о-ого вида. Эй, Дэниэл, ты там как? Новых стишков не сочинил? «Твоей спине, твоим ногам, шарам пурум, пурум шарам!»

По итогам: место осталось за мной, сердце Дэниэла не пострадало ни от потрясающих рифм моей подруги, ни от моих махинаций, а также мы успели заскочить в магазин и у продавца в костюме Дракулы купили 4 маски и две пары крыльев. Парней мы заставили купить их откровенным нытьем, в результате Поэт приобрел себе пару рожек. Изначально он хотел купить интересную белую маску, как у Призрака Оперы, но, как выяснилось, с очками маски не особо ладят. Питер с серьезным видом примерил на себя образ Халка. Халк с красно-рыжими волосами... Хм. Лиззи сразу схватила розовую маску, усеянную стразами, а вот над крыльями медитировала дольше. Розовые полупрозрачные крылья подходили ей под волосы, а вот белые перья — под комбинезон. В итоге мы решили это по-серьезному: поканалась. Победила я, и она взяла перья. Я же стала счастливой обладательницей черной кружевной маски, больше похожей на прямую ленту, и черных перьевых крыльев. Надо сказать, что последние были шикарны. Не оригинально, но кого это волнует? Да и давайте взглянем правде в глаза. Чтобы выделиться в современном мире достаточно примерить на себя самый стандартный образ. Остальные роли точно будут заняты людьми, желающими друг друга перещеголять. Мы же желали просто повеселиться.

Дом, к которому подъехала наша компания, представлял с собой одну сплошную иллюминацию. Музыка грохотала еще за квартал, поэтому сомнений в верном пункте назначения не оставалось.

— Мы так долго собирались на Хэллоуин, что попали на Рождество? — Лизабет скептически разглядывала убранство дома. Благодаря световому оформлению дом Думсдея действительно выглядел как новогодняя елка.

— Вон, в окне тыква торчит. Значит по адресу. — Успокоила я подругу, ткнув пальцем в широкое окно, тематически украшенное тыквой и паутиной.

— Зайдем внутрь, может там будет получше.

Мы протолкались сквозь толпу уже явно подвыпившей молодежи, стоящую перед домом. Мои туфли то и дело пинали пустые красные стаканчики, разбросанные по траве. Никакого воспитания.

— Здесь медсестер больше, чем в центральной больнице. — Вынесла я вердикт ряженой толпе, снующей по дому. Действительно, гости будто сговорились, выбрав для себя белые медицинские халаты и добавив к образу разную степень кровавости и вульгарности. Безусловно, я говорю о девушках. Парни не шокировали мою психику белыми чулками. Но вечер только начинается... Зато они активно составляли конкуренцию медсестрам образами вампиров на любой лад.

— Питер, вы точно учитесь в школе искусств? Здесь все такие.... Креативные... — Хихикнула моя подруга на ухо парню.

— Взять что-нибудь выпить? — Спросил у меня Дэниэл.

Мы с Лиз переглянулись и с улыбкой крикнули:

— Текила!

— Попробую узнать, есть ли она. Вон главный зал, а кухня слева. Хотя в зале тоже есть бар. И на заднем дворе у бассейна. Дом Думсдея огромный, так что не удивлюсь, если бар есть даже в ванной. Мы с Питом тогда найдем напитки, а вы осмотритесь...

— Отлично! Чем больше барных стоек — тем лучше! — Воскликнула подруга. Да уж, ее бело-розовый образ зефирки с крыльями никак не суммировался с ее повадками.

Лиз схватила меня за руку и потянула в самую глубь из ряженных тел. В теплом комнатном воздухе пахло алкоголем, смесью духов и травкой. Типичный запах молодежной тусовки. Я сморщила нос. Еще не пробыла здесь и минуты, а уже чувствовала себя грязной. Объясняю: я любила танцевать, я обожала громкую музыку, я была в восторге от текилы, но я совершенно ненавидела пьяных подростков, жмущихся друг к другу по углам.

Мы наконец миновали бесконечную прихожую и оказались, судя по всему, в том самом главном зале.

— Ты видишь его? — Крикнула подруга мне на ухо, пытаясь перекричать голоса солистов Black Eyed Peas, рвущиеся из огромных напольных колонок.

Я отрицательно покачала головой. Я уже настроила свои зрительные рефлексы на поиск ублюдского тела, но пока осмотр не дал результатов.

— Может у бассейна? Но сначала мне надо выпить. И потанцевать. Я не могу идти на дело под песню Pump it, при всем уважении к группе!

В ответ на мою реплику ангелок захихикала, направила глазами диджея:

— Один момент, детка.

Пока подруга разбиралась с плейлистом, я разбиралась с более чем широким выбором алкоголя. Разгребая бутылки полуначатой водки и виски — явных фаворитов вечера, я все же нашла парочку представительниц Мексики. Придирчиво изучила этикетку, чтобы найти заветную надпись «**100 % Blue Agave**». Вы не знали? Если процент будет меньше, то это не текила, а считайте коктейль. И она не на 100 % изготовлена из сока голубой агавы, а смешана с сахаром и водой. Кому нужны полумеры? Точно не нам. Найдя заветную бутылку, я позаботилась о шотах.

— На кухне нет текилы, зато мы нашли соль и лаймы. И, как вижу, не зря захватили. — Рядом со мной оказался Дэни, комично зажимая в руках стеклянную солонку и блюдо с лаймами. Нет, друзья, на полном серьезе говорю, пара стопок текилы и я наброшусь на этого парня. Либо умру от передоза умиления.

— Вы как никогда вовремя.

— Ой, я пас, я же за рулем. — Парень попытался убрать со стойки одну из четырех рюмок, уже заполненную напитком, но я оказалась проворнее и выхватив ее из под его руки влила в себя.

— А-айщ. — Поморщилась я, чувствуя, как во мне разгорается пламя. — Не пропадать же добру. — Проговорила я, с ангельской улыбкой посмотрев на парней.

— Начала, и без меня! А ну-ка! — Еще одна стопка взмыла с барной стойки и исчезла. Точнее, ее содержимое с глотка выпила Лиззи. — Опс! Один: один, детка. А теперь по правилам!

Я снова наполнила стопки, потянула одну Питеру. Тот попытался сказать что-то про пиво, но я уже сыпала ему на руку соль. Без обсуждений.

Лизнув внешнюю сторону ладони, я дала Лиз посолить свою руку. Звучит странно, да? Мы подняли стопки:

— За знакомство! — Произнес Питер.

Я лизнула соль и, запрокинула голову. Резко осушила рюмку, позволяя текиле обжечь мое горло. Не успела толком открыть глаза, как во рту у меня оказалась долька лайма, заботливо засунутая подругой.

Как только рюмки со звоном опустились на полированную гладь черной стойки, музыка в колонка сменилась на трек, заставивший Лиззи взвизгнуть и подпрыгнуть на месте, отчего ее белые крылья запрыгали за спиной.

— Её! Я её попросила! Пошли!

Стиль песни больше подходил для Элизабет, зато текст...

**Живи быстро, умри молодым,
У плохих девочек это хорошо получается.**

**Живи быстро, умри молодым,
У плохих девочек это хорошо получается.***

О, да. На этот раз подруга четко попала в настроение. Я, и мое убийственно короткое черное платье, были готовы повеселиться.

Через долю секунды мы с Лизабет были в центре импровизированного танцпола. Над нами кружился диско-шар, разбрасывая светодиодами по стенам и полу разноцветные огни. Мы с подругой: черный и белый ангел, полностью отдали себя музыке. Я не просто слУшала музыку, и даже не просто слЫшала ее, я чувствовала каждый аккорд, каждое слово. Они проникали в меня, заставляя тело плавно изгибаться, ловить ритм. Я закрыла глаза и вскинула руки, позволяя своему телу до кончиков пальцев подчиниться оглушающей музыке. Движение бедрами, грудью, почувствовала, что ритм и слова проникают в меня.

**Вернись, пригнись,
Притяни меня ближе к себе, если думаешь, что сможешь справиться.**

Руководствуясь голосу градуса текилы, я решила, что самое время черному ангелу лишиться крыльев, и показать свою спину. В конце концов, это обилие перьев просто мешало мне как следует двигаться. Я скинула с себя крылья и зашвырнула их куда-то в бок. Мое движение вызвало у танцующей рядом подруги одобрителный возглас. Я с улыбкой схватила ее за руку и притянула к себе, танцую рядом.

Не падай духом, не падай духом,

Жизнь то взлетает, то падает, как на батуте.

Когда я доберусь туда, куда направляюсь, я заставлю тебя дрожать от страха.

Кажется, эти строчки и атмосфера вгонят меня в чертов экстаз. Как давно я так не танцевала, среди горячих тел? В этом мини. В...

— Он здесь. — Голос Элизабет прозвучал рядом со мной, почти в ухо. Я нехотя открыла глаза, выныривая из магии музыки. Мой взгляд безошибочно сфокусировался на парне, смотрящем на нас с высокого барного стула. Томас Кейн.

Пристальные зеленые глаза смотрели прямо на меня. Не будем строить из себя скромность, за нашим горячим танцем следили многие. Но меня интересовал лишь один. И далеко не в романтическом смысле. Я чуть приоткрыла губы, плавно повела головой, позволяя

волосам, убранным в высокий хвост, описать в воздухе собственный плавный танец. Скользнула руками по бедрам и отвернулась от барной стойки, продолжая отдаваться музыке без остатка, но на этот раз, не от восторга, а от переполняющей меня жгучей ненависти.

Песня оборвалась, на ее смену пришла другая. А на моей талии оказались мужские руки. Я еле сдержалась, чтобы не выдать победную ухмылку. Как по нотам. Чувствую себя кукловодом. Но на торжество из-за такой мелочи не было времени, мне еще надо было справиться с отвращением. Столько дел — столько дел... Я повернулась в руках парня, прижимающего меня к себе. Мои глаза встретились с глазами цвета листвы на идеальном лице. Этот парень был бы потрясающе, восхитительно красив, если бы каждое его прикосновение не обжигало меня. Отнюдь не в эротическом подтексте.

Я чуть отстранилась от него, но это не заставило его отпустить руки с моей талии, задевая спину. Места, которых пальцы касались обнаженной кожи, начинали зудеть. Но моя мимика безропотно выдала заигрывающую усмешку, а черная полупрозрачная маска на глазах сделала все остальное.

— Не помню, чтобы приходила сюда с кавалером. — Крикнула я парню с улыбкой.

— Я просто сам не смог стоять в стороне, тебя пожирала глазами. Пришлось спасать.

Так, только не закатывай глаза, девочка, пожалуйста.

— Вообще-то, я довольно сильная девушка и вполне могу о себе позаботиться.

— Я знаю. Но зачем принцессе утруждать себя, когда есть принц?

— Затем, что я из тех принцесс, которые вполне способны начистить морду дракона.

Я, не переставая улыбаться, медленно стянула руки парня со своей талии, затем наклонилась близко-близко к его лицу, заглядывая в глаза. Прошептала, у самых губ:

— Значит, слушай сюда, принц. Еще раз распустишь руки без моего письменного согласия, и я ударю тебя по самому ценному! — Он выразительно посмотрел на меня, пришлось уточнить: — По лицу, актеришко.

Надо отдать парню должное, за лицо он не переживал. А зря. На губах Беркута заиграла улыбка:

— Что же, шрамы украшают мужчину. Тем более рок-исполнителя. А кино... Попрошусь на роль разбойника или лихого пирата.

— Тогда начинай репетировать. Любое протягивание ручек — плюс балл в твоей внешности, «мужчина».

Я развернулась, чтобы уйти с танцпола, оставив парня исполнять сольный номер. В конце концов, обычно звезды так и делают. Но он схватил меня за запястье, посылая этим движением буквально зов для всех моих рефлексов: развернуться и вмазать ему в челюсть. Второй раз за один день. По тонкому льду ходишь, Томас.

— Тебе понравилось твое новое имя, Шот?

Встала к нему в пол оборота, вскинув одну бровь. Выразительно посмотрела на него руку, сжимающую мое запястье. Он разжал хватку. Умный мальчик.

— Очень понравилось. Но ты не боишься, что мое имя может определить твою судьбу?

— Я думаю, что оно уже это сделало.

— Неужели?

— Определенно. Я получил выстрел в самое сердце.

Я ухмыльнулась:

— Осторожнее, как бы я не совершила контрольный выстрел в голову.

— С тобой я не против даже на автоматную очередь, Саманта Хэйс. — Сказал парень как можно более проникновенно, смотря мне прямо в глаза и делая акцент на имени. Не буду скрывать, он впечатлял. Хотя бы потому, что его красота обезоруживала. Сегодня Беркут примерил на себя образ потрепанного жизнью красавчика: черная одежда и грим в виде шрамов на лице лишь добавляли ему брутальности и шика. Но именно сейчас, под взглядами окружающих, это местное достояние плотоядно рассматривало именно меня. Я улыбнулась уголком губы и, наклонившись к нему, прошептала:

— Ловлю на слове, Томас Кейн. — Затем я очень медленно поднесла руку к его лицу и аккуратно обтерла большим пальцем нижнюю губу, мучительно медленно для нас обоих. — В следующий раз, когда будешь меня рассматривать, возьми салфетку. Слюна капает.

Пояснила я свой жест. С усмешкой, покачивая бедрами в такт музыке, я, подцепив на ходу Лизабет, отчалила к барной стойке. Его взгляд я чувствовала каждым оголенным участком спины, он будто пробирался между моих лопаток по шее, заставляя меня покрыться испариной.

— Все нормально? — Лизабет как всегда чувствовала меня на особом уровне. Как... Как близнец.

Я кивнула, немного покривив душой.

— Все прошло как надо.

— Не зря ты его отшила?

— Нет. Ему это понравится. Я все узнала. Ему никто тут ни разу не говорил «нет». Укрощение строптивой — та игра, на которую Кейн подпишется.

Поэта и Ведьмы нигде не было видно, зато наши рюмки стояли на прежнем месте, надеюсь, более никем не целованные. Не успели мы очнуться от третьего круга шотов, как к нам подплыла свита женского пола. К слову, по сравнению с центральной блондинкой я выглядела в своем черном платье как в монашеской рясе. Я же говорила, не о чем волноваться.

Я повернулась к девушкам, явно пришедшим по нашу душу, лицом, лениво облокотившись о стойку:

— Чем-то обязаны? Или вы — местный приветственный комитет?

Две блондинки, и одна шатенка — всех я видела краем глаза в школе за круглым столом. Очевидно, местечко для особенных. Я внимательно смотрела на ближестоящую ко мне особу в костюме Красной шапочки. Честно слово, если бы моя бабушка увидела меня в таком костюме, она бы не только не пустила меня в темный лес с пирожками, но и посадила под домашний арест. Или пришила сверху еще несколько слоев одежды. Да уж, таких сказок нам в детстве не читали...

На удивление, блондинка не стала с ходу качать права или метить территорию, чего я, если честно, ожидала. Она улыбнулась и протянула мне руку:

— Привет, меня зовут Барбара. Можете называть Барби. Это Алисия и Джейн Прилипала и Королек. — Она хихикнула, будто сморозила какую-то шутку, и кивнула на подруг. Я нехотя ответила на рукопожатие. Ну вот почему все здесь так любят телесные контакты?

— Саманта и Элизабет. Можете называть нас Саманта и Элизабет. — С усмешкой проговорила я. Этот фарс начинал раздражать. Считаете, я грубая? Ну, вообще-то так и есть. Но в большинстве случаев я просто чую фальш в воздухе.

Троица переглянулась, явно недовольная моим ответом.

— Милая Сэми. — Милая? Сэми? У меня, кажется, аж щека дернулась. — Вы только-только переехали, и мы хотели бы оградить вас от совершения ошибок.

Господи, этот детский лепет меня умиляет. Девушка с прозвищем и мозгами куклы хочет оградить меня от ошибок в этом городе? Да она в обморок грохнется, если узнает СКОЛЬКО ошибок я ХОЧУ совершить.

— Интересно послушать. — Не скрывая пренебрежения в голосе произнесла я. Некоторые люди стали незаметно подходить ближе к барной зоне, чтобы расслышать за музыкой наш разговор. Кто-то еле заметным движением дотронулся до моего локтя. Я посмотрела налево: Дэниэл. Сзади замаячили Питер, Китти и Кот. Наверное, парни ходили их встречать.

— Все нормально? — Спросил Поэт. Я с готовностью кивнула и снова обратила внимание на девушек передо мной.

— Да, мы тут знакомимся. Вы подросли на самый сок, Барбара хочет рассказать мне, какие ошибки станут для меня роковыми. Все верно?

Блондинка стрельнула глазами в сторону Дэниэла.

— Верно.

Я развела руками, жестом приглашая ее продолжать.

— В общем. У нас есть несколько правил.

— Не курить на территории академии и надевать под форму белые гольфы? Мне это уже говорили.

— Нет, внутренних правил.

— То есть на глупых кличках сюрпризы не заканчиваются?

Казалось, что я вижу, как маска гостеприимства и радушия на ее лице начинать давать небольшие трещины. Наверное, то что диалог пошел не по ее сценарию, и мы с Лиз не упали ниц перед их божественным сиянием и добротой, сводило ее с ума.

— В общем так. Послушайте сюда вы обе. Либо вы заводите правильных друзей, либо не высовываетесь. Иначе жизнь в академии вам покажется адом на земле.

— Оу... — Мы с Элизабет переглянулись, изобразив на лицах крайнюю степень расстройств.

— А под правильными людьми ты подразумеваешь?.. — Начала Лиз.

— Все верно. Нас.

Свита нашей Барби нервно засуетилась. Похоже, их не предупредили о пополнении в рядах. Наверное, мысль «держи врага ближе» пришла в голову Барбаре только что и не обсуждалась за ланчем на «семейном» совете.

— Что же. Кажется, у нас нет выбора. — Со всей серьезностью сказала я Элизабет. Та кивнула.

Зрители откровенно наслаждались сценой и жадно ловили каждое наше слово. Очевидно, воздух запах жареным и новыми сплетнями. Боковое зрение позволили заметить, что Кейн все это время тоже наблюдал за нами. То, что нужно.

Я локтями оттолкнулась от барной стойки и повернулась лицом к друзьям.

— Дэниэл. Тут такое дело. Между нами выбор поставили. Надеюсь, ты сам понимаешь, что...

Парень молча смотрел на меня. Поразительное лицо. И прямо сейчас на нем ничего не читается. Захотелось снять очки и посмотреть в карие глаза. Опомившись, я улыбнулась.

— Я выбираю тебя-я! — Громко крикнув, я с детским восторгом повисла на шее парня,

заставив его чуть оступиться. Его руки поймали меня, придерживав за голую, горячую после танцев спину. Он моментально убрал ладони, будто обжегся. Вокруг стали раздаваться смешки, сначала новых друзей, а затем и окружающих.

— Ты совершаешь большую ошибку, Шот.

Я закатила глаза и все же отпустила шею парня. А жаль, он очень вкусно пахнет.

— Блин, вы это серьезно? Послушай внимательно, тупиковая ветвь развития. Меня не интересуют ваши надуманные правила, по которым вы тут живете. Меня не интересует, кто и кому поклоняется. Я сама выбираю тех, с кем общаться. И так уж случилось, что ты в этот список не попадаешь. Ты не расстраивайся сильно, в конце-концов у нас просто нет общих интересов, меня не интересует чем ты кормишь карманную чихуахуа и новая диета на одной ветке спаржи в день. Так что давай сэкономим нервы, время и воздух друг друга и не будем впредь пересекаться.

Она раскрыла рот, намаженный красной помадой, но я подняла вверх указательный палец, делая вид, что собираюсь чихнуть.

— Апчи! — Все-таки выдохнула я.

— Апчи! — Раздалось рядом со мной, это Лиз уже потирала нос. — А-апчи!

— Чхи... Пчи... Ох... Простите, девчонки. — Пошевелила я носом. — У нас с Лиз очень стремная аллергия на стерж, ничего не можем с этим поделать. Отойдите пожалуйста, а то это просто невыносимо.

— Ты об этом пожалеешь.

— Бла-бла. А ты повторяешься. Ску-учно.

— И не смей приближаться к Кейну.

— Ох, так вот в чем дело! А я то думала, с чего такое внимание и неожиданная благодать? Тогда у меня для тебя парочка новостей, и не одной хорошей. Первая: проверься у окулиста, это он ко мне подошел. Вторая: он меня не интересуется.

— Кейн интересуется всех, он Бог! — Воскликнула девушка слева от Барби — Прилипала. При этом она скосила глаза сначала на подругу, а затем и на самого Томаса, с усмешкой наблюдающего за происходящим. Как не стремно признавать, похоже, она верила в то, о чем заявляла. Не удивлюсь, если у некоторых учеников академии дома можно найти алтарь с постером Томаса Кейна в позолоченной раме и местом для благовоний. Аминь.

— Мда? — Хмыкнула я, поворачиваясь к Кейну. Тот поймал мой взгляд и поиграл бровями, мол: «Да, детка, смотри, что теряешь». — В таком случае, я атеист. — Выдала я, не отрывая взгляда от парня. Затем снова посмотрела под Барби, чье лицо стало таким же красным как костюм. — И последняя, третья новость для тебя, куколка: ты его тоже не интересуешь, так что подбери с пола остатки своего самоуважения и не бегай за парнями. А теперь брысь отсюда, не мешайте взрослым девочкам веселиться.

Снова посмотрев за плечо девушки, я саркастично усмехнулась и кивнула, заставив Барби обернуться. Сзади нее, конечно же, и стояли хозяин квартиры и сам Беркут.

— Эй, держи своего бультерьера на привязи! — Крикнула я парню.

Лицо Барбары вспыхнуло, сменяясь всеми оттенками розового и красного. Честное слово, я не знала, что есть столько полутонов! И, кинув на меня уничтожающий (по ее мнению) взгляд, она удалилась.

Я отвернулась к барной стойке и щедро плеснула себе текилу.

— Боже мой, ты мой кумир! — Китти смотрела на меня с нескрываемым удовольствием. А я же заметила, что девушка была выше меня на пару сантиметров. Ее

длинные, почти белые волосы (Они были очень похожи на волосы Роберта и Роберты, поэтому я не могла определиться, приятно мне смотреть на девушка или наоборот.), были закручены в крупные локоны и красиво оттеняли почти бирюзовые глаза. В общем — девушка была прелестна. Я в очередной раз убедилась, что все в компании Поэта обладали интересной, красивой внешностью. И, не сомневаюсь, незаурядными талантами. Удивительно, что с такими добрыми сердцами и красивыми лицами они были скорее в аутсайдерах. Впрочем, может дело как раз в доброте? Обычно, наверху власти остаются лишь сволочи. — Это же надо так уделать Барби!

— Напомнишь мне проверить кроссовки, прежде чем надевать их в танцевальном классе. Не удивлюсь, если туда щедро насыпят битых стекол. — Хмыкнула я. — Так решаются дела в академии искусств? Или я пересмотрела фильмов?

— Почти. Последняя девушка, которая не понравилась Барби, подала документы на отчисление через месяц после объявления войны. — Ответила мне Китти.

— Оу, у меня есть еще месяц? Гуляем! — Воскликнула я и вскинула вверх руку с шотом. Затем было много танцев, много алкоголя, много драйва. Я успела потанцевать на огромной колонке, во весь голос подпевая слова Ферги о том, что маленькая вечеринка никого не убьет*, слова песни влезли мне в душу еще после просмотра фильма "Великий Гэтсби", а также поучаствовать в бирпонге*. И выиграть! И да, я успела как следует расшатать нервы Беркуту. Казалось, он реагировал каждый раз, когда я заливисто хохотала. Но не приближался.

Да, мы не были библиотечными девочками и обожали вечеринки. Особенно Элизабет. Лиз — разбалованная дочь богатеньких родителей, с манерами потенциальной ученицы «Лиги Плюща», ловко носила маску святоши и не менее ловко умела кутить в самых элитных клубах. И сейчас она явно дорвалась. Хотя, для девушки, начинающей свой день с маргариты вместо хлопьев с молоком, она выглядела слишком пьяной. Моя розоволосая подруга вынырнула из толпы народа и повисла у меня на шее, отодвигая в сторону Поэта. К слову, он выглядел порядком притихшим и не особо хотел вникать в общее веселье. В правой руке Лиз цепко зажала горлышко бутылки шампанского. Кажется, она была наполовину пустой. Или наполовину полной? Как вам философия вечеринок?

— Сэ-эми, милая моя Сэ-ми!

— Элизабет, почему ты пьешь шампанское после крепких напитков?!

-Я вспомнила, что я леди! А леди пьют шампанское с клубникой!

-И где клубника?

-Я не до конца леди...

— Знаешь что, леди? Для девушки, начинающей день с коктейлей, ты слишком напилась.

— Я знаю. Ох, я хочу в туалет... — Вдруг подвыпившая подруга засмеялась. — Сэм! — Ее палец с бежевым маникюром указал на мою переносицу. — Ты злая, потому что у тебя давно-о не было мужчины. Целых... — Закончить предложение я ей не дала, засунув в рот дольку лайма. Подруга скривилась и поморщилась, отплеывая кислый вкус. Не то чтобы я была из тех девушек, которые дико стесняются своей девственности. Но трепать об этом

людям, с которыми я знакома два дня, и тем более на вечеринке с толпой пьяных и бешеных на гормоны подростков было как минимум небезопасно. Вдруг кто-то посчитает своим долгом избавиться меня от «проблемы»? А я забыла надеть лучший комплект кружевного белья и лучший кастет для первого раза тоже дома оставила...

— Это истории для взрослых, девочка. И ты, вроде, в туалет собиралась.

— Ох, точно, я же хочу пи-пи. Собиралась. И пойду! — Крикнула она почти воинственно. Наверняка бачок унитаза уже дрожит от страха. Да, подруга действительно напилась, и это выглядело весьма забавно. И без того довольно милая Лиз становилась потрясающе болтливой и наивной. Правда вот первый фактор меня скорее пугал, чем смешил.

— С тобой сходить?

— Неа, я сама.

— Точно?

— Ну Сэ-эм.

— Окей-окей.

Проводив взглядом подругу, я скользнула по танцующим людям. Кот вовсю пытался растормошить Китти, но та не поддавалась на его провокации. Рыжий Питер, в маске Халка и в моих черных крыльях, пыталась показать всем лунную походку, но состояния невесомости парню явно не доставало.

— Ты остановила подругу на самом интересном месте.

Я удивленно посмотрела на Дэниэла. Он что, уже успел накатить? Или воздух настолько пропитался винным духом, что парня развезло? Молчал, молчал и выдал...

— Неужели ты хочешь услышать, во сколько я лишилась девственности или сколько у меня было парней? Мы уже в таких отношениях? Я просто пропустила стадию, когда мы пили на брудершафт и стали делиться сокровенными секретиками, подружка. — Я подтолкнула парня локтем, уводя от скользкой темы.

Диджей, чью роль выполнял симпатичный афроамериканец по кличке Брауни, решил порадовать уставшую толпу возможностью перестать двигаться в бешеном ритме и повиснуть друг на друге, поставив медленный трек. Люди с благодарностью распались на пары и стали топтаться на одном месте. В моем поле зрения возник Беркут, в чьих объятиях плавилась брюнетка в образе ведьмочки. Однако парень даже не смотрел на свою партнершу, каждый брошенный взгляд был посвящен мне. Я сделала вид, что не замечаю этого. Он серьезно решил разыграть карту ревности? Ну, что ж....

— Как ты смотришь на танец, Поэт? — Я с улыбкой обернулась к другу. Тот также посмотрел на меня, не скрывая удивления. Я кивнула на танцпол. — Ты слишком серьезен сегодня, пошли.

Я взяла парня за руку и, повернувшись к нему лицом, потянула за собой. Оказавшись вблизи пары Китти и Кот, я остановилась, привлекая Дэниэла ближе к себе, обнимая за шею. Его руки в ответ нерешительно обняли меня за талию. Сначала он пытался найти что-нибудь, обтянутое тканью, но, смирившись, опустил горячие, сильные ладони на мое обнаженное тело. И... Мои легкие будто обхватил стальной обруч, не давая сделать и вдоха. И нет, это не сила его объятий, это сила захлестнувших меня эмоций. От одного прикосновения, от взгляда его глаз, просто смотрящих мне в душу, от строчек песни, разливающихся вокруг нас.

**Я знаю, что не знаю тебя,
Но хочу узнать о тебе больше.
Так плохо, что у каждого есть секреты,
Но могут ли они их утаить?
О, нет, не могут.***

Воздух будто наэлектризовался, стало слишком жарко в его руках. Я была словно зачарована. Резко захотелось прервать танец, и черт же дернул меня пригласить его? Парень же, наоборот, будто назло мне осмелел. Его руки, замершие на моей талии, буквально ожили. Сначала большие пальцы, слегка поглаживающие мою кожу, затем и вовсе — его ладони прошлись вверх по моим ребрам, чтобы через волну легкой, приятной щекотки, добраться до голой спины и сомкнуться на ней, притягивая меня сильнее.

Я сделала судорожный глоток воздуха. Все-таки, при всей моей смелости, близости с кем-либо у меня не было. А если кто-то и смел тереться рядом со мной в клубях, то это не вызывало во мне никаких эмоций, помимо отвращения. Но в руках Дэниэла я будто с ума сходила, наступая на горло всем своим привычкам и принципам, я буквально стремилась к нему каждой клеточкой своего тела. И это действительно пугало. Это было не по плану. Чтобы отрезвить себя, я ловко вывернулась из его рук, поворачиваясь к парню спиной и откинув голову ему на плечо. Помогло? Ой ли. Руки парня ни на секунду не отпустили моего тело, а лишь проскользили по нему, оказавшись на моем животе. Я пыталась сфокусировать зрение на Беркуте, ведь он был самым важным для меня прямо сейчас. И это спектакль для него, верно? Ведь верно? Мысли путались, а я лишь пыталась себя убедить, что во всем была виновата текила. Я закинула руки на шею своему партнеру, плавно двигаясь в такт музыке. Ладони Поэта проложили себе дорогу от талии к ребрам, а затем к моим бедрам, прикасаясь большими пальцами к тазовым косточкам... Я закрыла глаза и откинула голову на его плечо, а затем и вовсе полувлегла на парня, прижимаясь всем телом, чувствуя голой спиной ткань его одежды и будто бы не в силах больше стоять прямо. Это ведь тоже опьянение виновато, верно? Градусы, бьющие в голову и помутившие рассудок... Дыхание Дэниэла защекотало мою шею, стало невыносимо жарко. Я распахнула глаза и вернулась в реальность как раз вовремя, чтобы понять, что Кейн уже идет в нашем направлении, и его взгляд не выражает ничего хорошего. Раньше, чем он успел приблизиться, нашу пару чуть не снесла Элизабет. Подруга вырвала меня из рук Поэта и прижалась ко мне всем телом, которое потряхивала мелкая дрожь. Мои руки моментально онемели от страха — идиотская особенность тела. Но я все же подчинила себе глупые конечности и попыталась взять Лиз за худенькие плечи. Вид Стоун стряхнул с меня мысли и о Поэте, и о летающем где-то поблизости Беркуте. Тот, впрочем, заметив подругу, не приближался. Губы Лиз дрожали, а из широко раскрытых глаз падали слезы.

— Что с тобой, тебе плохо? У тебя что-то болит? — Я моментально отодвинула ее от себя: объятия подождут, было необходимо проверить подругу на наличие повреждений. Та усиленно замотала головой и вернула свое лицо в область моей шеи, всхлипывая.

— Д-да-в-вай у-уй-уй-дем, Сэ-э-эми-и... — С трудом я разобрала ее нервную просьбу. Я кинула взгляд на обеспокоенного Поэта. Оставлять его здесь тоже не дело, кажется, я не послушалась подругу и чуть-чуть да затащила его на дно своих неприятностей.

— Мы уходим, сможешь отвести нас домой?

— Конечно, подождешь минуту? Я должен сказать ребятам...

— Не вопрос, ждем у входа. — Бросила я и, лавируя сквозь танцующих людей, направилась к выходу. Кто-то зацепил мое плечо, я думала, что случайно, но это случилось второй раз. Я раздраженно обернулась и встретила взглядом с зелеными глазами Беркута.

— Что-то хотел?

— Твоей подруге плохо? Что-то случилось?

— Ей хорошо, просто она любитель повисеть на моем плече. — Брызнула сарказмом я. Терпеть не могу пустой треп и вопросы, ответы на которые очевидны. Хорошо ли плачущей девушке? Ох, конечно да!

— Может, тебе нужна помощь? — Не сдавался парень. Поразительная галантность для такого самолюбивого сноба, каким он, я знала, являлся.

— Да, будет круто, если ты уберешь руку с моего локтя и отпустишь нас на свежий воздух. — Не дожидаясь, пока он уберет от меня свои пальцы или задвинет еще одну, столь же сногсшибательную теорию о самочувствии Лиз, я выдернула свою руку и меньше чем через минуту уже жадно глотала ночной воздух.

Убедившись, что Лиз уже не льет ручьи слез, я спросила, вытирая ее лицо от следов туши:

— Что случилось, говори, пока Дэни не пришел.

Подруга шмыгнула носом и кинула испуганный взгляд на дом. Да что же там, в туалете монстр живет, в самом деле?!

— Элизабет! — Злобно прикрикнула на подругу я. Я начинала сильнее переживать, а когда я переживаю, я злюсь. Она знала это, поэтому не сердилась в ответ. Лишь еще раз потерла свой маленький носик и выдавила из себя, опустив глаза в пол:

— Помнишь клуб «Рай» в Амстердаме?

Еще бы я не помнила этот чертов «Рай». Именно там я чуть ли не отправила в преисподнюю одного из завсегдатаев, который чуть ли не изнасиловал Элизабет. Если бы не охранники, я бы... Стоп.

— Элизабет, кто? — Скальпельным тоном произнесла я. Даже мне мой голос напоминал змеиное шипение, не удивительно, что, услышав вопрос, Лиз вжала голову в плечи.

К нам уже подошли ребята, правда Поэта среди них не было, а вот весь остальной состав, во главе с Питером, вооруженным переноской пива — смотрела на нас во все глаза. Но мне было класть на зрителей. Руки сжались в кулаки, приятное и знакомое возбуждение от гнева проникало в самые кончики моих пальцев.

— Саманта, обещай, что ты никуда сейчас не пойдешь, я...

— Лизабет!

Мой крик пробудил подругу к сбивчивым объяснениям. И, поверьте, каждая новая фраза вбивала гвоздь в крышку гроба неведомой мне мрази.

— Я не знаю, не знаю! Он сказал, что его зовут Джошуа! И он был смешным. И я правду ничего не позволяла! Я шла к тебе, когда он схватил меня за руку и сказал, что хочет пообщаться поближе! Он представился, сказал, что учится в stARTe! Он толкнул меня в комнату у лестницы, было темно, и он... И я укусила его руку и потом... Сэ-эми я испугалась, я подумала, что все как тогда-а-а! — Подруга снова юркнула ко мне в объятия, просунув руки мне подмышки. Я погладила ее по спине. Вам стоит знать кое-что об Элизабет. Не смотря на то, что она старше меня, эта девушка — самое наивное существо в мире. И в нашем тандеме именно я — здоровое зерно. Ну, исключая те случаи, когда такие

сильные эмоции, как, например, гнев, застилает мои глаза. Например, как сейчас.

— Эй, девчонки, что происходит? — Подал голос Мэт.

— Садись в машину к Поэту, я скоро вернусь. — Спокойно сказала я подруге, оборачиваясь к остальным. — Кто-нибудь знает Джошуа?

— Это может быть Джош-Кудри. — Подала голос Китти. Ей стоит сменить погоняла со Старосты на Энциклопедию, ей Богу.

— Ты не могла бы мне его показать? — Вежливо улыбаясь в никуда спросила я, озираясь вокруг. Ну, по крайней мере я надеялась, что мои улыбка и тон — пример хороших манер, а не иллюстрация для одной из стадий сумасшествия. И как объяснить этим славным людям вокруг, что взгляд мой блуждает не бесцельно, а с вполне конкретной миссией, найти что-нибудь достаточно острое, чтобы засунуть это некоему Джошуа в место, которым он думает... И нет, не в голову.

— Саманта, пожалуйста, поехали домой! — Мою руку резко потянула вниз и на себя Лизабет. — Я знаю этот взгляд, ты опять хочешь убивать людей! Только не в мою смену, ребята, скажите ей!

Кажется, алкоголь снова взял свое, и она стала превращаться в дурашливое подобие себя же.

— Может кто-то все-таки объяснит, что произошло?

Я посмотрела в умоляющие, почти щенячьи глаза подруги и почувствовала, как мой гнев не то чтобы отступает, но прячется в угол моего подсознания, как обиженный зверь, которому обещали бросить кусок мяса, а не удостоили даже косточкой. Мысленно пообещав внутреннему Церберу подавание в виде если не кровопролития и жертвоприношений, то хоть какой-то экстремальной подачи, я сдалась.

— Хорошо. Поехали домой.

Та обрадованно взвизгнула и, звонко чмокнув меня в щеку, отобрала у Питера одну из банок пива. Я не успела напомнить ей, что леди пиво не пьют, как она уже осушила половину посуды, издав вздох небывалого облегчения. Пробормотав что-то, она уткнулась лбом в мое плечо, показывая, что сама она никуда дальше не пойдет.

— Где Поэт? — Спросила я у Пита, тот лишь пожал плечами. Ответ пришел, конечно же, от Блондинки-Энциклопедии. Если кто-то расскажет мне стереотипный анекдот о глупых светловолосых девушках, я приведу этому человеку Китти Хеннинг, как живое доказательство, что все это — ложь.

— Он задержался, скоро подойдет. Сказал если что ехать без него, нам в одну сторону и Кот с Ведьмой живут вместе... А он отвезет вас.

— Хорошо, тогда мы...

— Не-ет, я поеду с Питером! — Вдруг воскликнула моя розоволосая подруга.

— Почему это?! — Хором спросили мы с Ведьмой, одинаково озадаченные.

— Потому что он — рыжий! — Объявила Лиз, комично разводя руками. Весь ее вид выражал крайнюю степень досады, мол, даже такие глупости нам приходится объяснять.

Я со вздохом посмотрела на парня:

— Поможешь?

— Ну, не бросать же девушку в беде. — Питер с готовностью подставил плечом счастливой Элизабет и повел девушку к машине Мэта.

— Прости, Котик! — Улыбнулась я парню, которому явно придется делать крюк с выпившим грузом на борту. Тот лишь улыбнулся своей широкой улыбкой, всем видом

показывая, что ничуть не расстроен.

— Да было бы за что, Шот. Подождешь Поэта, чтобы он не заскучал в одиночной поездке? — Здесь он зачем-то подмигнул мне. Ох, ну, наверняка наш танец не остался незамеченным остальными...

— Только ради этого. — Хмыкнула я. — Постараюсь сделать его поездку незабываемой. Кажется, мои слова возымели сакральный смысл и для меня, и для Дэниэла...

*Отрывок стихотворения Сергея Самсонова — «Пред красотой я смолкаю...»

*Девушки танцуют под трек Bad Girls, британской певицы M.I.A.

*Песня американской певицы Fergie - A little party never killed nobody.

*Бирпонг — алкогольная игра. Мячики для пинг-понга бросают с целью забросить его в стакан с пивом, стоящий на противоположном конце стола.

*Дэниэл и Саманта танцуют под трек американской поп-рок группы Maroon 5 — Secret.

Глава 5. Ты — мой адреналин

Глава 5. Ты — мой адреналин.

Дэниэл

Девушка стянула с волос резинку, дав тяжелым локонам упасть на плечи, и встряхнула их руками.

— Кайф. — Протянула она. Затем скинула туфли, оставив их где-то под сидением. — Дважды, блин, кайф. Ох, отличная песня, добавлю?

Она ринулась к магнитофону и покрутила кнопку звука, добавив пол оборота. Из колонок лился голос солиста Arctic Monkeys, который нес полнейший бред в куплетах, замыкая это шикарным припевом... Именно эти строчки, с другими окончаниями, сейчас скатывались с губ Сэм:

— **Секреты, что я хранила в своем сердце, спрятать тяжелее, чем я думала. Может, я просто хочу быть твоей... Я хочу быть твоей...***

Этот проникновенный шепот потрясающе красивой девушки, сидевшей так близко ко мне, проникал буквально под кожу. На дороге все труднее фокусироваться. Да, эта поездка явно будет очень длинной...

— Из вас с Алексом Тернером* неплохой дуэт вышел бы.

Сэм улыбнулась:

— Думаешь? Нет, так эротично петь может только он. В любом случае, этот трек — одна из самых шикарных композиций группы. Когда слушаешь такие песни, то чувствуешь себя невероятно сексуальной.

Она чуть съехала в кресле и плавно подняла руки вверх, по изящному запястью левой скатился тонкий браслет-цепочка с маленькими подвесками.

— Не думаю, что тебе для этого нужна фоновая музыка...

— В смысле?

Девушка заинтересованно повернулась ко мне всем корпусом, а затем, для удобства, еще и левую ногу под себя подсунула. Я сглотнул. Ну и зачем я это сказал? Трек сменился на еще одну композицию группы, и Сэми уже выбивала по своей коленке ритм, все еще рассматривая мой профиль. Я же рассматривал дорогу впереди. Видите, я ответственный водитель. По крайней мере, отчаянно пытаюсь им быть.

— Ну... Я думаю, что ты была бы сексуальна даже под... Не знаю... Детские песни? Rammstein?

Она коротко рассмеялась, как будто кто-то подкинул колокольчик и он упал в траву, резко обрывая звон. Я почувствовал, как краска пробирается по моей шее, щекам, распространяясь на уши. Чертова физиология.

— Ну, нет, мистер. Если я захочу кого-то соблазнить, то определенно включу «Я хочу быть твоей». Хотя Du Hast от Rammstein — тоже вариант.

Захочет кого-то соблазнить? Она кокетничает, или издевается? Или правда не в курсе, что для того, чтобы соблазнить любого парня ей надо просто... Ну, не знаю. Посмотреть на него? Этого я говорить не стал. Лишь неопределенно хмыкнул, что можно было счесть как за

смешок, так и за ответ. Любой ответ.

Почему-то от мысли, что она собирается кого-то соблазнять, в районе моей груди поселился червяк, принявшийся подтачивать меня изнутри. Этого паразита звали Ревность. И о чем я? Он появился еще раньше, когда я увидел ее сегодня на вечеринке рядом с Беркутом... Кажется, я вляпался.

Я не заметил, как вцепился в руль, пока не расслабил побелевшие пальцы. Впереди замаячил перекресток с мигающим желтым светофором, я начал притормаживать, но Саманта внезапно закричала, заставив меня похолодеть:

— ЖМИ!

— Что?!

— Жми на газ, Дэниэл!

Я, не понимая что происходит, вжал педаль газа в пол, пролетая уже на красный. Перекресток в этот час был пуст, проблем это не создало, но что случилось? Я кинул взгляд в зеркало заднего вида, не сбавляя скорости. Сейчас я бы не удивился, если бы увидел выбегающих из этих кустов Франкешгейна или графа Дракулу, и орду орущих людей с факелами и кольями на перевес. Ну, или, как минимум, погоню в стиле Форсажа? Но сзади никого не было, спереди — чисто. Сэм, наклонившись, стала листать песни, добравшись до трека R U Mine (пр. ав. Ты мой?) она одобрительно кивнула и стала открывать окно.

— Саманта, что?..

— Дэниэл, ты серьезно собирался притормозить на красный на светофоре в 3 часа ночи? На пустой, просматриваемой дороге?! Это вообще законно?!

Что? Меня только что выставили виноватым?!

— Ну прости, что езжу по правилам. — Проворчал я, чувствуя себя древним пнем. Зато я дожил до девятнадцати лет без штрафов.

— Ага, первый и последний раз.

— Ты так заорала. А если бы я влетел в кювет?

— Не влетел бы.

— Почему тебе знать?

— Ты хороший водитель и крутой парень. Не влетел бы.

Я пропустил момент, когда девушка, в чьей вменяемости я сомневался все больше с каждым пройденным километром, села на раму открытого окна и вывалилась оттуда почти полностью, оставив в салоне только ноги.

— Что ты делаешь?! Сядь, это опасно!

В автомобиле снова появилась ее голова вместе с остальным телом. Потрясающим телом, да, но не уверен, что на столе патологоанатома или в цинковом гробу, куда она так стремится, оно (тело) будет смотреться также. Как минимум, ее не станут хоронить в этом платье.

— Не будь таким скучным! И не смей сбрасывать скорость!

Девушка показала мне язык, придерживая себя в нереальном положении.

— Скучным?! Или адекватным?!

— Иногда это почти синонимы!

Она закрыла глаза и, забив на мои причитания, все-таки снова высунулась из окна автомобиля. По ту сторону раздался ее смех и крик, который я лишь чудом услышал:

— Повторяю: не смей сбрасывать скорость! — И снова захохотала, таким счастливым, искренним, беззаботным смехом, что я не смог ее послушаться. Я продолжал ехать вперед, по

ночной трассе. Мимо нас пролетали деревья и дорожные знаки, из динамиков слышался инди-рок от британцев, а самая удивительная девушка в моей жизни, которую я знал всего три дня (четыре, если считать, что уже суббота), сидела на окне моей машины и каким-то чудом еще не выпала из окна. Более того, она стала выкрикивать в ночь слова песни, смешивая их со счастливыми полукриками.

— Ух-ху! У-у! **И я схожу с ума! Потому что здесь — это не то место, где я хочу быть.***

При всем том, что я действительно переживал за сероглазую девушку, я не смог не обратить внимание на ее ноги в моем салоне. На ее стройные, длинные, загорелые ноги, которые совершенно не прикрывала юбка платья. Кажется, я никогда не видел таких потрясающих ног, тем более так близко.

Сэм снова сменила смех на строчки из песен, подпевая солисту. Я не заметил, что тоже стал произносить слова и рифмы, сначала тихо, а потом все громче, будто поддаваясь безумию моей спутницы. Ее заразному сумасшествию. Ее всепоглощающему счастью.

— **Все, что я хочу от нее услышать, это "Ты мой?" Ну так, ты мой? Ты мой? Ты мой?***

Мои плечи расслабились, губы растянулись в непроизвольной улыбке. Черт возьми, что она со мной делает?

Девушка ловко нырнула обратно в салон. Запустив тонкие пальцы в спутавшиеся темно-карамельные пряди, застилающие ее плечи, грудь, лицо, она принялась поправлять волосы. Дыхание слегка сбилось, а когда она повернулась ко мне, то улыбнулась самой необыкновенной улыбкой, какую мне приходилось видеть. И я не говорю о людях, знакомых или незнакомых мне. Мелькающих лицах в моей жизни. Я говорю о всех улыбках: с рекламных плакатов, со сцен и экранов, из снов и реальности, из книг, когда наша фантазия рисует образы главных героев и героинь. Она не сравнивалась ни с чем и ни с кем. Она — воплощение безграничного счастья, свободного, яркого, влюбленного в жизнь.

«Ты прекрасна» — Пронеслось в моей голове, и слова эти почти сорвались с губ, но глаза Сэм возбужденно расширились, заметив что-то за окном. Она повернулась, отвлекая меня от странных мыслей, и указала в лобовое стекло.

— Поверни, вот здесь, направо! Вот, сейчас!

— И куда мы едем? Там нет ничего.

Рядом со мной девушка неопределенно хмыкнула, всматриваясь в темную дорогу. Она заставила повернуть меня в место без опознавательных знаков. Свет фар не выхватил ни одной прибитой доски с надписью «До города N — 1 километр», «До озера В — 500 метров» или хотя бы «Разворачивайся, придурок!». По бокам были только деревья и кустарники. Дорога, хоть и знавшая следы машин, явно не часто пользовалась спросом водителей.

— Не хочу показаться странным, но закон любого фильма ужасов гласит: если ночью вам приспичило завернуть в какой-то темный поворот, то гоните от себя эти мысли. Обычно именно такие решения приводят людей к домику с каннибалами и, конечно, к летальному исходу.

Саманта снова фыркнула:

— Ты серьезно ни разу здесь не был?

— Эм... Прости? А когда ты успела найти все самые злачные места нашего Броудер-Сити?

Девушка кинула на меня быстрый взгляд, как будто мой вопрос был неправильным, и, пожевав губу, все же ответила:

— Мы приехали чуть раньше, чем прийти в школу. Я нашла это местечко случайно.

Я лишь пожал плечами и ехал в неведомом направлении. Спрашивается: почему я делал все, что говорила эта девушка? Отвечается: не имею ни малейшего понятия. Но каждый раз, когда ее хорошенький ротик просил о чем-то, мне казалось, что это самое необходимое и верное действие в моей жизни.

«— Может ты заведешь кобру в качестве домашнего питомца, Дэниэл?

— Конечно, Сэм, что за вопрос?

— Как на счет сброситься со скалы, Поэт?

— Отличная идея, Саманта, как я сам до этого не додумался?».

Внутренний диалог в моей голове внезапно представился мне очень реальным, когда я притормозил, по просьбе девушки, и увидел пункт нашего назначения. Мы остановились на открытой площадке перед скалистым обрывом. За ним раскинулось бескрайнее море, омывавшее западные берега нашего города.

Не комментируя ничего, Саманта выскочила из машины. Я заглушил мотор и последовал за ней. Прохладный осенний воздух стал еще ощутимее на этом куске природы. Стоит отметить, что наш город славился чрезмерно жарким климатом в летнее время, заставляя нас молиться на кондиционеры и менять рубашки пять раз на день. Осень и зима здесь тоже не самые холодные, но все же ощутимы. Но это не помешало Саманте босиком побежать к обрыву по траве и земле. Ее обнаженная спина в темноте смотрелась как манящий светлячок. И я пошел за ним.

Подойдя ближе, я невольно замер от открывающегося вида. Обрыв оказался не большим, море билось о его скалистые и землистые выступы, а клочки пены и соленые брызги, казалось, могли долететь до нас. Горизонт впереди совершенно не просматривался. Казалось, вся темнота города спустилась туда, закрывая его собой. Зато небо... Звезды. Бескрайнее число ярких звезд, которые нельзя увидеть в центре из-за огней мегаполиса. Здесь они были как на ладони и контрастировали с темной водой. Отражаясь в ней, как будто спрятанные в ее глубинах драгоценные камни... И главное сокровище, дополняющее эту сказочную картину, стояло рядом со мной.

Глаза Саманты были прикрыты, на губах играла счастливая, расслабленная улыбка. Грудь вздымалась, потому что она с наслаждением вдыхала в себя холодный морской воздух. Ветер, гуляющий на возвышенности, трепал ее распущенные длинные волосы. Стройные босые ноги, точеная фигура в черном платье, почти обнаженная... И ее лицо в сумраке, с играющими на нем тенями, казалось неотъемлемой частью этой природы. Она сама была — стихия. Свободный ветер, бурная, таинственная вода, и, конечно, огонь. Фамилия ее, Хэйс, означает пожар, пламя. И она была словно пламя. Спокойное и согревающее в один миг, а в другой — ярко вспыхивающее. Способное поглотить все. Я знал ее там мало, но чувствовал все это каждой клеточкой тела.

Девушка сделала еще один глубокий вдох и медленно открыла глаза. Ее рука неожиданно потянулась к молнии платья на юбке.

— Не одолжишь мне свою рубашку, пожалуйста?

Я, следивший за ней, как за нимфой, лишь сглотнул, непонимающе посмотрев на ее

махинации. Молния съехала вниз, она же взяла руками за платье спереди, повернувшись ко мне лицом и заглядывая в глаза.

— Что? — Переспросил я.

— Рубашку, Дэниэл... Я могу и вовсе без одежды, но тогда тебе придется отвернуться. В моей голове медленно собирался пазл из ее слов.

— Ты что, собираешься?..

— Я хочу искупаться. И мне нужна твоя рубашка. Я постираю, честное слово.

Я посмотрел в темную пропасть:

— Ты, должно быть, шутишь. И хочу донести до твоего сведения: с юмором у тебя глобальные проблемы.

— Тут вовсе не высоко, я знаю.

— Не высоко?! А то что там может быть глубоко, или камни, или ну... Не знаю, например то, что уже ноябрь начался тебя не пугает? Ты околеешь!

— Тогда дай мне верхний кардиганчик, он теплее? — Хихикнула девушка, явно не воспринимая мои слова всерьез. Я вглядывался в ее совершенно спокойное лицо: никаких, ни малейших признаков безумия. Тогда почему она продолжает бредить вслух?!

— Я не позволю тебе прыгнуть. — Безапелляционно ответил я, скрепя руки на груди. И я всерьез вознамерился при необходимости закинуть сероглазую на плечо и затолкать обратно в салон автомобиля. Или в багажник. Потому что выуживать из морских глубин труп в мои планы на этот уикенд точно не выходило. Да и в жизненных целях такой пункт не стоит. Но девушка сделала два неуловимо быстрых шага ко мне, скользнув босыми ногами по траве, и проникновенно посмотрела снизу вверх мне в глаза. Да что там, я видел, что отражающиеся в ее серебряных глазах звезды проникают мне прямо в душу.

— Тогда сделай это со мной. — Полушепот, полувздых, вылетевший из ее губ, покоряющий...

Как она это делает? Ведь снова ее просьба сделала со мной что-то невообразимое. Я отчетливо осознал, что рядом с этой девушкой действительно, совершенно теряю контроль. Ее слова, глаза, губы... Она вся пробуждает во мне не просто темные стороны, а те стороны моей души и личности, о которых я даже не подозревал.

Мы стояли в молчании, нас окружал совершенно черный, такой же безмолвный лес, а где-то снизу доносился плеск волн. Почему он показался мне таким манящим?

Я смотрел в ее лицо. Оно было так близко. Медленно, не переставая смотреть на нее, я стянул с себя кардиган. Под ее проникновенным взглядом я потянулся, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке, но ее тонкие пальцы нашли их быстрее. Она, не спеша, но ловко, расстегивала пуговицу за пуговицей. Одежды на мне становилось все меньше, но почему же холода не чувствовалось? Тело буквально горело. Особенно в тех местах, где ее нежные пальцы нечаянно задевали мою кожу. Ее пухлые губы были чуть приоткрыты. И все во мне буквально кричало, что я должен прикоснуться к ним.

Может, я бы и сделал это. Но девушка стянула с моих плеч рубашку, заставляя очередной порыв ветра обдать меня холодным, спасительным, отрезвляющим воздухом. Я помог ей высвободить мои запястья из рукавов рубашки.

Она хитро улыбнулась и взмахнула трофеем, а это был именно он, ведь достался он ей — самой коварной из женских хитростей.

— Спасибо. Не подглядывай. — Она подмигнула мне и отвернулась. Я же замер, не в силах исполнить ее просьбу. Ключок темной материи, бывший ее платьем, скользнул к ее

ногам. Передо мной, на фоне поцелуя между черным горизонтом и бескрайним небом предстала самая совершенная фигура, которую я мог представить. Гибкий стан, точеная спина, тонкая талия, упругие ягодицы, прикрытые одними лишь кружевными трусиками... Есть ли на свете что-либо идеальное? Кажется, да. Она быстро накинула на плечи мою рубашку, доставшую ей до середины бедер, и, на ходу застегивая пуговицы, обернулась ко мне. Если бы застегивать и расстегивать мои рубашки вошло у нее в привычки — я бы не стал возражать. Девушка вытянула из под ткани густые волосы, позволяя им упасть себе на спину.

— Я же просила не подглядывать. — С усмешкой сказала она.

— Я не подглядывал. Я открыто смотрел и любовался. — Честно признался я. Ее глаза скользнули по моей полураздетой фигуре.

— Так что ты решил?

Я скинул с себя остатки одежды и обувь, бросив наверх очки и оставив боксеры. Подошел к ней. Холодный осенний воздух, жар моего тела, запах йода и хвойных деревьев, а еще потрясающий фруктовый аромат духов Сэм... Все это будто ворвалось в мою душу, заставив в кровь хлынуть адреналин.

— Мы серьезно это сделаем? — Спросил я. Хотя точно знал ответ.

— Еще как. Тебе понравится.

Саманта скользнула рукой по моей руке, слегка сжав ее, и, отойдя на несколько шагов назад, поманила меня за собой. Я подошел к ней.

— Ни о чем не думай. — Прошелестел ее голос ниже моего плеча. — Давай!

Не отдавая отчета своим действиям, отдавшись на волю инстинктов, случая и этой странной девушки, я с разбега устремился рядом с ней в темноту. Сильно оттолкнувшись от края обрыва, мы с криком прорвали ночной воздух. Ощущение полета, свободы, да, испуга, испуга черт его бери, но вместе с тем и такого всепоглощающего счастья! Все это уместилось в моем сознании за наносекунду, уменьшилось, а затем взорвалось внутри меня, распространяясь по телу электричеством, азартом, оглушающими эмоциями. А может, меня оглушила ледяная вода, ударив по всем нервным окончаниям, когда мое тело разрезало темные пенящиеся волны, входя глубоко под воду. Море поглотило меня с головой, окружив темнотой. Я сделал несколько сильных гребков руками, устремляя тело вверх, лишь интуитивно угадывая направление. Резко вынырнув, сделал глоток воздуха. Удержавшись на воде, попытался справиться с застилающими глаза каплями, чтобы найти взглядом спутницу моего безумия. Я уже успел запаниковать, когда Саманта вынырнула почти рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки. По ее лицу и волосам струилась вода, глаза какое-то время оставались зажмуренными, а рот жадно ловил пенистые брызги вперемешку со спасительным воздухом. И я волновался? Кажется, Саманте Хэйс нужна более стоящая причина, чтобы умереть, чем море, скалы и холод. Впрочем, не удивлюсь, если эта девушка вовсе бессмертна.

Наконец она открыла свои серые глаза и нашла взглядом меня. Ее глаза ловили отражение темной воды и отсвечивали почти демоническим, серебряным блеском. Теперь они были темно-серые, страстные, выразительные, невыносимо сексуальные. Она подплыла чуть ближе ко мне, все с той же улыбкой на мокрых губах. Руками убрала назад волосы, открывая свое лицо сиянию луны и моему взору.

Она молчала, и я не смел нарушить этот момент звуком своего голоса. Лишь смотрел, как быстрые капли сбегают по ее лицу, прокладывая себе дорожку по нежной шее и исчезая

в морской глубине. Очаровательная, в моей рубашке, мокро облегающей ее плечи. Кажется, ставшая почти прозрачной ткань, открыла мне что кусок татуировки, выглядывающий из-за бретелей ее платья, был лишь малой частью. Но общий рисунок было не разглядеть. Да и сейчас я просто не мог рассматривать все детали. Я следил за девушкой, желая впитать в себя ее образ целиком и полностью. Прекрасная, дикая, волшебная. Саманта.

Одно этой ночью я понял точно. Правду говорят, что для того, чтобы влюбиться, человеку достаточно пятой доли секунду. Мне, например, хватило одного единственного взгляда. И теперь я отчаянно и бесповоротно влюблен.

Саманта

Выразительные, глубокие глаза парня, не прикрытые на этот раз стеклами очков, внимательно следили за каждым моим движением. Казалось, что он хочет изучить и впитать в себя каждую черточку моего лица. И я чувствовала себя опьяненной. Опьяненной недавней близостью к врагу, этой звездной ночью, текилой, экстремальным падением и вниманием Дэниэла.

Сделав большой гребок, я подплыла практически вплотную. Зачем. Зачем? Не надо, не создавай себе еще больше проблем, Саманта... Эти мысли, вопросы, мольбы и просьбы моей рациональной стороны набатом звучали в моей голове. Но когда ты сделал решающий шаг в пропасть, толку просить себя не падать?

Рубашка Дэниэла прилипла к моему телу, как вторая кожа. Но мокрая ткань не могла согреть мое тело в ледяной морской воде. А вот ее владелец...

Дэниэл застыл на одном месте. Голые белые плечи парня, широкие и сильные, периодически накрывали наступающие волны. Еще один гребок, и я скользнула руками по его мокрому, неожиданно горячим плечам, притягивая его к себе ближе, чем просто близко. Я тихо подгребала ногами, периодически касаясь его коленей. Вода вокруг нас перестала быть холодной, она буквально закипела. Или это бурлит моя кровь? Какая разница.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Если Дэниэл и был удивлен моими действиями, вида он не подал. Наоборот, его теплая рука нашла мою талию в воде, и прижалась к ней, проведя по спине. Помнится, он боялся дотронуться до выреза на спине, а теперь... Моя грудь, голая за тонкой, ставшей прозрачной от воды тканью, прижималась к его твердой груди. Дыхание перехватило. В горле пересохло. И отчаянно захотелось утолить жажду, собрав все соленые капли с его идеально очерченных губ. Какие они на вкус? Как море? Как ветер? Я наслаждалась ощущением ласки, от наступающих волн, и жаром, исходившим от крепкого тела парня.

Наклонилась ближе, чуть ли не касаясь его губ, прошептала рядом с ними, тихо, хрипло: — Я же говорила, тебе понравится.

Наши сердца гулко стучали. На лице парня — ни тени улыбки. Его глаза горели ярче, чем звезды над нами. Я смотрела в них и была готова закончить все прямо сейчас, умереть от восторга, найти счастье в его руках. В руках моего личного Эльфа, который, однажды, один мог справиться с моим горем. Забрать его себе, заставить забыть обо всем, заставить... Нет! Нет, нельзя забывать!

Я, будто очнувшись, резко отстранилась от парня, легко отплывая назад.

— Я замерзла. — Проговорила я, почти испугано. Хотя он явно чувствовал, что мое тело горело огнем под его ладонями. Рвалось и жаждало его прикосновений. Черт. Я теряю контроль. Я развернулась и поплыла к берегу. Туда, где был проход наверх. Узкая песчаная

дорожка вела обратно, к спасительной реальности и салону автомобиля. И я должна добрать до нее раньше, чем захочу повернуть обратно в эти объятия.

Я не видела, но чувствовала, что Поэт поплыл за мной. Выйдя на берег, мигом почувствовала глубокую осень. Здесь не было спасительно горячего тела, только прилипшая ко мне рубашка и ветер, обжигающий холодом. Я чувствовала, что ноги начинают коченеть, теряя чувствительность. Быстро добравшись по зыбкой тропе, усеянной ветками и шишками, до верха, я подскочила к одежде. Смотреть на вещи, оставленные Дэниэлом, я не хотела. Одна мысль о том, что этот потрясающий парень был практически обнажен заставляла все мои внутренности скручиваться в тугий узел. А если подумать, что мы с ним чуть ли не... Ох. Черт. Я взяла в руки свое платье, пытаюсь справиться с колотящим меня ознобом. Интересно, спасет ли меня от смертельного окоченения этот кусок ткани?

На мое плечо опустилась рука, заставив вздрогнуть. Хотя вряд ли это было заметно, мое тело и так трясло как в лихорадке. Я обернулась и замерла. Дэниэл, все еще восхитительно неодетый, стоял, ловя на своей светлой и мокрой коже лунный свет, который делал ее цвет жемчужным и заставлял капли блестеть, как скользящие по мышцам водяные кометы. И кто после этого усомнится в его эльфийском происхождении, простите?

— Вот, надень. Переодевайся быстрее, тебя трясет. В багажнике должен быть плед.

Парень, избегая смотреть мне в глаза, сунул в руку свой мягкий вязаный кардиган. Затем, подхватив остаток своих вещей, он пошел к машине, будто его холод вовсе не касался.

Я быстро скинула с себя всю мокрую одежду и натянула сначала платье, а затем и теплую кофту, почувствовав благодарность. Вместе с этим чувством сердце больно укололо чувство вины. Что же я делаю?

Я подошла к машине и забралась на переднее сидение с ногами. Закинула мокрые, относительно отжатые вещи назад. Подтянула к себе колени, ощущая от кофты запах одеколona Поэта, а в салоне — тепло. Парень предусмотрительно включил зажигание и обогрев, прежде чем искать в багажнике плед. Позже появился и он, в одних джинсах и ботинках. И я никак не могла отметить, что он выглядит не просто хорошо, а Хорошо с большой буквы. Это игра на скрипке качает такую мускулатуру?

Закрыв за собой дверь, он потянул мне зеленый плед в черную клетку. Я отрицательно помотала головой, но, поняв, что он все еще не смотрит в мою сторону, озвучила свой отказ:

— Не надо. Я почти согрелась. Накройся сам, ты же почти раздет. — Это звучало крайне неубедительно. Хотя бы потому, что зуб на зуб не попадал, и слова пришлось проталкивать между характерными щелчками. Картина была настолько нелепа, что Дэниэл повернулся ко мне, чтобы окинуть взглядом мою фигуру, сжатую в трясущийся комок. Через пару секунд молчания мы, не выдержав, громко расхохотались. Наш смех разрушил царившее в салоне напряжение. Поэт перегнулся через коробку передач, наклоняясь ко мне и укрыл меня теплым, немного колючим пледом. Он плотно подсовывал края покрывала мне под спину и бедра, окружая теплом и заботой.

— Надеюсь, ты не подхватишь воспаление легких...

— Неа...

— Откуда такая уверенность?

— Безумцам везет!

— Ну, тогда ты точно полна везения, Саманта Хэйс.

Его последние слова были сказаны невыносимо близко к моему лицу. Руки парня все еще держали меня за плечи. Я, не выдержав, отвернулась к окну:

— Кто бы говорил... Человек, который прыгнул осенью в открытое море... — Прошептала я, смотря в окно и видя в отражении, что парень все еще смотрит только на меня.

— Ну... Как оказалось, безумие заразно... — Через мгновение его руки покинули мои плечи и мы тронулись с места.

Обратно мы ехали в тишине. Даже музыку мы по молчаливому согласию не ставили. Теплый воздух из печки и плед сделали свое дело, я постепенно перестала дрожать и оттаивала как снеговик над костром. Главное — не поплыть окончательно.

Через час пути, мы обнаружили рядом с моим домом припаркованную синюю BMW Мэга.

— Наверное, они остались тебя подождать? — Предположила я, выбираясь из машины.

Я оказалась практически права. Правда, чтобы скрасить ожидание друга, ребята включили музыку на максимум возможностей скромной аудиосистемы, но достаточную, чтобы обитатели близ лежащих домов разочаровались в новых соседях. С Дэниэлом мы зашли в дом под нестройные крики наших друзей и бодрый трек, перечисляющий всевозможные виды алкогольных напитков. Больше всех напрягали голосовые связки Питер и Кот, не утруждая себя такой глупостью, как попадание в ноты:

— Let's have a drink and party: caipirinha, cuba libre, long island, martini, champagne, mojito, tequila — boom, boom! *

Судя по происходящему в гостиной, ребята использовали этот трек как гимн или призыв к активным действиям. А наш запас бара изрядно похудел с легкой руки Элизабет. К слову, подруга была в центре этой Вакханалии, танцую рядом с Китти. Обе девушки возомнили себя как минимум латиноамериканками, активно двигая бедрами и грудью.

— Китти! Она же не пьет! — Поэт изумленно воззрился на происходящее.

Я хлопнула его по плечу:

— Мы с Лиз тоже не пьем. Просто радуемся жизни через этот высокоградусный суррогат счастья.

Заприметив новые лица, розоволосая взвизгнула и, едва не полетев через кресло, подбежала к нам, повисая на шеях обоих:

— Э-эй, где вы были! Я уже соскучилась! Фу, вы мокрые и холодные! — Девушка отпрянула и присмотрелась к нашему внешнему виду. Стоит ли напоминать, что помимо мокрых волос на мне была одежда Дэниэла, а на нем не было одежды вовсе? Ну, кроме низа. Глаза подруги расширились, а на лице стала медленно расползаться улыбка Чеширского кота. — Ах вы, двое! Опять принимали душ «не вместе», да?

Ответить мы не успели, к нам протанцевали и остальные, не забывая вставлять едкие комментарии:

— Ну и видок, ребят. Поэт, Терминатор отобрал твою одежду?

— Ага, и имя ему — Саманта Хэйс.

— Божечки, мне не хорошо...

— Китти, ванная прямо по коридо... Ай, лучше я тебя провожу.

— Так чем вы, все-таки, занимались?

Коктейль из вопросов, подозрительных взглядов, смешков и всевозможных выводов сопровождал нас с Дэниэлом внутрь, а затем, игнорируя всех и вся, я оттащила парня в свою комнату. Там я торжественно вручила ему одну из коллекции мужских футболок, попутно объяснив, что кроме меня они никому не принадлежали. Судя по его подозрительному

взгляду, парень в этом о-очень сомневается. Да и пусть. Далее я, не менее торжественно, спровадила его в свою ванну. Сама же заняла душевую Лизабет. Наскоро приведя себя в порядок, мы спустились к ребятам. Веселье чуть улеглось, как и звук, доносящийся из колонок. Ребята сменили пляски на настольные игры. Они расположились на полу нашей светло-бежевой гостиной вокруг поля для «Клуэдо»*. В данный момент Лиз крутила в руках одно из потенциальных орудий убийств — веревку и с подозрением уставилась на Питера.

— Осмелюсь предположить, что вероломное убийство совершил ни кто иной, как мистер Грин, скрывая свои наклонности за чином «Преподобный». И сделал он это веревкой, в кухне. — С этими словами девушка поставила веревку и обе фигурки, свою — белую и Питера — зеленую, на кухню.

— Открыли детективное агентство? — Спросила я, устраиваясь между подругой и Китти на одну из разбросанных всюду подушек.

— Ага, не вечно же нам с тобой устраивать бар из наших гнездышек. Душа требует разнообразия. О, и мы заказали море пиццы. Скоро будет. — Я хмыкнула. Что еще могла заказать Элизабет? Лиз и пицца, это как Гомер и пончики, Рокфор и сыр, Шерлок и овсянка. Ну, вы поняли.

— Китти, ты же не любишь пиццу? — Отчего, скажите мне, ну отчего, это невинный факт, вырвавшийся из уст Поэта, заставил меня на долю секунду невзлюбить милую девушку рядом со мной? Конечно, он знает ее вкусы, они же знакомы целую вечность! Так, стоп, такие мысли не успокаивают, а наоборот, снова злят. Я чуть потеряла виски, кажется, начинается мигрень. Интересно, от ночных заплывов или от подступающей к горлу ревности? Уловив на себе внимательный взгляд Дэниэла, я сразу отняла руки от головы и повернулась к блондинке:

— Ну, я заказала роллы. Вегетарианские. — Улыбнулась та парню, явно польщенная его внимательностью. Интересно, ее щеки покраснели от тесного знакомства с алкоголем или от слов Дэни?

— Не любишь пиццу? — Услышала я свой вопрос, брошенный лишь для того, чтобы хоть что-то сказать с возможностью продолжить пялиться на нее.

— Просто пицца — это не еда! — Воскликнула Китти. — Это фаст-фуд, который маскируются под нормальную пищу. Это, между прочим, даже подло!

— Мне кажется, или она только что оскорбила пищу богов? — Театральным шепотом, наклоняясь ко мне, спросила Лиз.

— Ш-ш-ш! — Прижала я палец к губам, благоговейно посмотрев в потолок. — Боги могут нас услышать и покарать за такое неуважение!

Тут случилось нечто, заставившее наше дыхание на секунду замереть, а затем вся толпа синхронно и громко рассмеялась: свет люстры на потолке дважды мигнул, выключился на пару секунд и снова засиял. Это не было бы страшно или странно, не произойди замыкание в такой подходящий момент. Да и Ночь всех святых на дворе, как-никак!

Отсмеявшись, я вытерла слезы из глаз и, указав пальцем на Китти, осуждающе произнесла:

— Это все из-за тебя, пп-девочка*.

Она, продолжая смеяться, кинулась ниц:

— Ох, простите, Боги пиццы Пеперони!

— И Гавайская! — Подала голос Лизабет.

— Канадская! — Назвал свою любимую острую пиццу Питер.

— Нью-Хевен! — Не осталась в стороне я.

Староста замахала руками, поднимаясь с колен:

— Сдаюсь-сдаюсь, слишком много богов, знаете ли.

— Лизабет, ты чего? — Неожиданно замолчавшая подруга переводила не самый добрый взгляд из своего арсенала с меня на Китти и обратно. Точнее, с наших зон декольте.

— Да я, блин, думаю, где я была, когда всем девушкам раздавали грудь третьего размера...

Что было позже? Много смеха, от которого болели мышцы пресса, как после ударной тренировки. Много пиццы, все маслины с которой таинственным образом перекочевали на куски Питера, к истерике последнего. В приступе ярости он даже побегал за мной по дому, но кто пытается убить врага на его территории? Рыжий парень был повержен через две минуты. Также было немного роллов для впервые в жизни пьяной Китти, которая «не ест после шести». И, конечно, много элитного алкоголя, без зазрения совести наливаемого нами в самые обычные хайболы. О да, матушка Лизабет была бы недовольна нашим поведением, «не достойным юных представительниц высшего общества». И телами, которые заснули вповалку в нашей гостиной — тоже. Но наших родителей здесь нет. А у нас давно нет сил быть хорошими девочками.

На утро я проснулась раньше всех и, кажется, раньше солнца. Я встала с кровати и, несмело шурясь, подошла к окну, отодвинув шторы и присматриваясь к тому, что спрятано за ними. Нет, светило уже заняло свои позиции на небосводе и будто нехотя согревало замерзшую за ночь землю тусклым осенним светом. Тоже мне, одолжение. Белые перистые облака застыли на небе, будто кто-то макнул огромную кисть в белую краску и сделал несколько мазков в виде длинные нитей.

Смертельно хотелось пить. И убивать. В принципе, стандартные утренние желания любого подростка. Я вышла из комнаты (Понятия не имею, как в ней оказалась, наверное, мой автопилот не дает сбоев ни при каких условиях.) и направилась напрямиком на кухню. Заглянув в гостиную, лицезрела картину, которую вполне можно назвать «Типичное утро после вечеринки». Лизабет, как владелица дома, лежала на диване, крепко прижав к себе подушку в форме плюшевого сердца. Эта не проснется до обеда, если не трогать. Снизу, то есть прямо у подножия дивана, устроился Кот, свернувшись на горе из сташенных откуда-то покрывал и пары подушек. Кажется, его прозвище все больше и больше обретает смысл. Питер сдвинул два больших кресла и вполне комфортно чувствовал себя в них. На полу, помимо лишних подушек, валялись вчерашние стаканы, бутылки, и коробки с остатками пиццы. Энциклопедия, то есть, пардон, Староста — отсутствовала. Поэт — тоже. Совпадение, или повод для «Я вырву ее блондинистые волосы!»? Ох, черт. Саманта, какая же ты сволочь. Собака на сене. Ведь знаешь же, что никогда не будешь с Дэниэлом, но нет, рычишь, как цепной пес. Мысленно проклиная себя, я юркнула обратно в коридор, борясь с желанием пройти ко входу и проверить наличие вещей этой парочки. Кто бы знал, что во мне есть задатки ревнивицы-сыщика?! Утолив жажду на кухне ледяной водой из под крана, а также захватив большой винный бокал и бутылку белого полусладкого с собой, отправилась обратно наверх, лечить похмелье и залечивать душевные бреши. Да, мне требовалась ясная голова, но моему гребаному сердцу требовалась очередная доза зелья Бахуса. А еще душ.

Спустя 10 минут водных процедура, а также самокопания на тему: «какого черта какой-то среднестатистический, ничем не примечательный»... Ну, если мы забываем о том, что под грудой джемперов скрывается «ого-го» какое тело, под очками — фантастические глаза, а еще... Черт, проехали, я сказала! Так вот, этот «ни коем разом не интересный парень так прочно влез в мою голову и одним своим присутствием в непосредственной близости от меня готов пустить насмарку тщательно выверенный план действий», я наконец вышла из душевой, в клубах ароматного и теплого пара. Мысли мои ни к чему путному не привели. Вывод был один — мне необходимо держаться от Поэта подальше. Но как это сделать, если вот он, стоит посреди моей спальни и молча взирает на меня, выплывшую из ванной комнаты, в одном белом полотенце, едва прикрывающем бедра.

— Ох, прости... — Парень предсказуемо покраснел и отвернулся в сторону входной двери.

— Да ничего. — Усмехнулась я, с невозмутимым видом подтянув к груди уже влажное полотенце. — Думала, что ты ушел.

— Нет, я был в гостевой комнате, вместе с Китти, услышал, что ты проснулась. И вот... — Парень запустил руку в отросшие волосы и продолжил внимательно изучать мою дверь. Она сейчас тоже покраснеет от переизбытка мужского внимания.

А вот я... Упоминание слов «комната, вместе, Китти» в одном предложении убило зачатки девичьей скромности и придало мне былой наглости. Да что там, скажу больше, я разозлилась. Могла ли я злиться? Не знаю. Бывает ли у вас, что вы осознаете, что не имеете права на какое-то чувство, но противиться ему не можете? Или даже не так: вы имеете право на **любое** чувство, но точно знаете, что потакание ему заведет вас в тупик без выхода? Вот и мои эмоции рядом с Дэниэлом вели меня верной дорогой в чертову безысходность. И если я всего пару минут назад, натирая тело мочалкой, уговаривала себя сосредоточиться на цели и не втягивать в свою жизнь Поэта, то смотря на этого парня, стоящего рядом со мной, я не могла быть так уверенной в своем решении. Да, он был помехой, но можно же ее устранить немного попозже? Даже у злых гениев должны быть выходныи и слабости, верно?

Я крепче зафиксировала узел полотенца на груди, и подошла к Поэту, который примостился аккурат рядом с прикроватной тумбочкой, на которой стояла откупоренная бутылка вина и наполовину полный бокал. Задев его влажным плечом, я освежила содержимое бокала, и, взяв его, с наслаждением пригубила напиток. А затем повернулась к парню лицом, не отдалившись ни на сантиметр.

— Ты как, заскочил пожелать «Доброго утра»? Или придумал более ценный предлог убежать из постели девушки? Мы, знаешь ли, этого не любим.

Поэт смотрел на меня. Я видела, как его взгляд скользнул по моей ключице, остановился на груди, прикрытой белой махровой тканью, и снова вернулся к лицу.

— О чем ты?

Я развела руками, едва не плеснув вином на ковер. Было бы обидно, это пушистое сокровище с длинным ворсом — флокати, я притащила с собой прямиком с его родины — Греции.

— Ну, знаешь, обычно положено приносить на утро завтрак в постель. В крайнем случае, оставить записку. Ну, совсем край — деньги на такси. А ты стоишь здесь, в комнате другой девушки, которая, хочу заменить, подозрительно не одета. — Я подмигнула ему, прежде чем сделать еще один глоток вина. Кажется, я начинаю нести бред. То ли еще будет. Я терялась, действительно терялась, когда смотрела на него. И в мыслях, и в чувствах, и в

поступках.

На губах Дэниэла неожиданно заиграла улыбка, приятная, как и сам парень, но почему-то она мне не понравилась. Она меня смущала. А я хотела быть ведущей в этой игре, и никак иначе.

— Саманта Хэйс, неужели ты ревнуешь? — Губы парня растянулись в довольной усмешке, в глазах, которые на солнце блестели, как темный янтарь, зажглись ехидные искры.

Я поджала губы.

— Эй. Сэми. Ты серьезно ревнуешь?!

— Нет. Не говори ерунды.

— Я же вижу.

— Смени очки, тебе нужны большие диоптрии.

— Мы с Китти дружим уже лет пять, если не больше. Ей стало плохо, пришлось караулить у ее кровати. Между нами ничего нет.

Я почувствовала, как по шее к щекам пробирается предательский румянец и спряталась за стеклом бокала, залпом осушая напиток и резко поворачиваясь к шкафу.

— Не понимаю, зачем мне такие подробности. — Как можно безразличнее бросила я парню.

— Мне показалось, тебе хочется это знать.

— Вот именно, тебе показалось, Дэниэл.

Я подошла к шкафу, открывая его и не особо видящим взором уставилась на ряды вещей. Щеки все еще горели.

— А это что, завтрак чемпионов?

Я обернулась через плечо, Дэниэл кивнул на пустой бокал. Он же не собирается читать мне нотации?

— Корпоратив индивидуального предпринимателя. — Фыркнула я. — А теперь, если ты не мечтаешь увидеть меня голой, то лучше отвернись.

— Мне стоит честно ответить на этот вопрос?

Вместо ответа я бросила в парня одну из безразмерных футболок, тот поймал ее и с тихим смехом повернулся ко мне спиной. Я окинула эту спину задумчивым взглядом: когда это он стал таким самоуверенным? Пора бы сбить спесь с Поэта, неправда ли? Тем более, мой внутренний демон все еще не простил его за уколы ревности с утра пораньше...

Проигнорировав вешалки и полки стройных рядов одежды, я наклонилась к нижнему ящику с бельем. Стоит отметить, что белье я искренне и беззаветно любила. Кружевные и шелковые комплекты составляли львиную долю моего гардероба, да вот кроме Элизабет их никто из посторонних не видел. Почему бы не исправить это досадное упущение? Я выудила один из любимых комплектов из нежного черного кружева, декорированный ажурной тесьмой. В центре «композиции» — кокетливый бант из блестящей атласной ленты. Это была одна из самых идеальных вещей. Сбросив полотенце и натянув трусики с лифчиком, я взбила мокрые пряди и резко повернулась к Поэту, боясь, что моя решимость падет прахом.

— Я оделась. — Бросила я равнодушно, не смотря на глухо бьющееся за тонким кружевом сердце.

Дэниэл с улыбкой повернулся ко мне и замер. На этот раз его взгляд не метнулся к белой двери, а остановился на мне. И я определенно могла его почувствовать на своей коже. Я медленно, с легкой улыбкой, подошла к парню. Аккуратно взяла у него из рук брошенную недавно серую футболку. Также не спеша расправила ее и надела на себя, позволив ей

свободно скользнуть по моему телу, пряча его от карих глаз.

— Прости. Хотела надеть именно ее. — Проговорила я, без капли раскаяния смотря на парня.

Дэниэл поднял руку и осторожно высвободил мои влажные волосы из под ворота футболки. Мое тело моментально откликнулось на это одновременно заботливое и в чем-то эротичное движение легким покалыванием. Вау.

— Кажется, я начинаю привыкать видеть тебя с мокрыми волосами и почти обнаженную. — Тихим, хрипловатым голосом произнес Дэниэл. — Впрочем, к хорошему привыкаешь слишком быстро...

— Я становлюсь неоригинальной. Какая жалость. Придется придумать нечто новое. — Пообещала я парню.

— Нет. Не надо.

Кажется, от напряжения, возникшего в этой комнате, показавшейся вдруг такой невероятно маленькой, взорвутся стекла в окнах. Это как минимум.

— Саманта, я не понимаю, что ты...

Стук в дверь прервал Поэта, а вслед за ним в комнату зашла бледная Китти. Длинные волосы были непривычно взъерошены, а к ногам девушки будто гири пудовые привязали, с таким трудом она их передвигала. Дэниэл отошел от меня и сделал несколько шагов в сторону подруги. Его рука метнулась к шее и нервно потерла ее, будто нас застучали за чем-то непристойным. Я лишь усмехнулась. Святая простота.

— Ребята, вы здесь? Ох, блин... — Девушка сморщилась и взялась за виски. — Голова раскалывается...

— Больше плохих новостей: у тебя на голове произошло стихийное бедствие. Расческа на комод. Я принесу тебе таблетку от головы. — Сказала я, направляясь к выходу. Все равно моя комната стала точкой сбора для всех присутствующих, толку здесь прятаться.

— Спасибо, Сэм. Правда, кажется, мне поможет только гильотина. Мне даже говорить больно.

— Такого не обещаю, но альтернатива в виде сильного обезболивающего — сколько пожелаешь.

— Спасибо. — Снова поблагодарила девушка. Сейчас начну чихать от переизбытка вежливости в воздухе. На этой мысли я снова осеклась, черт возьми, я снова на нее злюсь? Подумаешь, вошла в мою комнату на самом интересном месте и вот стоит теперь, опершись на парня, единственного, прошу заметить, кто видел меня в одном белье. Да что там, дальше первой базы никто из сынов Адама со мной еще не уходил! Может, мне наоборот стоит сказать «спасибо»?

Дэниэл потащил девушку за мной на первый этаж.

— Дэ-эни, мне очень надо домой. — Застонала блондинка, умоляюще смотря на парня и перебирая ногами.

— Хорошо, я отвезу тебя. Питер доедет с Мэтом.

«Хорошо, я отвезу тебя» — Мысленно прошепелявила я, не забывая кривляться. А затем с милой улыбочкой подала девушке высокий стакан воды и белую спасительную таблетку. Считаете, что я злая? Да бросьте, вода же не из бачка.

Я смотрела как пьет Китти, мелкими глотками, но не отрываясь от стакана ни на секунду. И понимала, что даже если бы она сейчас накинулась на Дэниэла с поцелуями, я бы не смогла ее ненавидеть. Она была славной девушкой, милой, вежливой, ответственной и

обаятельной. Такой когда-то была и я. В прошлой жизни. И именно такая подруга нужна Дэниэлу. Сколько за это утро в моей голове промелькнуло взаимоисключающих мыслей и оглушающих мое сознание эмоций? Кажется, я снова начинаю сдавать позиции. Мне срочно необходим сеанс своей личной терапии из сундука у кровати... Только вот ребят провожу. Посторонним это видеть не следует.

Заметив, что также внимательно, как я рассматриваю Китти, за мной наблюдает Дэниэл. Только если я смотрела на девушку с видом натуралиста, изучающего явления природы, парень смотрел на меня пристально и пытливо, будто пытался разгадать сложную головоломку. Это мне не нравится.

— Ох, Господи, спасибо, Сэми. — Нет, я только что обязалась, что буду ее любить, но еще одно «спасибо» и я за себя не ручаюсь. — Поехали? — Это уже было обращено к Поэту.

— Куда это вы без нас? — На кухню выползло мускулистое тело Мэта, обтянутое черной майкой. Вчера я и не заметила, какой он, оказывается, здоровый.

— Мэт, если ты кот, то минимум Мейн кун! — Я ткнула парня пальцем в бицепс. — Ого какие банки. Вы, музыканты, ломаете все стереотипы.

— Мы? Ах да, это же вы вчера с Поэтом полуголые вернулись? — Мэт задорно засмеялся и легонько ткнул меня кулаком в плечо. Я лишь закатила глаза, тема нашего внешнего вида и прыжка в море уже была «обсосана» сверху донизу. Кажется, вчера мы даже пришли к какому-то выводу. Вроде бы к тому, что я «трехнутая на всю голову», и это слова наглого котищи.

— Что ты мне глаза закатываешь? Совратила нашего ненаглядного, теперь, будь добра, неси ответственность!

— Ты же знаешь, нечего не было. Поэт обещал маме отдать свою невинность только своей жене.

— Так и сделала бы предложение!

— Я пыталась! Специально к морю поехали: ночь, луна, романтика. Но потом я увидела обрыв и дальше все как в тумане...

— Что ж, се ля ви! Значит, не для тебя его роза, точнее рожка...

— Эй, ребят, привет, я все еще здесь! — Поэт отчаянно замахал руками между нашими лицами.

— Оу, Дэниэл, ты давно тут? Доброе утро!

— Кот, иди в...

— Мяс!

— Черт вас дери, вы так орете, что спать невозможно! — Недовольная Лиз, все еще в обнимку с подушкой, вышла из гостиной и уселась за барную стойку, с грохотом поставив на нее локти. Затем, для пущего удобства, она положила свою плюшевую ношу на стойку и уткнулась в нее лицом. — Сэ-эм, пожа-алуйста... — Простонала подруга в мягкое сердце.

Я молча подошла и открыла кофеварку, доставая капсулы:

— Кто-то еще хочет кофе?

От кофе не отказался лишь Поэт, остальные ребята взамен бодрящего напитка активно налегали на воду.

— Я знаешь что заметил? — Сказал Питер. Его рыжие волосы торчали в таком забавном беспорядке, что невольно вызывали ассоциацию с каким-то мультфильмом. Не знаю каким, но там его главный герой точно несколько раз тормозил при падении собственной головой.

— Просвети меня. — Разрешила я, поставив две горячие чашки перед друзьями,

мимоходом привычно чмокнув подругу в лоб.

— Что вы с Элизабет общаетесь постоянно будто ментальной связью. Вы что, мысли друг друга читаете?

— Раскусил. — Хмуро буркнула Элизабет. Она явно проснулась ни с той ноги. Ну, еще бы, для Лиз поспать меньше хотя бы девяти часов — равносильно самоубийству. И вообще, ее жизненным кредо была фраза: «Когда проснусь — тогда и утро». — Ох, мне нужен душ.

Подруга стянула с барной стойки белую чашку и звонко шлепая босыми ногами по кухонной плитке отправилась наверх.

— С кем не встречаюсь: тем до понедельника!

Позже, со всеми «до понедельника» распрощалась и я. Как только за компанией ребят закрылась дверь, я, шумно выдохнув, прислонилась к ней спиной. Нет, голова не болела, я вообще с легкостью переносила алкоголь, да только вот все остальное... Слишком много людей вокруг меня в последний пару дней. Мне. Нужен. Сундук.

Я оттолкнулась от двери и почти бегом понеслась в свою спальню. Подойдя к большому резному сундуку из темного дерева, стоявшему у подножия моей кровати, как в старых фильмах, я с нетерпением открыла его. Там лежали книги. Зачем хранить книги в сундуке, спросите вы? Затем, что никто не станет рыться в множестве книг. Не то время. Засунув руки между боковыми стенками и томиками классиков, я поискала пальцами привычные ленты-петли из мягкой кожи. Зацепившись за них, я потянула их на себя. Вместе с лентами и всем багажом первое дно сундука мягко поплыло наверх, я подняла его на колени и аккуратно переместила на кровать. Вот оно. Мое сокровище.

Один старый фотоальбом, на котором лежали кожаные перчатки. Стопка одинаковых писем, перетянутых резинкой. Личный дневник в кожаном переплете, который я использовала, увы, не для записей о том, сколько я получила «валентинок» или как мне нравится парень за соседней партой. Лекарства. Пустые и полные пузырьки с таблетками. Два подставных телефона для моих подельников поневоле. Было здесь и много, очень много бумаг. Документов, справок, писем, вырезок из газет, судебных постановлений, медицинские карты... И мой любимый, очаровательный Glock 26. Пистолет не из самых маленьких, зато в надежности ему не откажешь. Вода и грязь красавчику не страшны, и вряд ли он меня подведет, если... Если. И ноутбук. На нем было не так много файлов, но каждый — на вес золота. Многое из этого — наследство моего брата Роберта. Спасибо ему.

Я взяла перчатки и надела их на руки. Каждый раз ощущая удовольствие и тепло, исходящее от мягкой кожи. А может, это было предвкушение того, что сейчас я смогу дотронуться до всего этого. Сейчас я снова смогу ненавидеть. Но сначала дела. Я нетерпеливо взяла один из конвертов — обычный белый, без указания отправителя. Только адрес и получатель значились в левом верхнем углу, печатным шрифтом:

Мистеру Джеймсу Рональду Кейну

18, Гранд Стрит

Броудер-Сити

Я взяла одно из стянутых писем, не утруждая себя просматривать его. Это было седьмое отправление — по одному каждый месяц. Можно и привыкнуть. А вот когда я выудила фото из такой же ровной пачки, я замерла. На нем были моя сестра, юная, прекрасная и счастливая и... И Кейн. Моложе чем сейчас, но не слишком. Роберта смотрела в объектив камеры, а мужчина спал рядом с не. Наверное, он не особо хотел фотографироваться, и сестра улучила момент, когда он заснул. Именно это фото каждый месяц получает мэр. Его и

письмо, белоснежный лист бумаги с парой слов, написанных почерком моей сестры: «Помнишь, как я тебя любила, Джейми?». Да, я долго тренировалась, прежде чем вытащить из ее личного дневника каждую букву и сделать их идентичными ее почерку. Ласкательное «Джейми», обведенное в сердце, я тоже взяла именно оттуда.

Запаковывая письмо, я поняла, что начинаю мурлыкать себе под нос какую-то песню.

— Снова открыла ящик Пандоры? То-то я думаю, что ты там поешь. А Саманта поет, когда делает пакости местному дьяволу. — Элизабет, в махровом розовом халате, стояла в дверном проходе, облокотившись на дверной косяк.

— Не называй мэра дьяволом, не за чем так оскорблять владыку Ада.

Лизабет фыркнула от смеха:

— Слушай, а почему ты сама не издаешь дьявольский смех, когда открываешь потайной ящик? Ну, такой: МУХ-ХА-ХА! — Сымитировала злодейский хохот Лиз, касаясь пальцами рук друг другу, на манер Доктора Зло.

— Это не смешно.

— Ага, это МУХ-ХА-ХА-шно. Что у нас в планере, мой Ангел Мщения?

— Завтра день почты. Не хочу, чтобы мистер мэр думал, что мы о нем забыли.

— А я не хочу, чтобы мистер мэр думал, что мы о нем вообще знаем. Но когда тебя вообще интересовали мои желания?

— Не бойся, все будет отлично. — Я запечатал конверт и, отложив его, подцепила дневник, открыв его на планере, улыбнулась. — Уже скоро бал. Мы познакомимся лично.

— Боже, эта твоя книжечка вызывает во мне суеверный ужас... Ты там с точностью до часа все расписала?

Я пожала плечами:

— Я не из тех, кто считает, что «война план покажет». Предпочитаю быть максимально готовой.

— Да уж... А ты уверена, что Кейн-младший тебя пригласит? Ты у нас конечно роковая штучка, но ты его так динамишь...

Я лишь фыркнула.

— Уверена ли я? Поверь, этот Беркут у меня с рук есть будет через неделю.

— Если ты не заиграешься с Дэниэлом. Сэм, я уже говорила тебе, что...

— Брось, Элизабет! Я знаю, что делаю. — Подруга скептически выгнула бровь. — Ох, ну, ладно, у меня рядом с ним были некоторые... Проблемы. Но я со всем разберусь.

Подруга еще секунд десять посверлила меня обвиняющим взглядом, но затем со вздохом прошла в комнату и села рядом со мной на колени.

— Ого, сколько таблеток. Давно я тут не была. Как ты определилась с препаратами? — Ее худенькая ручка уже потянулась к одной из белых бутылочек, но я стукнула ее по ладони. — Ауч, за что?

— Не трогай без перчаток. — Да, в этом деле я чрезмерно мнительная. Я проигнорировала баночки с лекарствами, щедро собранными мной по рецептам личных врачей, которых не составило труда дурить, и потянулась к распечатанной медицинской карте, демонстрируя ее Лизабет. Каждый месяц у меня было свежее медицинское досье на Джеймса Кейна. Боже, храни Америку и то, что она создала электронные базы медицинских карт. А еще, благослови, Брайана, этот хакер всего за 500 долларов достал мне все необходимое без лишних вопросов. А еще говорят, что политиков хорошо охраняют. Впрочем, Брайн — гений. И вполне смог бы взломать Пентагон, если бы ему за это

отслюнявили денег.

Лиз заглянула мне через плечо:

— Ах, точно... Слушай, а у Кейна нет аллергии на что-нибудь? Вот было бы прелестно, если бы во время приема мэра покрылся красными пятнами размером с томаты...

— Нет, эта мразь здорова. Пока что.

— Так если он здоров как бык, к чему заморачиваться? Пошли этой Дане... Даяне... В общем этой женщине коктейль из всех твоих пилюль и транквилизаторов, и...

— Я не хочу, чтобы он умер, Элизабет. Это слишком просто. Я хочу, чтобы он страдал. Чтобы он, черт возьми, сошел с ума. Поэтому, из всех психотропных, я выбрала... — Я порылась в множестве пузырьков и наконец стукнула пальцем по одной из баночек с буквами SSRI. — Избирательные ингибиторы. Если верить медицинским сводкам, около половины людей, принимающих их, имеют кошмарные сны и склонность к суициду... Если нам повезет, а нам повезет, то помимо бессонницы, он уже переживает и рандеву с галлюцинациями. А я думаю, его совесть должна сделать их красочными. Если она вообще есть. И да, ее зовут Дара.

Дара — горничная в доме Кейнов. И мой вам совет, если вы нанимаете персонал, который имеет доступ к вашей еде — будьте добры, вежливы и щедры. Иначе, в лучшем случае, в ваш утренний кофе плюнут. В худшем — подмешают психотропные. Безусловно, не за «спасибо». Например, Дара делает это, в течении почти полугода, за две тысячи долларов в месяц.

Почему же она в это влезла? Так уж случилось, что мы обе недолюбливаем ее начальника, а еще ей надо кормить ребенка от какого-то сбежавшего козла, и мои «чаевые» — отличная поддержка для матери-одиночки. Ну, а может, она просто испугалась за это самое дитя (К слову, он очарователен на том фото из школы, что я сделала и выслала ей.), потому что я тонко намекнула, что будет с ними, если она откажется играть свою роль? Нет, мне не стыдно. И вообще, с ней дела веду не я, а Майкл Ли. Именно на это имя оформлена карта перевода средств и симка, да и программа для смены голоса в телефоне сделала свое дело. Ох уж мне этот технологичный мир — все для криминала, в домашних условиях. Не удивлюсь, если скоро LEGO начнет производить бомбы «Собирать легко» или взрывчатку «Сделай сам».

— А эти куда? — Лизабет опять пыталась запустить свои ручки в ряды пузырьков, за что снова получила по пальцам, окольцованным многокартными брюлликами. Тоже мне, бедная студентка с состоянием на пальцах.

— Эти я заменю сама, в конце. Два месяца назад психотерапевт Кейнов выписал нашему нервному мэру Паксил.

— О, знакомое название!

— Еще бы, я на нем год сидела... Он уменьшает симптомы депрессии и суицидальные мысли. Вообще-то его поголовно выписывают все психотерапевты, так что...

— Так что у тебя все по плану, как я вижу? Мистер мэра уже добрался до врачей и антидепрессантов?

— Именно. И это, — Я потрясала в воздухе баночкой белых пилюль, миссией которых интересовалась подруга. — Кое-что, что очень сильно не понравится Джеймсу Кейну, когда я подменю его бутылёк с Паксилом. Он купит новый в двадцатых числах ноября, в это время я уже буду у них в особняке... Так что сделаю все сама.

Я отложила таблетки до лучших времен и достала пузырек для того, чтобы отправить

его на домашний адрес Дары. Я же говорила, скоро день почты.

Лиз задумчиво покусала губу:

— Ты же понимаешь, что тебе придется ночевать в его доме с Томасом...

— Малая кровь. — Бросила я. И я была искренна как никогда. В постель с врагом, чтобы уничтожить корень зла? Пускай. Мне все равно нечего терять. — А теперь, я хочу посмотреть ролики. Ты со мной?

— Сегодня без поп корна, да? Ну, ладно, я всегда была «за» хорошее кино. — Элизабет облокотилась спиной на сундук и вытянула ноги. Я достала ноутбук. — Проверим вебку с офиса? О, и из «Кингстоун-Холл»!

— Соскучилась по сериалу «Похотливый мэр и места его обитания»? — Хихикнула я, но все же нашла нужную папку. Хотите еще один совет, на случай внезапно свалившейся на вас славы? Не стоит брать один и тот же номер-люкс в одном и том же отеле, если приводите туда любовниц. И офис тоже стоит использовать по назначению, какими бы удобными не были офисный стол... И кожаный диван... И кресла... И... В общем, вы поняли, что у мэра рыльце в пушку, да?

— А то. — Смачно зевнула подруга и потерла покрасневшие глаза. — Сейчас с видео для взрослых такие проблемы, а он меня развлекается за бесплатно.

Нет, мы не смотрели все это, не смотря на сальные шуточки. Я не враг своей психики и выплевывать содержимое желудка тоже не намерена. Но в режиме ускоренной перемотки мы раз в неделю просматривали записи с нескольких вебкамер. Например, камера в шикарном номере отеля «Кингстоун-Холл» (Еще бы, 1200 баксов за номер!) установлена мной лично. Пришлось примерить розовую форму горничной, но это того стоило. Элизабет, увидев меня в розовом хлопковом халате — смеялась часа два. Но и это того стоило. Теперь у меня в запасе есть целая коллекция видео-утех мэра. Можно было бы продать на соответствующий сайт или шантажировать его, но зачем так мелко плавать? Синхронизировать устройства записи с моим ноутбуком помог тот же хакер. Очаровательный парень, ну! Правда он тоже помогал моему альтер-эго — Майклу Ли. А жаль, с таким кадром я бы и лично познакомилась.

Следующий час мы посвятили тому, что молча смотрели в экран монитора. Точнее, это делала я. Лиз, которая не успела доспать свое, в не самой удачной позе, от которой у нее наверняка разболится шея, устроилась на моем плече и заснула.

Улов был небогат, похоже, мэр наконец решил заняться своей основной деятельностью — управлением города, а измены жене оставил на лучшие времена. Только вот светлого будущего у него не предвидится.

Поправив голову Лиз на моем плече, я перешла на видео, подкрепляющие меня в тяжелые времена. Кто-то в момент депрессии смотрит молодежные комедии или читает цепляющие до розовых соплей романы. А я смотрю то, что кропотливо насобираала сама.

«Джеймс Кейн снова избран мэром Бродер-Сити, абсолютным числом голосов...»

«Ежегодный Бал Мэра — вот событие, которого мы все ждали. Я виду прямой репортаж и с уверенностью могу сказать — здесь собрались все сливки общества. Томас Кейн, сын Джеймса и Лаванды Кейн, и солист группы «Шторм» обещал выступить в честь этого мероприятия и ходят слухи, что...»

Видео сменялись одно за другим, а я, казалось, вовсе не мигая, внимательно следила за сменой кадров. Когда-нибудь, да нет... Уже очень скоро в новостях покажут его падение.

«Глава Броудер-Сити, Джеймс Рональд Кейн, в очередной раз поразил жителей города своим милосердием. В это Рождество малютки каждого, повторюсь, каждого из дома для сирот получили по долгожданном подарку от Санта-Клауса! Да только они не знают, что их главный Санта — наш мэр!»

Я нажала на паузу и прикрыла глаза. Эта, казалось бы, совершенно обычная сводка новостей, которая наверняка вызывала у местных жителей слезы умиления, заставляла мою голову кружиться от воспоминаний. На каждое Рождество мама вешала на камин огромные ярко-красные носки для подарков с изображением животных. У Роба и Роберты это были олень и лань, а мне достался зайчонок, сшитый белыми нитками. Все из-за Роба, мое прозвище «Зайчишка-Сэми» полюбилось каждому из членов семьи. И с лет пяти я стала получать зайцев от каждого из родственников. Утром наши носки были наполнены конфетами и подарками. Но это не все, самое удивительное делал наш отец, создавая рождественское чудо. Он высыпал из дымохода золу и пепел прямо на пол и ковер, и оставлял в них следы своих ног. Когда мы просыпались, он торжественно показывал нам их: «Смотрите, дети, Санта приходил!».. Скорее, проверяйте елку! И мы в предвкушении бежали к нарядному дереву, чтобы узнать, что же принес нам этот добрый старичок... Позже, Роб и Роберта выросли из этой сказки, но все равно всегда радовались чуду вместе со мной.

Я открыла глаза и снова посмотрела на горящий экран ноутбука. С него улыбался **ОН**. Чертов ублюдок, который **«любит детей»**.

Я кликнула на крестик в правом верхнем углу и нашла папку: «Роберта». Нажав на один из видеофайлов, я привычно задержала дыхание. Помехи, тонкая рука с множеством браслетов, полумрак комнаты и, лишь затем — выхваченное из темноты бледное лицо моей сестры. Я смотрела это видео миллионы и миллионы раз, но каждый раз в горле встает ком. Как хорошо, что я разучилась плакать.

«Привет, Роб. Знаю, ты возненавидишь меня. Но ничего с этим поделать не могу. Я не прошу тебя простить меня, но я прошу тебя не искать беды для себя и нашей семьи. Оказалось, что я очень слабая. Но ты же у нас сильный? Позаботься о Зайчишке-Сэми и о родителях. И, пожалуйста, каждый день говори им, как сильно я их люблю. Прощай, братик. Поцелуй Сэми в ее милый носик».

Все. На этом видео обрывалось. Коротко. Очень, ужасно, отвратительно, невыносимо, коротко. Это все что могла сказать моя сестра, прежде чем расстаться с жизнью, наглотаившись таблеток.

Я отчетливо вижу ваши вопросы:

Отчего она так сделала? Ведь нет достойной причины, чтобы совершить самоубийство, верно?

Как она могла? Ведь она так нас всех любила!

А вспомните себя в возрасте 16–17 лет, наверняка вы встретили первую осознанную любовь? Нет? Ну, ничего не потеряли. А вот моя сестра встретила. Встретила и поплатилась

за это жизнью. Даже двумя жизнями. Ведь так сложилось, что она полюбила мужчину, гораздо старше себя. Мужчину, который легко вскружил голову маленькой, несовершеннолетней девчонке. Мужчину, который затащил ее в постель и сделал ей ребенка. Ребенка, который не был ему нужен, как и она сама. И нет, я не оправдываю ее поступок. Но сделанного не вернешь. Не вернешь из мира мертвых и мою сестру. Я знаю только одно, в последние дни жизни, за маской моей сестры была маленькая, раздавленная, испуганная, опозоренная девушка. Которая запуталась и выбрала самый легкий путь. Я не знала такую Роберту. Я знала энергичную, прекрасную, веселую и самоуверенную старшую сестру. И он все это у меня забрал. Он забрал не только ее, он растоптал мою жизнь, изменив каждого члена моей семьи, а сам вышел сухим из воды. Чистым, незапятнанным. И он забрал следы Санта-Клауса на золе. И даже тысячи подарков для детей в Рождество не искупят его грех передо мной. Я уничтожу Джеймса Кейна. Я сделаю это.

*Первая песня, играющая в машине, I Wanna Be Yours, британской рок-группы Arctic Monkeys.

*Алекс Тернер — солист Arctic Monkeys.

*Песня, которую Сэм и Поэт поют: R U Mine? группы Arctic Monkeys.

*В доме играет Spankers — Sex On The Beach (Paolo Ortelli vs Degree edit).

*Cluedo — всемирноизвестная настольная игра-детектив для 3–6 человек. Ее суть — расследовать убийство. Даются варианты поля (с местами для преступления), а также орудия и подозреваемые.

*III — Правильное питание.

Глава 6. Спорим?

Глава 6. Спорим?

Саманта

И снова понедельник. И снова она — величественная «stART». Только теперь я здесь не одна, а вместе с подругой, что не может не радовать. И да, мы обе в форме. Только вот «заточенной» специально под нас. Например, у Лиз, помимо волос, выкрашенных теперь, с моей легкой руки, в ярко-розовый, на вороте школьного пиджака были многочисленные значки всех оттенков розового: от маленьких капкейков и рожков с мороженым, до помады с глазами. Не спрашивайте... Как по мне, так по этим значкам можно смело ставить диагноз. На ногах у Лиз были белые гольфы с розовыми полосками. На руках — розовые браслеты.

Ворот же моего пиджачка украшали ровно посаженные металлические заклепки. На плечах — шипы, не острые, но достаточно символические, чтобы никто не захотел класть руку на них. Ненавижу телесные контакты. На левую руку я надела кожаную перчатку. Правая пустовала — не люблю, когда что-то мешает. Да, я много чего не люблю. Такой вот хейтер в юбке. К слову о юбке, на ней расположился пояс в три удлиненные и тонкие кожаные полоски, свисающие на левом бедре. Черные туфли и черные гольфы. Надеюсь, Дореми не будет сильно ругаться, мы же все-таки в форме.

— Двигай гольфами быстрее, я хочу еще заскочить в столовую. — Проворчала я, заходя в академию вместе с подругой.

— Если бы ты не надумала избегать Поэта, мы бы доехали на машине. — Сделала выпад подруга.

— Если бы ты не делала укладку как на модный показ — мы бы вышли раньше. — Парировала я.

— Если бы ты не «подарила» свою тачку Стиву, мы бы... Ох. — Лизабет остановилась, уставившись перед собой. Я тоже притормозила и проследила за взглядом подруги. Он был прикован к группе парней из четырех человек. В центре стоял относительно худоватый, очень даже бледный парень с черными вьющимися волосами. Он был вполне себе красив.

— И... Это? — Спросила я непонимающе.

— Тот. С вечеринки. Джош. — Пробормотала подруга.

— Ах вот оно что. — Кровь прилила к моим щекам, но, поверьте, не от смущения.

— Саманта, стой, ты куда!

— Поздороваться. — Прощедила я сквозь зубы. В пару шагов дойдя до парней, я подскочила прямо к этой Белоснежке внешненеженского пола. Он перестал ржать как конь над очередной пацанской шуткой, и с нескрываемым интересом посмотрел на меня. Точнее так: осмотрел с ног до головы, оставив после своего взгляда невыносимое желание вымыться или хотя бы почесаться.

Вся компания замолчала. Я растянула губы в доброжелательной улыбке:

— Ты же Джошуа? Привет. — Протянула я парню руку для пожатия. Тот посмотрел сначала на своих друзей, тем особенным пацанским взглядом, говорящем: «Видите? Все

хотят меня!»), и лишь затем снова перевел сальный взгляд на меня.

— Именно, куколка. Но для тебя я — Джоши. — Парень поиграл бровями и с готовностью протянул мне свою клешню. Я, все также улыбаясь, даже чуть склонив голову набок для пушного проявления беззаботности и радушия, резко убрала свою ладонь и наотмашь врезала по его холеному фарфоровому лицу тыльной стороной ладони. Ну вот, наконец его кожа не такая бледная, красный ему больше подходит.

Парень еще не успел прийти в себя и в шоке взирал на меня сверху вниз, все также с протянутой рукой. Как на паперти, честное слово. У кого есть копеечка? Парень на мозги собирает.

Я воспользовалась замешательством и схватила его за фирменный галстук, сильно сжав, чтобы по возможности перекрыть свободный доступ кислорода, и резко потянув на себя, прошипела прямо в лицо:

— Послушай сюда, «Джоши», держи свои руки при себе, а член в штанах, если не хочешь, чтобы я тебя кастрировала. В следующий раз, если ты захочешь присунуть кому-нибудь на вечеринке, убедись, что это взаимно, иначе будешь разговаривать с копами. Или снова со мной. И поверь, второй наш диалог тебе ни хрена не понравится. А увижу тебя в радиусе менее десяти метров от Элизабет, то и разговор не будет, сразу во дворе под липами закапаю. Усек?

Точку я поставила резким ударом колена в пах. Развернувшись, я чинно удалилась, оставив после себя хохот друзей «Джоши» и его шипение, в котором было мало литературных выражений. Но кого это цепляет?

Моя подруга ждала на том же месте, где я ее оставила и, притянув к себе, обняла.

— Господи, Сэми, как же я люблю тебя.

— Да ты знаешь, мне это даже понравилось. Это бодрит! — Я благородно позволила себя потискать и, отстранившись, с удовольствием потянулась на носках, разминаясь. Я не шутила. Так уж сложилось, что мне необходим хоть какой-то заряд бодрости в жизни. Ну там, разбить окно или чей-то нос. В общем, некий довольно-таки низменный выброс адреналина. Без этого я просто теряла ощущение того, что живу. Странно? Возможно. Но факт остается фактом: прямо сейчас мое утро началось с хорошего удара, и это несказанно подняло мне настроение. Да и альтернатива у меня не велика: либо это, либо таблетки. А таблетки я не люблю.

— Я знаю тебя уже миллион лет, но каждый раз восхищаюсь твоей неадекватности. И как я с тобой сошлась на свою голову? — Сокрушалась розоволосая.

— Ой, да тебе просто повезло. — Убедила я подругу, благосклонно махнув рукой.

— Внимание учащиеся, просьба всех собраться в актовом зале после первого урока. Повторяю...

Монотонный голос директрисы разнесся по коридорам академии. Мы с Лиз переглянулись и, синхронно пожав плечами, пошли в класс. Первый урок прошел и... И слава Богу. Ну не любила я химию.

Когда мы с подругой добрались до актового зала, там волшебным образом уже оказалась большая часть академии.

— Эй, Хэйс! ХЭЙС!

Лизабет больно ткнула меня в бок острым локтем, заставив зашипеть на нее:

— Ты чего?!

Подруга расширила глаза и кивнула куда-то. Там, в ряду эдак десятом, сидели Староста, Ведьма, Поэт и Кот. Именно последний активно орудовал своими огромными руками, привлекая мое внимание и отчаянно выкрикивая мою фамилию. Я помахала в ответ и двинулась по проходу к ним, заметив, что ребята заняли и на нашу долю два местечка.

— Когда-нибудь ты, блин, спалишься. — Пробормотала недовольная Лиз. Я обернулась и послала ей через плечо самую виноватую из моего запаса улыбок. Розоволосая лишь закатила глаза. Я этого не видела, но знала.

Едва мы успели занять на зарезервированные под наши филейные части места, как присутствующих в зале оглушил характерный треск микрофона, заставив всех поморщиться. Лишь после издевательства над барабанными перепонками злобное устройство разнесло по актовому залу голос мисс Дореми:

— Дорогие учащиеся!

— Кто сказал, что мы дорогие? На меня, может, скидка. 50 % от цены. Хэйс, не желаешь? — Не преминул прокомментировать вступление директора Кот.

— Нет, красавчик, меня интересует только эксклюзивный товар, а не уценка. — Показала я парню язык.

— Шшш, ну что вы, в самом деле... — Китти оправдывала свое звание Старосты, шикнув на нас. Мы с Мэтом лишь переглянулись, издав по смешку в кулаки, как нашкодившие дети.

Лиз наклонилась к моему уху и тихо прошептала:

— Не узнаю тебя, Сэм, ты в последнее время похожа на обычного подростка, а не босса мафии.

— Ой, иди ты.

— Только с тобой.

— Ясное дело.

Китти снова посмотрела на нас, я пожала плечами и, кинув взгляд на ее соседа, Поэта, поняла, что мне невыносимо хочется занять ее место. Очевидно, идея держаться от парня подальше дает какие-то отрицательные результаты. А он сегодня красивый. И профиль у него такой мужественный... Как у античной статуи. Интересно, если подойти к кружку лепки, и попросить сделать мне на память бюстик Дэниэла Маккарти со второго курса, через сколько минут за мной выедут из ближайшего отделения психиатрии?

Зал взорвался аплодисментами. Не моей шутке, конечно, очевидно, мисс Дореми сказала что-то важное, или поучительное, или важно-поучительное. Учителя это жуть как любят. Я присоединилась к ученическим овациям, не вникая в суть происходящего. В конце — концов всегда можно получить упрощенную версию от Элизабет. Или усложненную от Старосты.

Я поняла, что, размышляя, все еще смотрю на профиль Дэниэла. Только вот он уже сидит не в профиль, а в анфас. Свободно откинувшись на спинку стула, он с полуулыбкой смотрит прямо на меня, склонив голову набок.

— Святые рогалики... — Пробормотала я, молниеносно отворачиваясь к сцене.

— Что? — Непонимающе спросила розоволосая, я лишь покачала головой, губами произнеся: «Потом». Ну, все, лимит позора на сегодня исчерпан, можно и на директора посмотреть.

— ...И этот год не стал исключением. Через две недели состоится осенний отчетный

концерт академии stART — «Золото», на который приедут самые влиятельные люди современного мира индустрии культуры и все, равнодушные к миру искусства. Так что не упускайте этот шанс показать себя! Возможно, именно этот концерт поможет кому-то из вас раскрыться по-новому, так как нами избран другой подход к мероприятию. Подробности вам расскажут классные руководители. Всем отличных занятий и удачи в подготовке! Обратный отсчет до «Золота» дан!

И снова они — аплодисменты.

— Счастливых вам, голодных игр! — Сымитировал голос директора Питер. — И пусть удача всегда будет на вашей стороне!

Мы засмеялись.

— Что, все так серьезно? — Спросила я уже в коридоре, на пути в класс.

— Ну, «Золото» — это действительно нечто уникальное. Попасть туда удастся не всем, а если все же попасть и не налажать — считай успех у тебя в кармане.

— Не знаю как вы, а я и пытаться не собираюсь. — Подал голос Поэт.

— Почему? — Это был наш первый с ним диалог после инцидента с полотенцем. Вроде, потолок не обрушился.

— Ну, например...

— Например, потому что монологами Гамлета там никого не удивишь. Прости, Поэт. И привет, Шот. — Рядом с нами нарисовалась компания Беркута и сам он во главе. Именно он ответил на мой вопрос, оттеснив плечом Даниэла и идя рядом со мной.

Парень ленивым жестом закинул руку мне на плечи, очевидно, шипы на пиджаке не убедили его в моей антипатии к объятиям. Более того, он большим пальцем погладил по одному из них, проверяя его остроту и мое терпение. Я нервно дернула правым плечом и скинула его наглые ручонки. Беркут понял намек и засунул свои руки в карманы брюк. Вот и отлично, там их и держи, подальше от меня и моих бойцовских навыков.

Я остановилась у двери в класс и развернулась к нему лицом:

— А попсовыми песенками, значит, удивить можно? Или твой папочка платит им, чтобы они разыгрывали восхищение?

По коридору пронеслось протяжное «О-о-о», а я прикусила язык. Не перегнула ли я палку? Да, моя тактика поведения с этим парнем была прозрачна и банальна: показать, что он один может меня приручить, укротить. Разыграть карту непокорности, пусть он думает, что сам добился меня. Но совсем уж делать из себя быдло я не намерена. Кто виноват, что его отец вызывает во мне рвотный рефлекс и желание убивать?

Надо отдать Томасу должное, он не растерялся, а лишь улыбнулся мне задорной улыбкой. Не той улыбкой «я знаю, ты меня хочешь», а улыбкой, на которую я бы могла ответить, если бы все во мне не вопило выбить из этого оскала идеально-белые зубы.

— Ты меня недооцениваешь. Ты хоть пару песен «Шторма» слышала?

Вообще-то да, когда собирала на тебя подноготную. Но вот тебе, парень, я об этом не скажу:

— Увы и ах. Очевидно, Бог бережет меня и мои уши за то, что я по воскресениям хожу в церковь.

— Так ты у нас, значит, еще и праведная девочка?

— А то по мне невидно.

Парень с сомнением оценил мой наряд с кожаными аксессуарами, но все же оспаривать моя заявление не стал:

— Я люблю хороших девочек.

— Круто, можно я умру от счастья прямо сейчас? Или нет, давай отложим, у меня урок.

— Еще и умница! Кажется, я почти влюблен!

— Это невзаимно. — Хмыкнула я и, отвернувшись от него, направилась в класс.

— Эй, спорим, тебе понравится моя музыка! — Крикнул парень мне вслед.

Я обернулась и, усмехнувшись, выудила из под рубашки крестик. Поцеловав распятие, я показала его парню:

— Я еще долго не услышу твою музыку. Сказала же: Бог меня бережет!

Кейн снова улыбнулся озорной улыбкой, от которой наверняка таяли все девушки от 12 до 25 лет. Его зеленые глаза слегка прищурились:

— Услышишь, и очень скоро!

Я подняла руки вверх в жесте «сдаюсь»:

— Окей, спорим. Если мне не понравится — ты отстанешь от меня?

Кейн задумчиво посмотрел на меня:

— Ну... Договорились. Но если понравится, ты пойдешь со мной на свидание.

Все в классе, а также та толпа, что хвостом пришла из актового зала за Беркутом, как крысята за Гансом из сказки, возбужденно зашептала. Иногда у меня создается впечатление, что я героиня ситкома, но от меня прячут людей с табличками: «Смех», «Трагический вздох», «Перешептывание» и прочие канонные реакции зрителей.

Я оглядела людей вокруг. Не потому, что меня волновали свидетели, наоборот, это лишь на руку. Просто, пусть думает, что я озадачена. Я снова посмотрела на парня, а затем медленно кивнула:

— Хорошо. Только ты не плачь потом, ведь кто виноват, что у тебя это размером с Эверест?

Томас хлопнул в ладоши и потер их друг о дружку:

— Не бойся, Шот, мы оба не будем разочарованы. Я пойду, подготовлю план для нашего свидания! — Сказал парень, уже уходя от меня спиной вперед.

Я фыркнула:

— А я подготовлю беруши!

Беркут подмигнул мне и растворился в толпе учеников. Не успела я продохнуть, как на его место явился мистер Оливер. Входя, он хлопнул в ладоши, почти как Беркут:

— Итак, ребята! Рассаживаемся. Нам надо все успеть.

Я заняла свое место, заметив, что Поэт уже давно сидит за своим и смотрит в какую-то книгу. Черт, он же слышал наш разговор с Томасом... Как и весь класс... Так почему же взгляды одноклассников меня совершенно не коробят, а то, что он явно не хочет смотреть на меня — сводит с ума? Нет, права Элизабет. Он — помеха в моем плане. Зато Питер смотрел на меня явно осуждающе. Только этого мне сейчас не хватало. Я кинула быстрый взгляд на заднюю парту в левом ряду, куда посадили Элизабет, но та благоговейно уставилась на нашего классного руководителя, чинно сложив перед собой ручки на столе. Я тоже, наконец, удостоила профессора вниманием.

— Вы все были на собрании и слышали объявление. Хочу еще раз подчеркнуть, как важно это мероприятия не только для академии, но и для каждого из вас! Обычно, только один-два человека из класса смогут попасть на сцену в этот вечер. И я надеюсь, что в нашем классе их будет больше! А теперь к новым правилам. Мы с руководством решили, что пора вам принять мысль, что не каждый из вас станет звездой в выбранной специальности.

Класс загалдел, отрицая его слова нестройным протестующим бормотанием. Я зевнула и, достав из рюкзака тетради и гелиевую ручку, принялась выводить на полях бессмысленные узоры.

— Я не говорю, что вы станете никем. Я говорю, что вы можете захотеть пойти по иному пути. Если вы не станете актером, вы сможете стать режиссером или сценаристом. Не сложится с карьерой вокалиста? Может, вы станете танцором. Или даже гримером или стилистом. Эти профессии тоже часто становятся побочными, но не менее любимыми. Задача академии в том, чтобы вы нашли себя. И в этом году у каждого будет такой шанс, мы даем вам возможность побыть менеджерами звезд.

— В смысле? — Подал голос светловолосый парень с первой парты от двери. Кажется, Барри.

— Все просто: вы выбираете себе протее и создаете его образ. Полностью. На вас ложится ответственность за то, что он будет делать на сцене, как он будет это делать, во что он будет одет и даже какое у него настроение.

— А какой толк в этом нам, если не будет шанса показать себя? — Оп, а это уже местная красавица голос подала. Ну да, тебе только себя и показывать, желательно — исключительно грудь, талантов то: ноль на массу.

— Еще раз говорю, это дело добровольное, для тех, кто хочет попробовать себя в этой сфере. Но работу менеджеров отметят, и отметят хорошо. Вы ведь знаете, что помимо медийных личностей, в зале присутствуют и те, кто обычно остается за кулисами, но имеют очень большое влияние.

Класс опять дружно зашушукался. Черт возьми, где эта неоновая табличка, управляющая их массовым поведением?!

— Мистер Оливер! — Я оторвалась от четвертого, по счету, тетрадного поля, и посмотрела на подругу. Та подняла руку, чтобы задать вопрос. Кто бы знал, что Лиз — такая хорошая девочка! Я еле сдержала смешок, но на стуле повернулась, чтобы удобнее было взирать на розоволосую.

— Да, Элизабет. Ох, я совсем про тебя забыл, ты представилась классу? Ребята, это Элизабет Стоун!

Девушка кротко улыбнулась, опустив пушистые ресницы. На класс — ноль внимания. Взгляд сосредоточен на учителе. Смех сдерживать стало все сложнее.

— У меня другой вопрос: как проходит отбор на этот концерт? Мы с Самантой в первые услышали о нем и в этом плане очень... **Неопытные...**

Я закашлялась. Никогда меня не называли «неопытной» с таким придыханием. Погодите, она серьезно приплела меня в свои завуалированные заигрывания с учителем перед всем классом? Ну, Элизабет Стоун...

— Ох, точно, ты права. Сначала жюри выбирают артистов. В жюри входят все члены педагогического состава школы и некоторые спонсоры. Отбор проходит неделю. После этого, 24 человека, лучшие из лучших, выступают на «Золоте». Может вы не знаете, но для нашего города — это большое событие. — Учитель расплылся в улыбке, Лизабет ее моментально отзеркалила.

Мистер Оливер, до этого ходивший вдоль доски, наконец остановился в центре учительского стола и оперся на него кулаками:

— Итак, у вас есть время до конца недели, чтобы решить, будете ли вы участвовать и подать заявку. И, конечно, если среди вас есть желающие стать менеджерами — подойдите

ко мне. Помните, что для этого необходимо согласие обеих сторон и... Да, Саманта?

Весь класс как на шарнирах повернулся ко мне. Чего это они? Ах да, я же тяну руку, чтобы задать вопрос, который может стать для меня фатальной ошибкой.

— Я могу стать менеджером кого угодно? — Это не тот вопрос.

— Да, но только из своего потока.

— Тогда я могу сейчас изъявить желание это сделать? — И это пока что не тот вопрос.

Оливер Твист удивленно похлопал ресницами, но все же позволительно махнул рукой:

— Безусловно, если ты готова...

Я обернулась на стуле и посмотрела на сзади сидящего брюнета. Дэниэл, удивленный не меньше, чем наш преподаватель, чуть отодвинулся.

— Дэниэл, я могу стать твоим менеджером? — Да, это именно тот вопрос, которым я закопаю себя в могилу.

Парень явно опешил:

— Что?

— Я хочу стать твоим менеджером на этом концерте. Позволишь? — Терпеливо повторила я, а затем с улыбкой добавила: — Доверься мне.

Дэниэл посмотрел на Питера, будто ища поддержку, но, не найдя никакой реакции, снова посмотрел на меня:

— Ну... Хорошо?

— Отлично! Первый дуэт сформировался! Маккартни и Хэйс, я лично внесу вас в список. Саманта — умница, только приехала и сразу грудью на амбразуру, уважаю! — Мистер Оливер был полон энтузиазма.

Я, все еще сидя спиной к нему и лицом к Поэту, улыбнулась парню уголком рта и, сказав одними губами: «Спасибо», повернулась к восхваляющему мою смелость учителю. Что в поступке было самоотверженного — понятия не имею. Но радовался он так, будто за каждую пару «менеджер-протезе» им выписывают премию со стройными рядами нулей.

— Мистер Оливер. — Ох, этот сладенький голосочек моей подруги. — Я бы тоже хотела попросить у Питера быть его менеджером, пожалуйста.

Бедный Ведьма резко обернулся на розоволосую девушку, широко раскрыв голубые глаза.

— Чего?!

Ох, этот семестр будет очень интересным.

— Ты не имела никакого морального права так меня подставлять!

— Я тебя не подставляла, а оказала дружескую услугу.

— Когда мы успели стать друзьями?!

— Мы ночевали вместе!

— То что я в бессознательном состоянии заснул на полу твоего дома, а потом из-за врезавшихся в задницу фигурок «Монополии» перебрался в кресло — не значит, что мы стали друзьями навеки.

— Боже, какой ты скучный!

— Ладно, забудь о дружбе. Но ты не находишь, что обычно люди обсуждают что-то,

прежде чем предложить это перед всем классом! Или там, откуда вы приехали, так не делают?

— Так и отказался бы от моего предложения, чего ты теперь ноешь?

— Ох, да, чтобы ты и Шот сожрали меня с потрохами?

— Подавимся. И вообще, я жирное не ем.

— Это я то жирный?!

Рыжий и Розоволосая — два ярких пятна моей жизни, ссорились, начиная с перерыва после классного часа, и продолжали до сих пор. Вот и сейчас они завели шарманку, начиная аккуратно со звонка, объявляющего о начале большой перемены. Мы успели дойти до столовой, когда столпотворение внутри заставило их прерваться.

— Чего это там? — Спросил Питер.

— Может, раздают бесплатную пиццу? — Предположила я, глядя на внушительное скопление людей.

— Тогда давайте пустим Шот вперед и она своим брутальным видом проложит нам путь к халявной еде... — Предложил вечноголодный Ведьма. Я засмеялась и ткнула его локтем в ребра. — Ауч, у вас с Поэтом есть дурная привычка — бить меня.

Я лишь показала парню язык.

— Раз, раз. Проба горла, проверка связи. — Голос, усиленный микрофоном, разнесся по огромной площади столовой, а в след за ним и многократно усиленный мужской смех. — Эй, академия stART, вы здесь?!

Ученики, пришедшие сюда за хлебом, а получившее зрелище — возбужденно загалдели.

— С вами «Шторм»! И мы раскачаем это место!

Одобрительное гудение и гул толпы, преимущественно визги девчонок, заставило меня поморщиться. Особо рьяная фанатка группы справа от меня вцепилась в мою руку в каком-то подростковом экстазе, но, заметив, кого она схватила, отшатнулась. А я даже зубами не клацнула.

Наконец мы смогли пройти до места, открывавшего обзор на происходящее. Похоже, если мы потратили три академических часа на учебу, Томас Кейн умудрился посвятить это время преобразованию столовой в концертный зал. Прямо сейчас, рядом с окном находилась импровизированная сцена, на которой стояли четыре парня. Мощный детина, выглядевший самым старшим и обладающий длинными, завязанными в хвост волосами, приветливо улыбался из-за барабанной установки. Рядом с ним настраивал свою бас-гитару очаровательный голубоглазый парень, с кудрявыми волосами, которому от силы можно было дать лет 15. За клавишами стоял худощавый темноглазый брюнет, одетый в классику. И, конечно, сам Томас Кейн — перед микрофоном. С беззаботной, игривой улыбкой и ярко-красной гитарой на ремне. В одной школьной рубашке навыпуск, с закатанными рукавами и развязанным галстуком. Вся группа «Шторм» в сборе.

— И сегодня у нас особый день. Вы услышите нашу новую песню, которую мы закончили лишь вчера. — Учащиеся впали в неистовство от этой новости. Еще бы, услышать трек самой популярной группы, возглавляющей все хит-парады, задолго до основного релиза? Нонсенс в мире шоу-бизнеса. Самые шустрые ребята начали доставать мобильники — сразу видно будущих пиратов.

Кейн поднял обе руки вверх, ладонями к толпе, внимательно окидывая взглядом присутствующих, явно выискивая своими ярко-зелеными глазами кого-то определенного. Уж не рабу ли вашу?

— Тише-тише! У нас одно условие! Мы не начнем... — Парень со второй гитарой подошел и сказал что-то на ухо Кейну, тот кивнул и продолжил. — Мы не сможем начать, пока главный слушатель не будет стоять здесь.

Беркут показал на место перед собой. Его глаза прищурились, парень явно наслаждался происходящим. Он провел рукой по грифу гитары, отчего жилы и вены на руках парня заиграли как струны на музыкальном инструменте. Он был очень красив, глупо этого не признавать. Парень снова наклонился к микрофону, почти касаясь его губами:

— И хочу сказать, что без этой девушки песня была бы не полной, ведь именно ее появление в нашей Академии и моей жизни дало мне возможность написать эту песню. Давайте позовем мою музу — Саманту Хэйс! — Парень безошибочно протянул свою руку в сторону, в которой находилась я и мои друзья. Он повернулся и с улыбкой посмотрел мне в глаза. Кажется, я даже заприметила вызов в выражении его лица. Он что, берет меня на слабо? — Давай же, Шот, люди ждут только тебя. Ты сегодня — главный критик.

Я, не смотря по сторонам, все равно, кроме помеси зависти одних, и странного благоговения других, будто я Иисус ступающий по воде, а не девушка, которую позвал солист подросткового бойс-бэнда к сцене, я ничего там не увижу. Я смотрела на Кейна и пыталась напомнить себе, что мне надо ненавидеть этого смешного и невероятно обаятельного парня. Толпа расступалась передо мной, еще секунда и я начну манерно махать рукой, как обычно приветствует подданных королева Великобритании.

Я добралась до группы, все четыре парня (О чем это я? Вся Акажемия!) смотрели на меня. Скрестив руки на груди, я кивнула Беркуту:

— Зачем столько пафоса? Мог дать мне послушать компакт-диск. В современном мире живем, знаешь.

Парень прошел ко мне и, спрыгнув с созданного ими низкого помоста, протянул руку, убирая мне за ухо прядь волос. Его лицо озарила счастливая улыбка, глаза будто горели изнутри, как будто он чертовски рад тем, что затеял все это представление.

— Просто я очень... Очень... Очень хочу выиграть наш спорт, Шот. Мне показалось, что так у песни больше шансов тебе понравится.

Я не смогла сдержать тени улыбки, впрочем, он уже заслужил подачку.

— Ну что ж, я здесь, можете начинать. А то все из-за вас обед пропускают. — Я все-таки не выдержала и по-царски махнула рукой, дав группе отмашку. Он снова задорно улыбнулась и, неожиданно перехватив мою руку, оставил на тыльной стороне ладони короткий поцелуй. Прежде чем я успела возмутиться, он уже вскочил на сцену и крикнул в микрофон:

— Вы готовы?! — О да, толпа была в полной боевой готовности. — Новая песня группы «Шторм» — «Совсем ничего», для всех вас и лично для Саманты Хэйс!

Парень подмигнул мне и сначала зал заполнили звуки клавишных, мгновение раскочки и к синтезатору присоединились ударные, а затем парни прикоснулись к своим гитарами и... И я поняла, почему все девушки мира сходят с ума по Томасу Кейну.

Она красивая девушка. Она такая одна.

Никому не раскрывает свои карты.

Она отлично с этим справляется.

Невероятная любовница, закрывшая сердце.

Каждым вздохом она играет свою роль.*

Голос парня был невероятно сексуальным. Слова песни мгновенно запали мне в душу, то ли от проникновенной музыки, то ли от исполнения Томаса, а может и от текста. Но вот начался припев, и парень закричал в микрофон, отчего на его шее стали отчетливо видны мышцы. Его крик настолько вписался в композицию и был таким потрясающим, что мое дыхание на секунду сбилось, глаза невольно расширились, губы приоткрылись и вообще тело стало жить своей жизнью, ведомое его голосом. Ему помогал второй гитарист, за юным личиком которого скрывался не дюжий вокал.

Нет, я ничего не чувствую, я ничего не чувствую. Совсем ничего.

Был так слеп, что не замечал, что ты делала со мной, просто оцепенел от твоей любви.

А затем, будто не было этого взрыва эмоций, он снова зашептал свою песню, будто не в микрофон, а мне на ушко, как любовник... Его руки бегали по грифу гитары, перебирая струны. Люди вокруг меня буквально сошли с ума, я не удивлюсь, если ученицы начнут скидывать с себя одежды или кидать нижнее белье на сцену. В доказательство моей теории, какая-то миниатюрная рыженькая девушка крикнула мне на ухо:

— Господи, это фантастика! Они умопомрачительны! Как я тебе завидую!

Я никак не отреагировала на этот всплеск фанатских эмоций, но была согласна с каждым ее словом. Они были шикарны.

Я уже не тот парень, каким был раньше.

Точка невозврата тобой уже пройдена.

Дурачила меня, лживая притворщица,

Как плотоядный цветок, заманивающий мух.

На секунду, поймав его пристальный взгляд, и внимательно вслушиваясь в каждое слово солиста, мне стало страшно. Создалось впечатление, будто он знает, какую роль я отвела ему на своем шахматном поле. Но он не может знать, он не может даже догадываться. Но чувствовать? Чувствовать может. Даже сам того не осознавая.

Детка, милая, благодаря тебе,

Подарок, который ты подарила мне, показал всему миру, во что ты меня превратила.

Пилюля, которую я проглотил, не была сильно горькой.

Ты сломала меня, но я выстоял.

Я еще не занималась любовью, но, знаете, думаю, что если бы мне пришлось давать определение голосу этого парня, я бы назвала его чистым сексом. Бархат его голоса идеально переплетался с музыкой, создаваемой его пальцами, руками и чувствами.

Нет, я ничего не чувствую, я ничего не чувствую. Совсем ничего.

Был так слеп, что не замечал, что ты делала со мной, просто оцепенел от твоей

любви.

Последние аккорды песни, последний эмоциональный крик солиста, последнее слово и взгляд на меня. Зрители так рьяно захлопали и засвистели, что я искренне удивилась, что никто не вызвал копов или, хотя бы, учителей. Очевидно, концерт был санкционирован с высшим эшелонem власти. Не удивительно, если учесть, что Джеймс Кейн, отец Томаса, отгрохал в Академии компьютерный класс. Не спрашивайте, откуда мне это известно.

Томас, с сексуальной улыбкой плохиша-рокера, снял с себя гитару и, оперев ее о колонку, снова прыгнул к простым смертным. Игнорируя вспышки телефонных камер и девушек, выкрикивающих его имя с различной степенью придыхания, он снова подошел ко мне. Парень встал почти вплотную, и мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним глазами.

— Ну и каков вердикт третейского суда?

Песня была прекрасна. Но... Ему этого знать не обязательно.

— Томас...

-Да?

-У тебя такой сладкий голос... - Я, в свою очередь, тоже наклонилась к нему ближе. - Только вот я ненавижу сладкое. От него зубы сводит.

Он откинул голову и заливисто рассмеялся, потеряв шею:

— Черт возьми, Саманта! Неужели тебе не понравилось?

— Этого я не говорила.

— Так значит...

— Значит, что?

Парень откашлялся и, с полагающейся торжественностью, спросил:

— Шот, ты пойдешь со мной на свидание?

Кажется, этот вопрос заставил людей вокруг нас замереть. Парень за барабанной установкой стал выбивать барабанную очередь, как будто мы находились на реалити-шоу. «И что же ответит главная героиня?».

Откуда им знать, что весь сценарий этого цирка уже давно прописан в моем «личном дневнике», и за кожаным переплетом скрываются все реакции Томаса. И, что приятно, пока что парень действует точно по написанному. Молодец, актер.

Я все еще держала руки скрещенными, но теперь сменила позу, чуть отстранившись от Кейна. Потерев большим и указательным пальцем подбородок, я прошлась глубокомысленным взглядом по лицу, а затем и фигуре парня, будто оценивая товар целиком, сверху донизу. Затем я усмехнулась и, встав на цыпочки, наклонилась к его уху и прошептала, не желая кормить жадных до сплетен слушателей:

— В субботу, в 15–00, у Пич-Лэйк. Не опаздывай.

Затем я отстранилась и, хлопнув его ладонями по груди, развернулась и пошла к выходу из столовой.

— Что она ответила, Том?!

— Беркут, она сказала «да»?

— Боже, да конечно она сказала «да», это же Томас Кейн!

— А это — Шот, ты ее не знаешь!

Сопровождаемая этими вопросами и взглядом Томаса Кейна, я вышла из зала. Пообедать сегодня так и не удалось.

*Группа «Шторм» исполняет трек британского музыкального коллектива Fat Cat Cinema — Nothing At All.

Глава 7. Менеджер для Золушки или Крестная фея для Поэта

Глава 7. Менеджер для Золушки или Крестная фея для Поэта

Саманта

Стать менеджером Поэта — идея сама по себе глупая. Вообще, когда этот парень в радиусе менее метра, мой мозг... Хотя, скорее, это работа сердца... В общем, кто-то из моих предателей-органов будто сам генерирует безумные идеи, не считаясь с моими зачатками адекватности, которые, все-таки, имеются. Не смотря на то, что Элизабет свято верит в обратное. Так вот, идея, резко возникшая в моей голове, вернуть своего Эльфа-Скрипача на сцену всеми правдами и неправдами, уже сейчас «аукнулась». Потому что мой протезе никак не хотел идти на контакт. После случая в столовой я вообще не могла с ним нормально общаться! Да и Лиз щедро посыпала мои раны солью:

— Ты же вроде решила держаться от него подальше? Я то подумала, вот, светлая мысль в голове моей подруги, но нет, показалось!

Сейчас мы сидели на одном из широких подоконников. Одну ногу я подтянула к себе, а второй ногой бездумно болтала в воздухе. Со вздохом, я уместила на колене подбородок, и стала изучать вид за окном. Небо хмурилось и грозило принести с собой непогоду. Странно, но дождей этой осенью практически не было. А если и были, то какие-то мелкие, несолидные. Какой-то опаздывающий ученик несся через школьный двор и уже дважды споткнулся. Интересно, он донесет свое лицо до класса в первозданном виде, или все же навернется?

— Ты вообще меня слушаешь?!

Я еще раз вздохнула и чуть склонила голову, глянув на голубоглазую подругу.

— Слушаю. Я не сдержалась.

— А когда ты сдерживалась? Ты вообще свои эмоции не контролируешь!

— Ничего страшного не произошло.

— Это пока что! Парень уже заметно нервничает, ты просто сводишь его с ума, а он этого точно не заслужил! Да и ты... Я же знаю тебя! И когда все случится и ты вместе с Томасом...

Я резко выпрямилась и стукнула кулаком по стеклу. То обиженно задрожало. Я разжала кулак, но прижала к стеклянной поверхности ладонь, ощущая ее холод.

— Элизабет, все будет нормально. Просто... Я не совсем понимаю, что со мной происходит, когда я вижу Дэниэла. Иногда мне даже хочется на все забить.

— Я бы сказала, как называется это чувство, да только боюсь, что окно не выдержит еще одного удара. — Обиженно проворчала подруга. Она достала из недр сумки зеркальце и блеск для губ. Следующие слова я слушала через полураскрытый рот подруги и они

прозвучали невнятно. — Но для начала, подумай: ты стремишься к нему, потому что тебе снова не хватает накала страстей, или потому что он действительно тебе безразличен.

Девушка чмокнула губами, выравнивая цвет, и с щелчком захлопнула круглое зеркало. В ее словах было здоровое зерно: если меня надолго лишали эмоций, я начинаю скучать по ним, как наркоман по дозе. И зная, во что я ввязываюсь, и что мне ни в коем случае нельзя связывать себя с другим парнем, тем более таким хорошим, где-то в затылке начинало покалывать знакомое возбуждение. Черт.

Элизабет задумчиво покарябала ногтем свою коленку, а затем резко спросила, будто готовилась к этому вопросу уже давно:

— Ты бы не хотела съездить на могилу к...

— Нет.

— Но как нет, ты же...

— Элизабет, тише. — Прошипела я, озираясь на снующих мимо нас отроков.

— Ты же так давно там не была... — Продолжила подруга шепотом. Ну, вот почему ее тянет все обсуждать в школе?

— Элизабет, вспомни главное правило.

-Эм... Всегда надевать красивый комплект нижнего белья, на случай, если меня собьет машина и тогда меня доставят в больницу в кружавчиках, вместо «безопасных трусов»?

— Безопасные трусы? Пояс верности что ли?

— Нет, панталоны-парашюты, как в «Дневнике Бриджит Джонс»!

— Что ты?.. Ай, черт, не важно! Главное правило: никто не должен знать о моей прошлой жизни. Ник-то. И рисковать, даже на мизерном уровне, я не намерена. Так что дорогу на кладбище я не знаю. И ты тоже. Пойду, поищу Поэта.

Я соскользнула с подоконника и отправилась в сторону спортивного зала. У нас было окно, а у Дэниэла должна была закончиться спортивная подготовка. Вот и подловлю его, измученного и усталого, чтобы не убежал. Передо мной сегодня стоят всего лишь две задачи: найти парня и не убить его. По крайней мере, не сразу. Неужели не справлюсь?

Мое желание почти осуществилось, только вот бежать пришлось мне. Я была на подходе к раздевалке парней, и собиралась без зазрения совести ее посетить, когда услышала голос, от которого меня моментально прошиб озноб.

— Что вы, миссис Мейвор, я абсолютно вам доверяю.

Дорем и мэр Кейн, что-то обсуждая и постоянно пересмеиваясь, как два старых товарища, должны были вот-вот выйти из-за поворота. Я оцепенела лишь на секунду, оценивая возможности, но выход был лишь один — раздевалка парней. Я физически не была готова сейчас встретиться с ним. Я не могла. Поэтому я со скоростью света юркнула в раздевалку, хлопывая за собой дверь. К счастью, остаток учеников мужского пола был в душевой, судя по звукам воды. В самой раздевалке остались лишь их вещи.

Я прислушалась к голосам, они приближались.

— Ну, давайте вы сами зайдете, а то я не хочу посещать мужскую территорию. — Директор снова заливисто рассмеялась, а я побледнела. Что он тут собрался проверять?! Степень твердости жвачек, прилепленных к скамейке?! Гребаный мэр, неужели у тебя нет более мэрских дел?!

Я оттолкнулась от двери и рванула вперед, прямо в клубы пара, выплывающие из

душевой комнаты. Судя по всему, было занято больше половины кабинок, но искать свободную или пробегать между ними я не собиралась. Плюнув на все приличия и, понадеявшись на Фортуна, я нырнула за самую первую шторку. О да, госпожа Удача явно мне соблагОВОлила.

— Черт, что... Саманта?! — Дэниэл, абсолютно мокрый и невероятно голый, смотрел на меня сверху вниз обалдевшим взглядом.

— Тсс... — Я зажала ему рот ладонью, чувствуя, как моя одежда и волосы вбирают в себя теплые струи. — Пожалуйста, помолчи.

Он и замолчал, и даже замер, только его взгляд отражал весь спектр шоковых эмоций. Да и вообще, на лбу парня большими буквами было написано, что я ненормальная. Кажется, там есть даже парочка матерных слов. Фу, как некультурно!

Я уже была полностью мокрая, но вырубить воду не решалась, вдруг Дэниэл все-таки захочет меня убить? За шумом воды не будет слышно борьбы. Правда и голоса тех, от кого я убежала, я слышала с трудом. Похоже, мэр вытащил из своей второй каморки тренера футболистов. Ну вот почему он не сидит в учительской или спортивном зале?!

Через какое-то время напряженного внимания к любым звукам, я, наконец, услышала, как дверь хлопывается. И, надеюсь, именно за ними. Не знаю, что бы случилось, если бы я его увидела. Господи, осталось так мало времени, а я сбежала как трусиха сразу, как возникло первое непредвиденное обстоятельство. Дерьмо.

Я шумно втянула воздух и также протяжно выпустила его из своих легких. Обессиленная, я освободила рот Дэниэла от своей руки и опустила голову на его грудь, прижавшись к ней лбом. Мокро. Горячо. И голо. Блин, он же голый?! Как я могла забыть?! Я оторвалась от парня, хотя, вернее будет сказать, отлипла.

— Твою мать, Поэт, почему ты не принимаешь душ в трусах?!

— А может еще в школьной форме?!

— Было бы лучше, черт возьми!

Я попыталась повернуться к парню спиной, но пространство кабинки оказалось слишком узким, и как я сюда проскочила? Как обмылок, протеревшись о тело парня, по которому все еще стекали следы пены. Ох, черт.

Стало значительно жарче, и это не температура воды. Я снова подняла глаза на парня. Блин, окажись на его месте кто угодно другой — валялся бы уже рядом со сливом от прямого удара, а я бы даже ухом не повела. Но рядом с Дэниэлом мой пульс увеличивался до ненормального. Сердце тоже усерднее обычного качало кровь. Я из грозной Саманты Хэйс превращалась в обычную девчонку старших классов, и это бесило. Я раздраженно поправила мокрые пряди, убирая их за уши.

— Я тебя искала. — Невозмутимо выдала я парню, возвращая привычную наглость.

— И нашла. А в процессе поисков за тобой гнались охотники на ведьм, я так понимаю?

— Почему сразу на ведьм?

Поэт лишь развел руками, а затем прислушался к голосам других учеников:

— Подождем, пока все уйдут. Даже тот факт, что ты полностью одета, не защитит тебя от силы сплетен в этом заведении.

— Какая забота...

— Если ты сама о себе не заботишься, должен хоть кто-то? — Поэт бросил последнюю фразу почти злобно, кинув на меня рассерженный взгляд. А я... А что я? Я засмотрелась на него. Без очков, с волосами, убранными назад и открывающими его красивое лицо, с теплым

взглядом, он был такой красивый... Так, мне опять становится трудно дышать. Я стала стягивать с себя пиджак.

— Ты чего делаешь?

— Да не бойся ты за свою честь! Я просто не могу больше, эта ткань дико потяжелела!

Расправившись с пиджаком, я припустила и галстук. Вот так. Только вот каждый раз, когда мой взгляд встречался с широкой и явно накаченной грудью парня (Я не смотрела ниже, отстаньте!) дыхание все равно становилось тяжелее. К слову, у парня тоже. Оно прям сбивается! Может, у Маккарти астма? Я с любопытством глянула на парня, который, в свою очередь, пытался сделать все, чтобы не смотреть на мою рубашку. Окинула себя взглядом и поняла причину его болезни: рубашка полностью намокла, просвечивая мое белье и даже татуировку.

— Твоя тату... — Начал парень.

— Нет, не больно, да, я осознанно к ней подошла, нет, не жалею, да, мне класть на то, что с ней будет, когда я постарею... — Отрапортовала я стандартный ответ.

— Я хотел сказать, что она очень красивая.

— Ох. Спасибо. — Какая же ты злючка, Саманта.

Парни все не уходили, а ситуация становилась все более напряженной. Не думала, что спортсмены такие чистюли! Еще немного, и кто-то из нас двоих накинется на другого, прежде, чем последний из учеников домочет свою чертову голову.

— Так что ты хотела, что не могла дождаться меня снаружи? — Снова подал голос парень.

— Я бы подождала, если бы ты меня не избегал.

— Я этого и не делаю. Мы просто... Разминулись.

— Пару десятков раз? Для одноклассников — это рекорд! Не находишь?

— Ладно. Чего ты хочешь?

Тебя. Отчетливо пронеслось в моей голове.

— Нам надо заниматься. Я хочу, чтобы ты прошел отборочные.

— А я этого хочу?

— Зачем учиться в школе искусств и не иметь амбиций?!

— Затем, что здесь учился мой отец.

— И что? То есть тебе здесь не нравится, и ты решил прийти сюда только чтобы выслужиться перед родителями? Ты шутишь?

— Саманта. — Поэт устало потер переносицу, стряхнул с лица воду, а затем провел рукой по лбу и мокрым волосам. — Это личное, если честно.

— Мы стоим в душе на расстоянии в пару сантиметров друг от друга. Думаешь. У нас могут быть секреты? — Не выдержав, хихикнула я.

Наконец, суровая маска Дэниэла тоже дала трещину, и он мягко мне улыбнулся. Черт, как же мне хочется приподняться на цыпочках и поцеловать эту улыбку! Поэт снова вздохнул, на этот раз обреченно.

— Ты же не отстанешь от меня, да? — Я с утрированной силой покачала головой, отчего брызги с моих волос разметались по стенкам душевой. Парень тихо засмеялся. — Ладно, когда приступаем, менеджер?

— Сразу, как закончим с водными процедурами. — Сказала я, пытаюсь еще больше отодвинуться от струй воды, не удержавшись, я соскользнула на мокром полу (Вы же помните, что я хожу в душ на гребаных каблуках?!) и снова впечталась в грудь парня,

попутно обхватывая его плечи руками. Тот обнял меня за талию, придерживая.

Я подняла лицо и оказалась близко-близко к лицу Дэниэла. В голове возникло воспоминание о лунной ночи, когда мы были такие же мокрые и также близко. И, кажется, не у меня одной.

— Дежавю. — Выдохнул парень, пристально смотря на меня золото-кариими глазами. На его ресницах была вода. Кончики пальцев закололо от желания прикоснуться к его лицу.

Он тебе небезразличен, или это желание экстрима?

Вопрос Элизабет снова повис передо мной, как укор.

— Кажется, все уже ушли. — Тихо прошептала я.

— Я в этом не уверен. — Произнес парень, не отпуская меня из кольца своих рук.

— Да что ты... — Хмыкнула я, наблюдая, как у Дэниэла на лице появляется лукавая улыбка. Значит и славному Поэту такое поведение не чуждо. Кто еще знает, какие черты водятся в этом тихом омуте?

— Определенно. Тут безопаснее. — Руки парня чуть крепче обняли меня. Вау.

Я беззлобно шлепнула его по плечу. Засмеявшись, отчего грудь, к которой я была прижата, отдалась легкой вибрацией, парень расцепил руки.

— Я проверю, чтобы никого не было. И не смотри на мою задницу, извращенка-Хэйл.

Я еле сдержалась, чтобы не шлепнуть его по этому самому месту, в праведном возмущении. Это я извращенка? Ну, подумаешь, забралась в душевую, полную голых парней. С кем не бывает?

Мы находились в комнате для репетиций, и я уже минут пять вызванивала с телефона Дэниэла Элизабет со спасительно-сухой одеждой и моей сумкой, брошенной в классной комнате. Поэт заботливо принес мне свою спортивную олимпийку, но сидеть только в длинной мужской кофте в школе было крайне опасно. В мои планы пока что не входило вылететь отсюда.

— Ай, черт возьми, вот же глухая тетеря. — Разозлилась я на подругу, злостно смотря на телефон парня. Как будто это именно Айфон не хотел связывать меня со Стоун. Аппарат одумался (Наверное, почувствовал, что я готова разбить его о стену.) и звонко затренькал, высвечивая заветные цифры номера Лиз.

— Привет, вы звонили? — Раздался бодрый голос на том конце.

— А что, был пропущенный? — Скептически поинтересовалась я.

— Ну... Да?

— Значит, блин, звонила, ну что за тупые вопросы, Лиз!

— Оу, Сэм, это ты?

— Нет, это твоя совесть. Я потерялась десять лет назад и вот, нашла твой номер. Как дела?

— Саманта, довожу до твоего сведения, что если бы за сарказм платили баксами, то на твоём банковском счету было бы целое состояние!

-Оно у меня и так есть, и ты в курсе. - Не дожидаясь продолжения ворчания подруги, я обрисовала ей ситуацию в паре выражений и попросила занести мне ее спортивную форму.

— Я возьму тебе еще шоколадку. — Пообещала та.

— Это зачем еще?

— Чтобы ты не была такой злобной мегерой!

Я засмеялась:

— Бери выше, подари мне шоколадный завод. Давай, жду. — Отключившись, я отложила аппарат. — Доставка сухой одежды имени Лиз Стоун скоро прибывает. А пока, начнем планировать твоё выступление?

Парень, сидевший на стуле поодаль и тихонько бренчавший на гитаре, поднял голову, показывая, что он меня слушает.

Я спрыгнула с колонки, на которой сидела, и поправила олимпийку.

— Итак. Забудь о своих томиках трагедий, ты будешь играть на скрипке. — Без лишних предисловий начала я.

Гитарный перебор прервался.

— Что?

— Скрипка. — Я показала движения смычка в воздухе, будто играю на невидимом инструменте. — Не знаю, почему ты решил, что это не твоё, но ты должен...

— Нет. — Безапелляционно выдал Поэт.

— Да почему?! — Всплеснула я руками.

— Просто «нет» тебя устроит?

— Предпочитаю выслушивать аргументы. — Я скрестила на груди руки, и напустила на себя грозный вид. Хотя, в огромной кофте со сползающими рукавами и в мокрых хлюпающих туфлях я себя таковой не чувствовала.

Дэниэл взял гитару за гриф и, встав, аккуратно положил её на прежнее место. Затем подошел ко мне и внимательно стал смотреть в моё лицо.

— Что? — Не выдержала я его блуждающего взгляда. — Дэниэл, если ты...

— Мой отец закончил школу искусств. Он играл на скрипке, и это было восхитительно. Но иногда казалось, что он любит скрипку больше, чем нас. Несмотря на это, я мечтал быть похожим на него. Поэтому очень много тренировался. С репетитором, в школе, дома и даже убегал из дома, чтобы попробовать что-то новое, чтобы поразить его. Но вот в чём беда: я не успел это сделать. Мой отец умер раньше. И ни я, ни моя мама, больше темы скрипки не касались. Возможно, я когда-нибудь сыграю для тебя, но я никогда не выйду со скрипкой на сцену. Я вообще больше не хочу играть. Поэтому, не заставляй меня.

Все это было сказано, не сводя с меня глаз. Кажется, эти слова много ему стоили. Еще через пару мучительных секунд тишины он толкнул меня плечом и, подхватив сумку, отправился к выходу.

— Моя сестра умерла. — Сказала я прежде, чем подумала, стоит ли это сделать. Но даже после, взвесив все, я поняла, что сделаю все возможное, чтобы снова услышать его скрипку.

Дверь не открывалась, значит, Дэниэл не ушел. Слушает. Я не хотела поворачиваться к нему и смотрела прямо перед собой.

— Она была молодая и прекрасная. Младше нас сейчас. И однажды, когда после её похорон прошло дней семь, я сбежала из дома. Глупо так, я убежала, потому что... Потому что я рыдала и не хотела, чтобы кто-то это видел. В тот день мне отдали вещи сестры, а мне казалось: как так? Зачем мне её вещи? Ведь значит, что она действительно не вернется? Задыхаясь от рыданий, я добралась до леса. Мы жили совсем недалеко, но ходить туда не

разрешалось. А там, на удивление для себя, я по тропинке вышла на красивую поляну с яркими цветами. В центре природного буйства был мальчик, примерно моего возраста. Но тогда он показался мне гораздо старше. — Я нервно хихикнула, а потом и вовсе засмеялась. — Представляешь, я думала, что этот мальчик — Эльф. А когда он заиграл на скрипке, всю мою тоску как рукой сняло. Его рукой и мелодией, что он извлекал из своего музыкального инструмента. Я думаю, у этого мальчика настоящий талант. Талант дарить людям счастье даже в самые горькие моменты. Я потом часто приходила туда, надеясь, что услышу его. Но он больше не появлялся. А затем случилось еще кое-что и мы уехали из города. Только лицо своего Эльфа я запомнила навсегда. Лицо парня, который наслаждается тем, что он делает.

Я наконец повернулась к Поэту лицом, все также улыбаясь самой открытой улыбкой. А что скрывать, если я и так способна открыть перед ним всю душу. Он сделал один шаг в моем направлении.

— Я перестал ходить туда, когда началась летняя школа.

— Ну вот, а я ходила туда, как на работу из-за тебя. Не считаешь, что мне причитается за такое упорство и долгое ожидание?

Не говоря лишних слов, парень прошел вглубь репетиционного класса и взял черный футляр. Открыв его, он замер. Снова посмотрел на меня. Затем на скрипку. Аккуратно провел рукой по инструменту, почти любовно лаская его. Наконец достал скрипку со смычком. Положив инструмент на плечо, Дэниэл на секунду замер в неподвижности, занеся правую руку со смычком, будто не решаясь дотронуться до струн. Затем прикрыл глаза и легко провел им по струнам, издав тихий звук. И как будто один единственный звук захлестнул его, открыл шлюзы, и он заиграл. Сначала, это была безумно нежная композиция, чарующая, прекрасная. Затем, она резко оборвалась и переросла в зажигательную, яркую мелодию, наполненную жизнью и позитивом. А затем... О нет! Точнее, о да!

— Да, это она! Ее я слышала! — Не удержавшись, я захохотала. И, подскочив к скрипачу, стала танцевать, звонко отстукивая каблуками ритм. Затем мне надоели неудобные туфли и я, скинув их, закружилась. Всю меня переполнило счастье. Поэт раскрыл глаза и, смотрел на меня, не прекращая свою игру. А я заливисто смеялась, переплетая свой смех с чудесными звуками скрипки, музыки из моей детской сказки. Кажется, я даже стала на секунду маленькой девочкой, беззаботной Зайчишкой-Сэми...

Именно такими нас и застали Питер и Элизабет, ввалившиеся в класс.

— Эм... А что это вы делаете? — Удивленно спросил рыжий парень.

Поэт перестал играть, а я прекратила босые пляски. Мы с ним переглянулись и дружно рассмеялись.

— Это Витторио Мотти — «Чардаш». Я долго пытался его выучить, но он не поддавался. — Сказал он мне, игнорируя ничего непонимающих друзей.

— Я не знаю, как мелодия звучит в оригинале, но в твоём исполнении она сказочна. — Ответила я и все-таки повернулась к подруге. Подскочив к ней, я взяла из ее рук спортивную одежду. Звонко поцеловав девушку в щеку, натянула на себя штаны.

— Ты моя спасительница.

— Да, но когда-нибудь ты объяснишь мне, почему, когда вы двое оказываетесь вместе — ты всегда мокрая!

— Поверь, Элизабет, я сам бы хотел услышать ответ на этот вопрос! — Сказал Поэт. Я посмотрела на него и восхитилась. Его глаза буквально сияли, а улыбка была такой

искренней и счастливой...

— Ты будешь играть? — Спросила я в лоб. Если он ответит «нет», я не буду его заставлять, но это будет фатальная ошибка в его жизни. Я знаю.

Улыбка сползла с его лица. Он посмотрел на ребят, затем на скрипку, все еще зажатую в левой руке, а затем снова на меня.

— Да.

Следующие два часа были посвящены тому, чтобы привести Дэниэла в божеский вид. Буквально. То есть я, как менеджер, почти насильно затолкала его сначала в парикмахерскую (Ладно, толкал его Питер, но я давала дельные указания!), затем в салон оптики, и, в конце — в магазин одежды. Концертный образ мы ему так и не подобрали, но зато все, на радость Элизабет, прибарахлились новыми шмотками.

В итоге мы получили самого красивого парня нашей академии. Без шуток. Волосы Дэниэла были нещадно укорочены и уложены вверх в хаотичном беспорядке, растущем от косого пробора. Очки сменили линзы, и он, наконец, показал нам всем свое лицо. Идеальное лицо, с четко выраженными скулами, очерченными красивыми губами, красивым подбородком и, главное, безумно прекрасными глазами. Они были цвета шоколада и буквально сияли из под чернильно-черных ресниц. Взгляда мягче и выразительнее я не встречала за всю свою жизнь.

И прямо сейчас мы стояли в нашей гостиной и в три пары глаз смотрели на Дэниэла, не говоря ни слова. Парень сначала просто стоял, потом нервно потер шею, затем затоптался на месте и, наконец, покраснел как маков цвет.

— Да вашу-налево! Чего вы все молчите?!

— Не выдержала душа Поэта... — Прорекламиривал устойчивую фразу Питер.

Мы дружно засмеялись над недовольством друга, грозившим перерасти в избиение нас же.

— Дэниэл! — Элизабет сжалась над парнем и обняла его за плечи. — Я тебя знаю всего несколько дней, но поверь, ты никогда в жизни не выглядел лучше! И я точно знаю, о чем говорю!

Поэт снова потер шею и глянул в зеркало с явным сомнением.

— Скажу вам больше, я знаю его лет 17, и тоже не видел его большим красавчиком! Я прям даже готов узаконить наши долгие отношения! Теперь его не стыдно показать маме! — Питер тоже полез к другу обниматься, но Дэниэл остановил его светлые чувства ладонью, отталкивая от себя лицо друга, с вытянутыми уточкой губами.

— Отстань, идиотос. — Но рыжий парень не сдавался. — Блин. Мюррей!

— Маккарти! — В тон ему ответил Питер!

— Хэйс! — Воскликнула я.

— Стоун! — Поддакнула подруга.

Парни посмотрели на нас.

— Мы думали, у нас переключка. — Довольно выдала я. — Ладно, отставить нежности. Поэт, ты потрясающе выглядишь.

— Я всего лишь снял очки! Будет вам!

— И всего лишь отстриг патлы как у Битлов.

— И перестал одеваться как выпускник Оксфорда.

— И...

— Ладно-ладно, я понял вас! — Дэниэл замах руками на друзей, как на надоедливых мух. Заметив, что я все еще хихикаю, он указал перстом на меня. — Ты же понимаешь, что это все из-за тебя?

— Что «это»? Лучшее время в твоей жизни? Да ладно тебе, не благодари. — Я махнула рукой.

— Ох, так значит. Значит, несколько часов вашего «шоппинга», и час под дулом фена — это лучшее время в жизни парня? Ну, держись, Сэми. — Парень сделал предупреждающий шаг в мою сторону. Я сделала шаг назад и прищурилась.

— Что ты задумал? Учти, я знаю самбо!

— Она знает! — Поддакнула Лиз.

— Ничего страшного. Я просто хочу тебя отблагодарить.

— Я же говорю: не стоит! Я альтруист по призванию и человеколюбец по стилю жизни. Так что помощь моя — совершенно бескорытна, пользуйся! Сдачи не надо!

— Ну нет, мне все-таки настойчиво хочется тебя... **Отблагодарить.**

Сладкие прянички, когда этот парень был в очках, сопротивляться его потрясающему тембру голоса было как-то полегче! Да и в целом, образ Поэта только ухудшит мою жизнь. И здоровье. Сердечко то не каменное! Вот и что я наделала? Создала демона-искусителя своими же собственными руками! Дайте Саманте Хэйл лопату — и она сама раскопает себе могилу. Хочу такую запись на надгробном камне. Запомните.

Я отступала и отнекивалась до тех пор, пока не уперлась ногами в диван. На секунду обернувшись, чтобы посмотреть на препятствие и можно ли через него перемахнуть, моментально была повалена на мягкий диван мужским телом. Я завизжала, смешивая крик со смехом и пытаюсь столкнуть с себя наглое тело.

— Она боится щекотки! — Подказала Элизабет. Вот так и теряют друзей! Поэт воспользовался советом и мгновенно нашел своими длинными музыкальными пальцами мои ребра. Я начала извиваться и смеяться, в уголках глаз скопились слезы. Но ускользнуть от вездесущих рук я не могла.

— Ой, не могу, пожалуйста, хватит!

— Принимаешь мою искреннюю благодарность?

— Да, да! Принимаю!

— Точно? Я очень сильно благодарен, Сэм! Чувствуешь?! — Еще один разряд игры по моим нервным окончаниям от его резвых пальцев.

— Да, да, да!

— Он ее точно щекотит? — Раздался голос Питера откуда-то из глубины комнаты, но придумать достойный ответ или хотя бы отправить предателей-друзей, не помогающим мне в этой войне, в дальнее пешее путешествие по самым эротическим местам, сил тоже не было.

— Ладно, еще раз спасибо. — Поэт еще раз коротко провел руками по моим ребрам, а затем остановился.

Я лежала на диване, шумно вздыхая. Черное поло, купленное мной в одном из магазинов во время нашего рейда, взамен мокрой формы, задралось, оголяя живот. Чуть придя в себя, я поняла, что Дэниэл все еще сидит верхом на Моих ногах, как лихой наездник. Стоп, как он вообще оказался сверху?! Шустрый малый! Дэниэл посмотрел на мое лицо, затем перевел взгляд на шею, грудь, которая от этого стала еще сильнее вздыматься, и снова

опустил руки на мои ребра. На этот раз, не щекоча. Я замерла, смотря в глаза цвета корицы.
— Кхм-кхм. Саманта. Ничего не имею ввиду, но Дэниэл тоже боится щекотки.
На моих губах появилась дьявольская усмешка.
— Спасибо, Питер. Дэниэл. Беги.

Элизабет, упавшая парням «на хвост», чтобы прокатиться до магазина за продуктами, ворвалась в дом, громко хлопнув за собой дверь. Скинув ботинки, она вошла в гостиную и, водрузив на стол два огромных шуршащих пакета с логотипами местного супермаркета, упала в кресло, закинув ноги на столик:

— Меня притягивают идиоты! — Воскликнула она, обращаясь то ли ко мне, то ли к небу, по крайней мере, ее раздраженный взгляд пытался прожечь дыру именно в потолке.

— Подобное притягивает подобное. — Пропела я, не отрываясь от экрана. По каналу «Би-Эс24» (Ага, Броудер-Сити 24, оригинальность — наше все!) шли вечерние новости, а я должна быть в курсе событий.

— Это вообще, ни разу, не смешно. — Пробубнила Лиз и, скрестив руки на груди, пыталась убить взглядом на этот раз не штукатурку, а именно мою скромную персону. Я со вздохом оторвалась от «голубого ящика», мир подождет, подруга расстроена. Все равно в сводке не мелькала морда Кейна. Ни старшего, ни младшего.

— Да? А по-моему забавно вышло. — Усмехнулась я, делая звук чуть тише.

— Самантуй!

— Лизабет! — В тон подруги воскликнула я. — Ладно, не злись, тебе не идет. И морщины появятся. Что у тебя опять стряслось?

Мысленно я скрестила пальцы, надеясь, что наш разговор не будет связан с представителями сильной половины человечества. Я пережила мучительное время, когда вытаскивала подругу из объятий самцов. После объявления о помолвке ее сестры с психотерапевтом, ей просто снесло башню. Она поставила своей целью самоутвердиться за счет огромного количества покоренных сердец, наивно предполагая, что это поможет ей забыть свою любовь. Впрочем, я уже не уверена, что это было: любовь, мания, одержимость, страсть? И прошло ли? Не знаю.

— Какой-то хам в супермаркете пытался меня склеить. Когда я объяснила, что не настроена знакомиться у прилавка с молоком, он рявкнул, что у меня страшные волосы, а мой зад — продолжение спины!

Вот оно что. Я зевнула, с грустью посмотрев на новостной канал. Интересно, сегодня будет репортаж об убийстве в супермаркете? «Молодой человек до смерти забит пачкой клубничного йогурта...»

— Ну, с точки зрения строения человеческого тела так и есть. Пусть возьмет печеньку за свои познания в анатомии.

— Нет, он явно имел в виду степень плоскости моих булочек! — Элизабет подскочила, как ужаленная, и повернулась ко мне спиной. На ней было бежевое платье с длинными рукавами, и выглядела подруга идеально. — Посмотри! Это так?

— Не сходи с ума, ты отлично выглядишь. И вообще, нашла кого слушать. Тот парень, небось, сам Джонни Депп в лучшие годы? Или молодой Ален Делон?

— Неа. — Лизабет снова упала в кресло. — Так себе. Четыре из десяти.

— Тогда хватит плакать.

— К слову о парнях...

О-о, я знала, что мы к этому выйдем.

— Только не говори мне, что пыталась соблазнить мистера Оливера в учительской...

— Что? Нет. Я наводила справки о семье. Кажется, Кей и сестра расстались.

— Чего?

— Сама в шоке.

— Хм. И что, ты считаешь, что это — зеленый свет? — Я с опаской уставилась на подругу. Та просто маниакально была увлечена психотерапевтом, и я бы не была удивлена, если бы сейчас она взмахнула билетами на самолет и улетела в закат к Кею.

Лизабет неуверенно дернула плечом и накрутила локон цвета сахарной ваты на палец.

— Вообще-то. Я думаю, что он мне не нужен. — Тихо проговорила подруга, бесцельно уставившись в пространство перед собой.

— Лизабет... Слышишь?

— А? Что? — Очнулась подруга от транса.

— Тараканы. Тараканы в твоей голове. Они встали и аплодируют...

Лизабет засопела и накинулась на меня, попутно схватив одну из подушек и закрывая ей мое лицо с явной целью придушить.

— Ах ты! Самантуй бессердечный! Я ей душу вывернуть пытаюсь, а она паясничает! Не люблю тебя! Не люблю!

Я лишь хохотала, мой смех глухо звучал из под подушки, но был полон счастья. Понятия не имею, что, или кто, стали причиной такого решения подруги, но я была безмерно за нее рада.

Это был долгий день, и, выйдя из душа (Да, дневного душа в Академии с парнем мне не хватило.), я мечтала лишь о мягком дуэте: подушка и одеяло. Сегодня мы очень долго искали ту самую композицию для выступления Поэта, но так ничего и не нашли. Точнее, Дэниэл любовно отзывался почти о каждом композиторе, чьи имена мне ничего не говорили, но я же чувствовала, что это не то. Вывод был прост: Поэт должен создать свою мелодию. Пока что он согласия не дал, нерешительно ссылаясь на долгий перерыв (Он не играл почти два года.), но и не отказал. Если он пишет стихи и так потрясающе играет, почему бы и мелодию не создать, в конце-то концов!

Стандартная мелодия входящего вызова оторвала меня от мыслей и своего лица в отражении, которое я мазала кремом (Лицо оригинала, не зеркального двойника.).

Я посмотрела на телефон: незнакомый номер. Брать или нет? Мой новый номер оформлен не так давно, его не может знать кто-то из моих близких. Ай, черт, ладно.

— Алло?

Сначала раздалось чертыхание, будто мой невидимый собеседник ударился обо что-то, а затем мужской красивый голос произнес:

— Шот?

Я выдохнула. Ого, а я задерживала дыхание? Кажется, каждая мышца в моем теле расслабилась.

— Вообще-то, Саманта.

— Шо-от! — Воскликнули на том конце линии. — Я боялся, что опять мимо! Привет, красавица.

— Ну, привет, Томас. — Я села на пол, упершись спиной в кровать. Махнула рукой, чтобы поправить сползший браслет и засмотрелась на подвески. — И откуда у тебя мой номер? Питер сдал за гамбургер?

— О, это очень интересная история со счастливым концом, я надеялся, что ты спросишь. — Парень явно улыбался во всю ширину возможностей своего рта, это было слышно даже через телефон. — Сначала я действительно хотел узнать твой номер в академии, но оказалось, что никто из твоего окружения не в курсе. Разве что новая девушка, но ее, как и тебя, не поймать. В итоге мне пришлось найти всех девушек под именем Саманта Хэйс в электронном реестре телефонных номеров и — вуаля! Вот она, ты. Ты кстати всего 87-я.

Не выдержав, я рассмеялась.

— Думаю, ты очень собой гордишься?

— Вообще-то, да. Даже я не знал, что имею столько терпения.

— И каждую Саманту ты называл Шот?

— Да, это было наиболее просто, нежели докапываться о месте их учебы или задавать другие наводящие вопросы, на которые можешь ответить только ты.

— Например, какие?

— Ну, например, предстоит ли им свидание с самым обаятельным красавчиком в их жизни? — Я громко фыркнула, выражая негодование. — Ну, или имеют ли они самые красивые в мире серые глаза?

Я покачала головой, будто Томас может это увидеть.

— Какой же ты льстец, Томас Кейн.

— Нет, лесть — это лицемерие. А я говорю то, что думаю.

Я посмотрела на время: 23–47.

— Ты что-то конкретное хотел?

— Да. Услышать твой голос. И напомнить о свидании. На всякий случай я буду напоминать тебе каждый день.

— Во-первых, я не страдаю рассеянным склерозом и всегда держу свое слово. Во-вторых, обязательно звонить в полночь, по такому, безусловно, вескому поводу?

— А что, хорошая девочка из приходской школы и с крестиком на шее уже легла на боковую?

— Именно, ты меня разбудил. — Без зазрения совести солгала я. — Теперь ты должен мне как минимум колыбельную за моральный ущерб.

— А как максимум: мне приехать и уложить тебя спать?

— Хорошая попытка, но нет.

Парень тихо засмеялся и умолк. Затем какое-то шипение. Я посмотрела на экран телефона: время звонка отсчитывало секунды, значит, он не отключился и связь не прервана. Я уже хотела поинтересоваться, что за сбои в эфире, как в трубке раздался гитарный перебор. Я прикрыла глаза, слушая и представляя, как пальцы Томаса перебирают струны. Затем к ним присоединился и его голос:

Спи, моя сладкая.

Пусть наши мечты затопят всё как волны сладкого огня.

Берегу твой сон, милая.

Пусть эти волны подхватят и понесут нас в новое утро...*

Я сидела на полу, откинув голову на одеяло кровати, и прижимая к уху горячий телефон. Он допел песню до конца, бередя мою душу, пробуждая каждой новой строчкой забытую совесть.

— Ну как, сойдет такая колыбельная?

— Да... — Мой голос чуть охрип и звучал глухо, я кашлянула в бок и снова произнесла в динамик телефона. — Да, на первый раз я прощаю тебя.

Томас снова засмеялся.

— Спасибо, я бы не пережил гнев самой опасной девчонки Академии stART. Спокойной ночи, Шот.

— Спокойной ночи, Томас.

Я положила трубку, а тяжелый камень на моей душе так и остался висеть невыносимым грузом.

*Колыбельная от Беркута — прекрасная песня Sleep sugar финской рок-группы Poets of the fall.

Глава 8. Серые розы

Саманта

До звонка Кейна я безумно хотела спать. После него даже намек на сонливость испарился, растаяв в телефонных гудках. Глухо выругавшись то ли на себя, то ли на телефон, то ли на вселенную, я еще долго сидела у кровати и слушала протяжные гудки в трубке. Потом я честно пыталась заснуть. Поворочавшись с одного бока на другой, попив на кухне молока, покачав пресс, доведя Элизабет до истерики, я все же поняла, что это гиблое дело. Мысли, одна дурнее другой, лезли в мою голову. От желания выпить хоть какие-то таблетки у меня буквально все чесалось и зудело под кожей. Хотя бы успокоительные и здоровый сон обеспечен!

Я почти сорвалась, уже открыла свой тайник, но... В последний момент взяла вместо них ноутбук. Дни сменяются, пора монтировать подарочное видео. В итоге, я просидела за сюрпризом для мэра до четырех утра и поспала всего четыре часа. Если бы не Лиз — спала бы себе дальше. Но нет, меня вытряхнули из кровати и на буксире потащили в академию.

Я со скрипом дожила до большой перемены. Лиз куда-то пропала и я в гордом одиночестве пришла в столовую. С шумным вздохом, привлекая к себе внимания группы девчонок, легла щекой на стол, неэстетично распластавшись на нем. С наслаждением прикрыла глаза. Этот день выдался действительно сложным... И нет, тест по истории искусства с обилием дат и имен давно ушедших из жизни людей не играет решающую роль в нем. Всего вторник, а я просто выдохлась эмоционально.

Услышала, что напротив кто-то отодвинул стул и водрузил себя на него. Глаза открывать совершенно не хотелось, пусть этот смертный, нарушивший мой покой, сам назовется.

— Не часто можно тебя такой увидеть. — Кажется, мое сердце сошло с ума. И да, мне явно стоит показаться кардиологу. Наверняка, он обнаружит у меня тяжелый порок, или шумы, или еще что-то подобное. Иначе как я смогу объяснить, что стоит Поэту лишь открыть рот и сердце подпрыгивает до горла, начиная качать кровь с утроенной силой. Этот парень, с его хриплым голосом, определенно опасен для моего самочувствия. Только вот поздно ли снова пытаться держаться от него подальше? Это было бы даже смешно. А смешной я быть ненавижу. Уж лучше устрашающей.

Открывать глаз я все же не стала, себе дороже. С тех пор как Поэт стал еще красивее, я вообще предпочитаю на него не смотреть. На всякий случай. Зато остальные в этом удовольствии себе не отказывают! Бесит. С деланным спокойствием, я произнесла:

— Какой «такой»? Лежащей на столе в общей столовой?

— Наверное. Но скорее я имел в виду уставшей. Ты вообще сегодня спала?

Не в бровь, а в глаз...

— Сон для слабаков... И с чего ты вообще взял, что я устала? Может, я просто прилегла для... Ну, для каких-нибудь дел. Или без дел. А просто, потому что это здорово. Все сидят за

столами, а я вот лежу. Попробуй, тебе тоже понравится.

Тихий смешок Дэниэла заставил и меня чуть улыбнуться. Затем я поняла, что он решил воспользоваться моим советом и лег на стол практически рядом с моим затылком, задевая мои волосы. От ощущения его близости, у меня мурашки побежали по шее... Я сглотнула.

— Ну, в этом что-то есть... — Тихий шепот парня заставил меня открыть глаза и повернуть голову. Кто же мог подумать, что он лежит настолько близко?..

Дэниэл

Вытянув перед собой руку, я лег на нее, располагаясь рядом с головой Сэм. Ее волосы оказались прямо перед моими глазами, сразу заставив меня почувствовать тонкий, сладко-фруктовый аромат ее шампуня. Любит эта девушка сладкие запахи. А с виду и не скажешь. Интересно, что это? Персик? Или что-то более экзотическое, как она сама: необычайная, диковинная среди нас всех... От острого желания запустить руки в тяжелые локоны, пропуская жженный сахар между пальцами, кончики моих пальцев потянуло. Буквально. Я сглотнул, подавляя нахлынувшие эмоции, что девушка вызывала во мне.

— Ну, в этом что-то есть... — Тихо произнес я, имея в виду явно не этот стол...

В следующее мгновение Саманта повернулась ко мне лицом, опускаясь на подушку из блестящих волос правой щекой. С момента нашего знакомства наши лица не раз были так близко друг к другу... Ее серые глаза, оказавшись прямо напротив моих, только перевернутые, как будто мы два персонажа карточной колоды с одной карты, на долю секунды чуть распахнулись, от неожиданности, а затем она медленно отвела свой взгляд... Но не успело мое дыхание выровняться, как она снова посмотрела на меня своими глазами, цвета грозового неба. Посмотрела прямо в душу, открыто, искренне.

Я забыл, что мы находимся в столовой, и наверняка сейчас все смотрят на нас. Ведь все всегда смотрят на Саманту Хэйс, где бы она не появлялась. Но все в этом мире будто стало задвинутым на задний план. Мир вообще исчез. Ушел шум, голоса, запахи карри с кухни. Остались только блестящие, как драгоценные камни, серые глаза на загорелом лице.

— Помнишь, ты говорила, что безумна? — Спросил я шепотом, боясь нарушить то, что происходило. Будто от громкого голоса все треснет и разойдется осколками, возвращая нас в реальный мир. Мир, где мы просто друзья и я ей не ровня.

Она молчала. Все также смотрела на меня, пристально, без тени улыбки. Внимательно изучая мое лицо.

Спустя мучительные секунды ее губы приоткрылись, и тихо, скупно на слова, произнесли:

— Помню. Дэниэл.

Движение ее губ в перевернутом мире стало невыносимо манящим... Кажется, я почувствовал ее теплое дыхание, скользнувшее по моему лбу.

— Это и правда — заразно.

— Ты болен?

— Теряю рассудок.

— Мне стоит держаться подальше?

— Никогда.

Что послужило для меня толчком к этому шагу? Ощущение абсолютно нереальности? Станный диалог? Звук шепота? Не знаю. Но в следующее мгновение мои губы мягко

коснулись ее лба. Я почувствовал тепло ее нежной кожи, пара прядей волос защекотали мое лицо. Этот жест казался мне настолько логичным и верным, что я просто не мог его не совершить. Я осознал, что поцеловал девушку, пусть и невинным, каким-то братским поцелуем, но все же поцеловал, лишь тогда, когда отстранился. Я смотрел в ее глаза, сейчас широко распахнутые, были похожи на серебряные звезды, которые только-только появляются на небосводе, сменяя дневное светило... Сейчас эти глаза были всем, что я видел. И они все еще смотрели прямо мне в душу. Как? Не знаю. Пристально, внимательно, молча спрашивая и ища ответ, которого не было.

— Не влюбляйся в меня, Поэт... — Тихо и проникновенно прошептали губы девушки, в близости от меня. Она не сводила с меня взгляда, а я не смел его прервать.

— Слишком поздно, Саманта. — Выдохнул я в ответ и понял, что это абсолютная правда.

— Саманта, здравствуй! — Тонкий голосок над нами заставил обоих резко выпрямиться, как будто скинув пелену наваждения. Мы все еще в академии. Окружены учениками и запахом подобия кофе из кофе-машины.

Рядом стояли три девушки, по виду — первый-второй курс. Они с каким-то фанатичным восторгом смотрели на Саманту. Та окинула их подозрительным взглядом.

— Мы слышали, что ты сделала с Джошем. — Начала одна из них.

Сэми кинула на меня озадаченный взгляд. Она побила парня у всех на виду и даже не запомнила его имени? Как же это в духе Хэйс.

— Кудри. — Пояснил я, и пальцем показал на своих волосах подобие завитушек.

На губах девушки заиграла ироничная улыбка:

— А это. Ну и? Он был чьим-то парнем?

Девушки быстро и синхронно замотали головами, как китайские болванчики, отрицающие такое заявление и наперебой затараторили.

— Нет, но он нас обманул...

— В общем, спасибо тебе!

— Он был подонком!

— Спасибо, Саманта!

— Это все, что мы хотели сказать.

С этими словами девушки ретировались, разве что не кланяясь на отходе.

— И что это было? — Проводила их взглядом сероглазая.

— Очевидно, ты местный Супер Герой. Скоро выстроится очередь жаждущих справедливости.

— Ой, нет. Мне не идет обтягивающее трико. Да и плащи — тоже не мое. Можно я буду Доном Карлеоне? Ну, знаешь, сижу я такая в столовой, а ко мне люди на поклон подходят... А я им: «Ты просишь меня о помощи, но ты просишь без уважения... Ты даже не называешь меня Крестным»...

Девушка так верно изобразила Крестного Отца, что я захохотал.

— Саманта, вот ты где! Мне нужна твоя помощь! — К нам подбежала Китти и упала на скамейку рядом со мной. Это было настолько в тему, что я снова засмеялся.

— О, я же говорил. — Усмехнулся я и погладил не понимающую такой реакции подружку по блондинистой макушке. Та кротко улыбнулась и легла мне на плечо.

— Я помогаю униженным и оскорбленным по понедельникам. Благотворительность —

по средам. А сегодня вторник. Дважды мимо и не судьба. Завтра приходи. — Бросила Саманта. Мы с Китти удивленно переглянулись.

— Ты чего?

Саманта смотрела на нас из-за прищуренных глаз, сейчас ее серый взгляд показался мне холодным, как темный ледник. Я посмотрел на Китти, расположившуюся близко ко мне, на свою руку, по привычке обнявшую подругу за плечо, и, кажется, понял. Девушка же, выглядевшая секунду назад обозленной, неожиданно тряхнула головой, будто сбрасывая с себя что-то, либо дурные мысли. Пару раз хлопнула своими длинными ресницами и, когда она снова сфокусировалась на нас, ее взгляд был радушно-обаятельным, а на губах была приветливая улыбка.

— Прости, Кит-Кат. Встала не стой ноги. Потом села не на ту метлу. Ну, знаешь, как это бывает. Что ты хотела?

— Я... Я хочу тоже измениться!

— Дэниэл, ты на нее не чихал? — Улыбнулась Хэйс. — Думаю, тебе стоит обратиться к Лизабет. Она любит играть в стилиста.

Китти заерзала:

— Да, но ее не найти, она все время проводит с Питером! Готовятся к конкурсу, наверное. А я тоже собираюсь участвовать. Вдруг пройду прослушивание... Хотя я не знаю... Там такая конкуренция. Но я неплохо пою, так что... — Китти выхватила из подставки белую салфетку и начала ее накручивать на палец.

Саманта перегнулась через стол и взяла руки Китти в свои. Ее пухлые губы растянулись в добрую улыбку. Давно я не видел такого выражения на ее лице. По крайней мере, не по обращению к кому-то кроме Элизабет. Как будто передо мной сидит другой человек.

— Эй. Я слышала, как ты поешь. У тебя Талант с заглавной буквы «т». А еще, ты очень красивая. И всякие Барби тебе в подметки не годятся. Но, если уверенности не хватает, то почему бы тебе не обрезать волосы? Говорят, что это может жизнь изменить. Бред, конечно, но я вообще-то люблю бред. — Девушка еще сильнее улыбнулась, обнажая зубки и слегка прищуривая красивые глаза, отчего в уголках образовались морщинки.

В груди защемило. Пол царства за фотоаппарат! Мне кажется, если я упущу момент, то уже не увижу такую Саманту.

Китти улыбнулась Сэм в ответ, явно растроганная ее словами. Да что там, я бы сам слезу пустил, не будь я мужиком. Шучу. Не пустил бы. Девушка отстранилась от меня и, взяв прядь длинных волос, задумчиво на нее посмотрела. Но не успела высказать свое мнение на тему, готова ли она прощаться с шевелюрой, как из школьных динамиков, понатыканных в каждый возможный угол, донесся голос нашего диджея — Брауни. Странно, обычно его допускают в радиорубку только по праздникам.

— Привет-привет, красавчики и красавицы академии «stART», а также учителя, конечно. Не то чтобы наши учителя не были красавчиками, и я относил их в отдельную категорию, просто это дань уважения! С вами я, ваш любимый Брауни. А если вы меня не любите — у вас явно проблемы с чувством прекрасного! На календаре вторник, до главного события осталось две недели, а если быть точным — 13 дней! А если вычеркнуть сегодня, то и все 12! Отборочные уже в следующий понедельник! Вы готовы? Я — да! Битва в этом году обещает быть жаркой!

— Его посадили нагнетать обстановку, да? — Кажется, Староста позеленела и стала одного оттенка со своими глазами. Брауни, будто услышав ее вопрос, продолжил:

— И если вы думаете, что я вам здесь за календарь — ошибаетесь! Я выполняю просьбу моего хорошего друга, замаскированную под сводку новостей. Итак, Беркут передает пламенный привет красотке-Шот, и говорит вам: **Начинайте!**

С этим призывом слова парня сменила музыка, один из треков группы «Шторм», в котором солист, он же Беркут, клялся в вечной любви «своей детке»*. Очевидно, роль последней досталась Саманте. Мне досталась роль парня, у которого сжимаются кулаки и начинается дергаться правое веко. Стоит кое-что объяснить, я по природе пацифист, и когда в моем сознании отчетливо возникают картинки убиения нашего школьного идола — для меня это как минимум, странно. А может, у каждого человека действительно есть своя темная сторона? Ну, тогда мой демон-искуситель имеет пару серебристо-серых глаз.

С первыми звуками музыки в зал начали стекаться ученики, в руках у каждого была ярко-красная роза. По очереди они подходили к нашему столику и пытались вручить цветок Сэм. Та смотрела на происходящее без тени улыбки и цветы не брала. Розы начали класть на стол, и к концу песни перед нами выросла цветочный гора.

— Ого! — Китти взяла один цветок и с улыбкой втянула в себя его аромат. Мне же захотелось сплюнуть. — Кажется, Беркут действительно запал на тебя! Не помню, чтобы он за кем-то так ухаживал... Я не помню, чтобы он вообще за кем-то ухаживал!

Саманта аккуратно подвинула цветы на столе, освобождая место для своих локтей. Приняв удобную позу и положив подбородок на скрещенные пальцы, она задумчиво смотрела на эту охапку. Если сложить все эти цветы в одну ровную кучу, то за ней нашей подруги не будет и вовсе видно. Мне показалось, что, несмотря на напускное равнодушие, ее щеки слегка порозовели. И это чертовски бесило.

Затем девушка, вздохнув, взяла с соседнего стула свой рюкзак, закинула его на одно плечо и, бросив нам с Китти:

— Вы идете? Урок через 10 минут. — Пошла в сторону выхода.

— Эй, а цветы?! — Воскликнула Староста.

Хэйс, не оборачиваясь, подняла вверх правую руку, с блеснувшим на ней браслетом, и потрясла ей в воздухе, выражая что-то неопределенное. Но лично я решил, что она сказала: «Что б они в аду сгорели». Ну, или это чисто мои мысли. Я догнал Саманту уже в коридоре.

— Негоже так раскидываться такими подарками, Хэйс.

— Завидуешь?

— Что? О, да. Я всегда мечтал, чтобы Беркут за мной ухаживал. И как ты догадалась?

Сэм прыснула. Я же не мог сдержать скрытого удовольствия от того, что она не брала с собой цветы. Ни одного. От такого мизерного факта мое настроение значительно подскочило.

— Я поговорю с ним об этом. Обсудим твои тайные чувства и неразделенную любовь.

Кажется, мое настроение снова упало. Вот зачем ей с ним разговаривать? Можно подумать, нельзя его игнорировать. Подумаешь, это не удастся почти всем девушкам и женщинам школы stART, но Саманта то явно особенная.

— Не стоит. Он все равно сделал глупость.

— В смысле?

— Ну, я бы в жизни не подарил тебе красные розы.

— Это еще почему? Красный — символ страсти и все такое.

— Думаю, тебе он не подходит...

— Оу, то есть я недостаточно страстная?

Мы уже дошли до класса и Сэми остановилась перед дверью, уперев руку в бедро и вызывающе улыбаясь. Да нет, со страстью у тебя проблем как раз не было, девочка.

— Если не нравится такой ответ, то тогда вот: это банально. Ничего в мире нет банальней красной розы.

— И какие розы достойны быть подаренными мне, нестрастной и небанальной Саманте Хэйс?

Я смотрел в ее глаза, в которых плясали смешинки, и выдал ответ ни на секунду не задумываясь:

— Серые. Как твои глаза.

Хлоп. Хлоп-хлоп. Хлоп. Ресницы Сэм запорхали как бабочки, а лоб немного нахмурился:

— А такие вообще есть?

— Да, и ни один сорт. Думаю, «Серый рассвет» тебе подойдет. Их бутоны лавандово-серые.

Щеки девушки слегка покраснели и она отвернулась, смотря на стену, слегка прикусив губу:

— Либо это отлично отрепетированная многоходовочка: «Как подкатить к девушке», либо ты тайный ботаник-любитель.

— Либо моя мама содержит цветочный магазин.

— Что, правда?

Я кивнул:

— Первый этаж моего дома — цветочная оранжерея и магазин. А на втором мы живем. Мама души не чает в своих цветах. Я как-нибудь вас познакомлю. Если, конечно, хочешь...

Девушка покачала головой, будто желая сказать «нет», но затем посмотрела на меня и, как-то обреченно вздохнув, нежно улыбнулась:

— Да, было бы здорово.

Звонок на урок заставил нас прервать затянувшуюся паузу.

— И где эти двое? — Пробормотала Сэм, садясь на свое место. Питера и Элизабет действительно не было.

Лизабет

— Блин, звонок! Это все из-за тебя! — Я судорожно натягивала гольфы, как обычно бывает, из-за торопливости, они не хотели поддаваться, переворачиваясь на моей ноге.

— Ну, конечно, это я во всем виноват. У вас вообще всегда мужчины виноваты. — Питер, в отличие от меня, вообще никуда не спешил. Он медленно натягивал на себя брюки и задумчиво осматривал сваленные тут и там спортивные снаряды. Да, именно, это был склад спортивного инвентаря. Зато, здесь жутко удобные маты, чтоб вы знали.

— Не мужчины, а конкретно ты! — Бросила я Питеру обвинение и найденную под ногами рубашку парня. Та накрыла его голову.

Он медленно стянул с себя элемент одежды и посмотрел на разгневанную меня. Рядом с этим парнем у меня было два состояния: гнев и похоть. Кажется, он тоже это понял, и всеми правдами и неправдами провоцировал меня на второе.

— Ты такая сексуальная, когда злишься... — Промурлыкал этот рыжий котяра, делая шаг в мою сторону.

— Ох, нет, стоп! Меня итак Саманта прибьет!

— Но мы же уже опоздали... — Эти слова парень говорил уже рядом со мной. Он осторожно заправил мои растрепанные пряди, когда то бывшие идеальным конским хвостом, за уши и, притянув к себе, нежно поцеловал. — Я тебя спасу от гнева Шот. — Еще один поцелуй. Кажется, коленки слабеют. — Или кину Поэта грудью на амбразуру.

— Не жалко друга? — Прошептала я в наглые губы голубоглазого парня.

— Нет, он теперь такой завидный парень — она не устоит. Ты же от меня не устояла...

— Не льсти себе, Ведьма. Это все твое колдовство. — Фыркнула я, прежде чем вцепиться руками в ярко рыжие волосы парня и, закрыв глаза, отдаться наслаждению. Снова.

— У меня есть мороженое и вредная соленая гадость, и я не побоюсь их применить. — Я зашла в комнату подруги во всеоружии: большая коробка с шоколадным мороженым и ее любимые сырные шарики. Приходится искупать грехи за то, что оставила ее на весь конец дня. Знаю же, что она плохо переносит других людей.

Саманта стояла напротив зеркала, упираясь обеими руками в стол. Она внимательно всматривалась в свое отражение.

— Самантус, у тебя что, рог на лбу вырос? Чего ты там ищешь?

Девушка кинула в меня поистине злобный взгляд.

— Я что-то не то сказала?

Она бросила еще один взгляд на зеркало и со вздохом осела прямо на пол в центре комнаты, чуть не дойдя до кровати. Еще одна любопытная фишка Хэйс: для нее весь мир — один большой стульчик. Пришлось закинуть на кровать мороженое и снеки, и упасть рядом с подругой.

— Ну, чего ты?

Моя боевая подруга выглядела по-настоящему подавленной.

— Поэт поцеловал меня.

Я всплеснула руками:

— О, ну наконец-то, Боженька меня услышал! Ну, и как это было? Как он целуется?

— Он поцеловал меня в лоб...

— Так, давай по порядку. Не далее как неделю назад ты видела его голым в душе, а теперь он целует тебя в лоб. Ваша нарастающая отношений, какая-то не нарастающая, а кривая! — Я нарисовала в воздухе зигзаг.

— И не говори, американские горки... Кажется, меня даже укачивает.

— Укачивает тебя от того, что ты нормально есть перестала... Думаешь, я не заметила, что все твои порции покрываются плесенью в холодильнике или кочуют на дно мусорного бака?

— Да, прости. Просто я как-то запуталась.

— Что-то не по плану?

— С моим планом все отлично. Как по нотам. Но я не думала, что в опере появится еще один новый солист. — Девушка сокрушенно рухнула на пол. — Иногда так хочется все бросить... Когда Дэниэл рядом... Ты не представляешь, Лизабет, как я устала...

Роскошная шевелюра Сэм разбросалась по полу. Я погладила подругу по приятно-коричневым волосам. Сэми прикрыла глаза, отдавшись ласке.

— Я сплю с Питером. — Выдала я. Глаза подруги распахнулись как на шарнирах.

— Чего-о?

Я пожала плечами и вытянула нижнюю губу вперед в странной гримасе. Интересно, сойдет за подробный ответ? Сэм шлепнула меня по коленке:

— Немедленно рассказывай, как ты совратила бедного парня! — Похоже, не сойдет.

Я возмутилась:

— Я? Может, это он виноват! Воспользовался моей детской наивностью, опошил юность, забрал лучшие годы жизни! А нет, это уже другая стадия... Забудь про лучшие годы.

Сэми задумчиво пожевала губу и посмотрела на люстру. Оставшаяся от предыдущих хозяев дома, она была из белого пластика с яркими брызгами пятен. По мне такая больше подходила для кухни. Но Сэм нравилась.

— То есть когда я пыталась до тебя дозвониться...

Я кивнула, толку отрицать очевидное?

— Ага, я была немного занята, а точнее, прижата к стене Питером, а еще точнее...

— Блин, стоп, хватит! — Саманта прикрыла лицо руками. Видели бы сейчас эту помидорку в академии! Вот она — гроза всех маньяков-извращенцев академии stART. Краснеет от рассказов. — Питер хороший. — Сделала заявление подруга.

— Спасибо за экспертное мнение. По мне, так такой лоботряс способен понравится только девушке, у которой в голове вместо мозгов тараканы.

— Оу, например тебе?

— Ага... Что?! Самантуй!

— Лизабелла!

— Сэмюэль!

— Элайза!

— Семьон!

— Елизаветта!

— Офигеть, ты готовилась!

Мы дружно рассмеялись. Я посмотрела на грустно и бесхозно лежавшее на кровати мороженное. Пластиковые бока баночки, украшенные инеем, уже подтаяли. Кажется, у Сэми будет мокрое одеяло.

— Знаешь. — Сэм поднялась и потянулась вверх. — Давно мы не говорили по душам за стопочкой текилы.

— Это намек?

— Ты за кого меня принимаешь? Это конкретное предложение!

— В таком случае: полностью поддерживаю. Только сдай сим-карту, чтобы спяну не названивать Поэту.

— А ты Рыжему.

— Зараза...

Питер

Я стоял в комнате друга и кидал об стену маленький мячик. Сам Дэниэл пытался объяснить маме, всеми доступными способами, что заказывать еще больше цветов — нецелесообразно. Соглашусь, еще немного стараний миссис Маккарти и Дэниэл будет спать на цветочных лепестках, и в этом не будет ни черта романтического.

Вернувшись в комнату, как с поля боя, Поэт упал ничком на свою кровать, заставив пружины жалобно заскрипеть.

— Как все непросто. — Пробубнел он в подушку. Лишь годы и годы дружбы помогли мне разобрать его речь.

— Что, битва за оранжерею проиграна?

— Я не о маме...

— Шот?

— Она самая. — Дэн соизволил наконец оторвать свое чело от подушки, за тем, чтобы снять линзы и поменять их на очки.

— Ну, а ты что хотел? Сам виноват, нашел в кого втюриться. Столько в мире адекватных девушек. Милых, добрых, обаятельных. Нет же, тебя потянула на хардкор.

— Ты так говоришь, будто она тебе не нравится.

— Она мне очень нравится. Но смотреть, как тобой крутят и вгоняют тебя в депрессию — не входит в круг моих интересов и удовольствий. Даже самых извращенных.

Поэт не стал со мной спорить, как обычно. Странно. Вместо этого, он сел на компьютерный стул, и, взяв со стола тетрадь, стал переворачивать листы.

— Это что, опять стихи? — Я заглянул другу за плечо. — Нет, это не стихи.

— Поразительная дедукция. Это ноты. Я должен сочинить песню для концерта.

— Должен? Леди-босс приказала? Наказывать будет отжиманиями, или вы наконец решите заняться чем-то более интересным? Ну, или теми же отжиманиями, только, например, под одеялом. — Я поиграл бровями, но Поэт мою шутку в стиле «Американского пирога» не оценил. Он вообще не любил подзаборного юмора. Скажем так, парень обладал чисто английским юморком, так что употреблять его следовало исключительно за чашечкой крепкого чая, оттопырив мизинчик.

— Что с Лиз? — О, перевод темы. Отличный ход. Я пожал плечами. Хотя толку растрчивать на друга телодвижения, если он уткнулся в свою тетрадь и едва ли носом по строчкам не водит?

— Ничего нового. Ссоры — секс, ссоры — секс. И все это за пару дней. Иногда кажется, будто мы знакомы вечность и встречаемся лет пять. Я в ауте. — Я с силой кинул мячик о стену и он, срикошетив, с большой скоростью пронесся в противоположную стену, ударившись об нее — нашел свое упокоение где-то на полу друга. Теперь пришла моя очередь опускаться на кровать, что я и сделал. — Она тут заявила недавно, что у нас свободные отношения. Точнее, погоди... Вообще не отношения. Типа «Питер, это секс, он полезен для здоровья, не больше, не меньше». Девушки вообще так говорят? Это же должна быть моя цитата, нет?!

Я вытащил из-за поясницы пару сморщенных бумажек, хотел раскрыть их, но Поэт моментом их зацапал своими загребущими ручонками. Опять стихи прячет. Комната Поэта всегда была в образцовом порядке, за исключением этих самых бумажек, периодически, в

момент вдохновения, появляющихся на любой поверхности. После знакомства с Шот его комната буквально утонула в измятых листах. Наверное, он пишет о ней пьесу в двух действиях.

— Ну, поговори с ней. Объясни, что...

— Парень, ты что, вчера родился? С женскими закидонами не спорят! Их надо либо принять, либо...

— Либо?

— Хм.

— Хм?

— Хватит меня парадировать!

— Хватит делать задумчивое лицо, меня это пугает! Создается впечатление, что ты умеешь думать!

— Ого, Поэт шутить изволил! Открывайте шампанское, несите бокалы!

— Отстань...

— В общем, есть у меня одна мыслишка... Если она хочет свободных отношений, то почему бы и нет?

Саманта

Когда я в последний раз засыпала "сегодня"? Лиз, после изливания душевных мук и порции алкоголя уже дрыхла без задних ног. Я же лежала и боялась закрыть глаза, потому что каждый раз, когда я закрывала их, передо мной появлялось лицо Поэта. Так близко. И так далеко. А воспоминания о миге, когда его губы дотронулись до моего лба, и вовсе сделали невозможным погрузиться в сон.

Слишком поздно, Саманта...

Господи, что же я делаю.

Глава 9. Один латте, пожалуйста. Взболтать, но не смешивать

Глава 9. Один латте, пожалуйста. Взболтать, но не смешивать.

Саманта

Понедельник был тяжелым днем, да. Но он ничто по сравнению со средой. Кейн оказывал мне столько внимания, что, чувствую, к концу недели я буду стоять в очереди вылетающих из страны, судорожно сжимая билет до Антарктиды и поставив на своей кровной мести жирный крест. Нет, этот парень действительно был вездесущ! И чем больше его было в моей жизни, тем меньше у меня было поводов ненавидеть этого человека. Разве только один: он мешал мне общаться с Поэтом. Потому что, когда Кейн появлялся на горизонте, Дэниэл каждый раз самым таинственным образом растворялся в воздухе. Копперфильд фигов... А его взгляд зачастую был таким, что я даже радовалась тому, что он исчезал. В противном случае, на одного участника группы «Шторм» явно стало бы меньше.

Итак, вернемся к Академии. Ведь уроки никто не отменял. И пользуясь тем, что я с Лизабет и Китти, с которой у нас было несколько совместных занятий, пытались переговариваться на уроке истории, а затем перекидываться записками, а затем обмениваться жестами... Ну, вы поняли суть... Так вот, пользуясь этим набором доводов о нашей «незаинтересованности славной историей своих предков и вопиющей необразованности (Это потому что попавшая под горячую руку Лизабет не ответила на заданный вопрос.)» Мистер Грэмс задал нам огромный реферат. Каждой — свой. И каждой — огромный. Он что, не в курсе, что я нахожусь под психологическим прессом? Тоже мне, воспитатель.

Именно поэтому я пребывала последние полтора часа в библиотеке, желая разобраться с этим как можно скорее. Надо сказать, что поработала я знатно! Мистер Грэмс будет доволен. Возможно, у него даже стекла очков запотеют от восторга.

Я уже собирала книги в сумку, когда по обеим сторонам от меня очутились две мужские руки. Упираясь крупными ладонями в стол они закрыли меня в ловушке. Замерев на секунду, я сделал короткий вдох, прежде чем положить последний учебник и закрыть молнию. Затем я обернулась, упираясь на максимум бедрами в библиотечный стол.

— Томас. — Вежливо и спокойно произнесла я вместо приветствия. — Ты заблудился? Спортзал на этаж ниже. Здесь книги, никаких мячей.

Я сладко улыбнулась парню, спокойно смотря в его глаза. А затем подхватила внушительную стопку книг, намереваясь расставить их по местам. Пришлось толкнуть парня плечом, что поделать.

— Тебе помочь? — Вежливо поинтересовался Кейн, идя следом.

-Ты мне очень поможешь, если не будешь мешать.

— Такого обещать никак не могу. Когда я нахожусь рядом с тобой, меня будто примагничивает. А уж когда я так близко и вижу твои глаза, и губы...

— Что не так с моими губами?

— Такие губы просто созданы для поцелуев. Сложно держать себя в руках.

— Оу, ты абсолютно прав. А еще гляди: у меня есть ноги, созданные для пинков под твой зад и руки, заточенные по удары по носу. — Я привела угрозы в действия и игриво щелкнула парня пальцами по носу.

— Ясно. Значит целоваться мы сегодня не будем? — Хитро улыбнулся он.

— Только если ты не любишь «пожестче», потому что у меня уже руки чешутся тебе шею намылить...

— Хорошо, я подожду другого раза! Тогда можно вопрос?

— Нет.

— Почему?

— Это уже вопрос.

— Как ты можешь быть такой вредной?! И это не вопрос, это возмущенное восклицание!

Он был в таком забавном негодовании, что я, не выдержав, засмеялась.

— Ладно, давай свой вопрос. — Благосклонно разрешила я, облачиваясь спиной на полку с книгами по истории.

— Спасибо, госпожа! Так вот... Почему ты меня ненавидишь?

— Это так очевидно?

— Ну, не то чтобы... Но если бы ты носила футболку с надписью «Томас Кейн — урод», это был бы менее явный намек.

Я покачала головой.

— Ты не хочешь этого знать, Томми.

— Вообще-то, хочу. Иначе я бы не задавал вопрос. Ну же, Сэми, расскажи. И я стану лучше. Обещаю. — Парень взял меня за плечи и, чуть наклонив голову, заглянул в глаза просящим взглядом. Прямо сейчас он был очень мил. Знал бы он, почему я действительно его ненавижу. Точнее, отчаянно пытаюсь это делать. Но пришлось выдавать другую версию, более размытую, но имеющую право на жизнь.

— Знаешь, есть люди, которые думаю что они лучше, красивее, талантливее, умнее и эрудированнее других... Основная проблема в том, что только об этом они и думают. Так вот, ты — яркий тому пример. Богат, влиятелен. Крут до невозможности. Популярен. Красив. И прекрасно это знаешь. И постоянно пытаешься посмотреть на меня взглядом, от которого наверняка у девочек от девяти до шестнадцати подгибаются коленки... Но для меня, ты смешон, Томас. Твой образ альфа-самца уже давно не впечатляет окружающих. И еще. Ты явно хочешь меня, потому что не можешь получить. Не можешь получить как все твои премии, трофеи, награды. Трофеи в виде завоеванных сердец, как тебе? Сотни, Тысячи. Но только не мое. Мне такие люди не интересны.

Кейн даже бровью не повел на всю мою тираду. Он поднял руку, оттянул прядь моих волос и намотал ее на палец:

— То есть ты думаешь, что во мне нет ничего хорошего? И что ты нужна мне как очередная награда?

— Нет, я сказала только то, что меня в тебе бесит. Хорошее в тебе тоже есть.

— Например?

— Например, когда ты поешь, ты другой. Это впечатляет. И когда играешь в футбол и наполнен азартом. И когда ты не пытаешься произвести впечатление на каждого человека в stART.

— Да? Вполне много вариантов. И каким я тебе нравлюсь больше? — Спросил он с лукавой улыбкой.

— Таким, какой ты есть на самом деле. Покажешь мне такого Томаса Кейна? — Отзеркаливая его улыбку и заигрывающе смотря из под ресниц поинтересовалась я. Да, настало время поиграть с парнем.

— Я покажу тебе все, что ты захочешь.

Не выдержав, я прыснула смехом прямо ему в лицо:

— Господи, Кейн. Вот опять ты. К чему этот пафос? Мы что, на съемочной площадке? Или ты настолько привык к вспышкам фотокамер и папарации из-за каждого угла, что на всякий случай играешь секс-символа? Или это чтобы форму не потерять? Тогда найди себе другой тренажер, приятель.

Я хотела оттолкнуть парня, но он удержал мою руку, сжав ладонь и прижав ее к своей груди. С удивлением я поняла, что сердце парня просто бешено бьется. Как будто он правда волнуется.

— Саманта, прости. — Я посмотрела на него. Лицо Беркута выражало смятение и расстройство. — Честное слово, Саманта, я не такой! Да, ты права. Все это — мишура. И меня она устраивала, признаюсь. Образ повесы и рок-звезды, разве не об этом мечтают в нашем возрасте?

Ох, парень. если бы ты знал о чем я мечтаю с 16-ти лет, ты бы поседел. Томас все еще сжимал мою руку, а лицо парня было близко ко мне.

— У нас разные мечты, Томас.

— Подожди, не уходи. Если это не нравится тебе, я изменюсь. Я обещаю тебе. Просто ты... Когда я вижу тебя... У меня такое впервые. Я... Я не знаю как тебе это объяснить. Но я постоянно думаю о тебе и мне хочется многое делать для тебя. Не брать, а делать. Ты только скажи, что именно, и я...

— Томас, ты же говорил, что у вас ничего нет! — Визгливое восклицание в тишине библиотеки прервало тираду парня. Мы оба вздрогнули, таким неуместным и неожиданным оно показалось.

Барбара и еще пара людей и Звездных стояли у конца стеллажа. Из ушей девушки разве что пар не валил. Друзья Томаса лишь дружно рассмеялись.

— Ты все-таки трахаешь горячую новенькую? Черт. — Взгляды всех были направлены на нас, а один из его друзей, кажется, Мамочка, в нелепой кепке, натянутой козырьком назад, покачал головой, смотря на меня. — Из-за тебя я проиграл 100 баксов. И на моих глазах он действительно достал из заднего кармана джинсов смятые деньги и, отсчитав нужную сумму, передал ее Думсдею.

Томас

Я переводил взгляд со своих друзей, на Шот, не зная, за что сначала схватиться. Я увидел, как лицо девушки, только что покрасневшее от румянца, разлившегося по ее щекам,

снова покрывается маской равнодушия и безразличия. Плотно, как вторая кожа. Эмоции в ее блестящих глазах моментально пропали. Остекленевшим взглядом она проследила за тем, как к Джонсону приплыли деньги от хохочущего Кита и снова посмотрела на меня. Нет. Нет.

— Нет, Сэми, девочка, они несут бред. — Я крепче сжал ее тонкие плечи, пытаюсь передать через это все свои чувства, донести хоть как-то, что я ни при чем... Она же равнодушно повела плечом и, поправив свисающую с него лямку рюкзака, выскользнула из моих рук.

— Саманта. — Снова позвал я. Но на мой крик пришла лишь библиотекарь.

— Что вы себе позволяете? Это храм книг! Кладезь знаний! А вы превратили его в дискотеку? Марш отсюда, все!

Я и не собирался дожидаться ее приглашения на выход, а уже кинулся за девушкой, но, оказавшись за дверями «храма науки», Шот не обнаружил.

Мои друзья вышли следом. Я медленно повернулся и, глядя на меня, с их лиц сошли и тени довольных улыбок. Кит нервно подергал козырек кепки и повернул его вперед, будто желая за ним спрятаться.

— Вы... — Прорычал я.

— Эй, Беркут, ну, прости.

— Это была не наша идея! Барбара решила, что будет забавно...

Я злобно посмотрел на Думсея:

— Какого хрена, Джонсон?

Тот повел руками.

— Я не знал. Я не понял, что все серьезно...

— В смысле серьезно? У Беркута не бывает серьезно! Верно же? — Барбара с нескрываемой надеждой посмотрела мне в лицо. Я даже толком разозлиться на нее не мог. Что взять с глупой девчонки? Она была не плохим человеком. Бегала за мной с первого курса, и я привык к ее существованию. И да, мы пару раз спали. В основном это происходило после празднования удачных выступлений или по другим поводам. Одна компания, много выпивки, сами понимаете, как это бывает. Но я никогда ничего ей не обещал. Кажется, она восприняла это по другому. Прочитав ответ на свой вопрос на моем лице, она, громко втянув в себя воздух и надрывно всхлипнув, рванула с места. Мы посмотрели девушке вслед.

— Да уж, нечасто увидишь Барби, бегающую по коридорам.

— Довели.

— А кто в этом виноват? — Злобно спросил я у парней. Если в первую секунда мне захотелось разбить лица друзей, теперь накатила какая-то апатия. Ну какого хрена? Только я, казалось, нашел что-то хорошее в своей жизни... Как теперь объяснить такой девушке, как Шот, что это мои друзья — моральные уроды, а не я. Если она сама недавно сказала, что невысокого мнения о моих принципах. Черт.

Я нервно потер лицо и взъерошил волосы.

— Пойдемте. — Бросил я. — Будете объясняться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Найти Саманту не составило труда, да только обстоятельства были явно не в руку. Мы вышли в фойе и увидели девушку с розоволосой подругой, направляющихся к коридору творческого крыла. В этот же момент, откуда то сбоку выринула Барби со своей свитой. Подруги, очевидно, занимались тем, что утешали блондинку и объясняли, почему «она в тысячу раз лучше Саманта» и что «Томас ее не достоин», ну или как там еще утешаются

девушки. Барби же, заметив Саманту, буквально встала в стойку, как кобра. Ее глаза сузились до размера маленьких щелок. Не успел я ничего сделать, даже с лестницы спуститься, как Барбара выхватила из рук Прилипалы огромный и явно не пустой стакан из под кофе. Крикнув:

— Это все ты виновата, шлюха!

С нескрываемой яростью она кинула его прямо в Сэм. И попала. Стаканчик врезался в затылок девушки, откинув хлипкую пластиковую крышку от прикосновения с ним, и разлил содержимое светло-коричневого цвета на ее волосы и одежду. Хэйс остановилась. Каждый, кто был в холле — замер. Кажется, даже позолоченные стрелки огромных настенных часов прилипли к циферблату, не решаясь отсчитывать секунды.

— Твою мать... — Прошептал Думсдей, выражая этим емким выражением всеобщие мысли.

Шот очень медленно повернулась и посмотрела на Барбару, которая, как и все остальные, в шоке застыла посреди холла. Она тяжело дышала и напоминала рассерженную банши. Правда вот спесь с нее медленно спадала и до обозленного сознания стало доходить, что такое действие повлечет за собой расплату. Кажется, я даже хотел крикнуть ей бежать, прятаться, и, возможно, побриться и уйти в монастырь, чтобы Шот простила ее грехи и не убивала. Но слова застряли в горле, когда я снова посмотрел на новенькую. Каждый раз, когда я смотрел на нее, она была прекрасна. Когда она проходила мимо по коридору, когда однажды мне удалось увидеть кусок ее танца за прозрачными дверьми танцевального класса. Когда она заливисто смеялась с друзьями или спала на коленях у своей подруги. Но прямо сейчас я почувствовал, что все эти сворованные у нее моменты были цветочками. А ягодки посыпались прямо сейчас. Передо мной стояла великолепная девушка, на ее губах играла холодная, саркастическая усмешка. Взгляд был гневный, но не злой, как у обычных людей, а будто ледяной. Обжигающе ледяной. Она медленно подняла руку и, отерев большим пальцем каплю с виска, также медленно облизала его. Затем снова посмотрела на Барбару, с неувядающей недоброй улыбкой:

— Кофе. Я, блять, ненавижу кофе.

Она сделала шаг по направлению к Барби, ее подруга с беспокойством попыталась зацепить ее рукав, но девушка лишь отмахнулась.

— Не бойся, Лиз, за убийство в состоянии аффекта срок не дают. — Зло прошипела она и снова посмотрела на Барби. — Ты хочешь сказать что-то, прежде чем я тебя убью?

Саманта медленно, шаг за шагом, как хищница, сероглазая волчица нашей академии, приближалась к своей жертве.

Барбара сглотнула, сделала неловкий шаг назад. Нервно оглянувшись, она поняла, что от подруг помощи не дождешься. Алисия и Джейн выглядят как олени на дороге, выхваченные светом фар. А вот Саманта была той самой спортивной тачкой, под колеса которой им суждено угодить.

— Я... Я говорила тебе держаться подальше от Беркута! Ты для него — мелкая сошка! Гребаная выскочка! — Барбару опять понесло, кажется, у ее шока, закрывающего инстинкты самосохранения, открылось второе дыхание. И, судя по всему, кто-то очень упорно копал под новенькую. — Кто ты вообще такая? Про тебя никто ничего не знает! Ни в социальных сетях, нигде — ни слова! Досье — белое! И только хвостом вертишь! Перед Беркутом, перед Поэтом! Не много ли ты на себя взяла?! Одеваешься как в армии, манеры как у воровки! Неудивительно, что ты живешь с подругой, может, родители от тебя отказались?! О! Или вы

лесбиянки?! Или...

Еще один вариант рот Барбары предоставить не успел, потому что в него врезался кулак Саманты. Как она оказалась рядом, я даже не заметил, будто смотрел кино с вырезанным кадром. Она просто выросла перед блондинкой и с размаху ударила ее прямо в лицо. Но на этом девушка не остановилась, более того, она даже не дала Барбаре упасть, подхватывая пошатнувшуюся блондинку за плечо и ударяя второй раз. Так. Пора это прекращать.

Пока я бежал к ним, перепрыгивая через мраморные ступени, Саманта все же позволила Барбаре упасть на пол. Точнее, каким-то движением повалила ее на живот и сама села сверху. Она резко взяла ее за волосы и оттянула их вверх. Барбара скривилась от боли. Шот наклонилась к ней, на голову Барби с ее лица стекали кофейные капли. Прямо в ухо девушки Сэм яростно и достаточно громко зашептала:

— Ты. — Ее рука сильнее сжалась, грозясь вырвать белые волосы вместе со скальпом. — Злобная мразь. Золотая девочка, привыкшая получать все и сразу, ищущая проблему в сломанном ногте и помыкающая своим окружением. Ты не знаешь горя, но тебе все мало. Запомни, Барбара Рид, один раз и на всю жизнь, я ненавижу таких тварей как ты, так что, умоляю, просто дай мне повод...

Саманта не стала уточнять, что будет, если у нее появится «повод», но лично я этого знать не хотел. Я уже собирался наклониться к девушке, чтобы поднять ее, как передо мной выросла мужская спина.

Поэт, который постоянно находился рядом с Хэйс, взял ее за плечи. Затем он положил свою руку на сжатую ладонь девушки и мягко заставил отпустить волосы Барби. Та, не отрывая взгляда от своей жертвы, будто борясь с тем, чтобы довершить начатое, все же позволила Маккарти поднять себя.

— Я в порядке. — Бросила она ему. Посмотрев на стоявшего рядом меня, она лишь усмехнулась. — Бу, Беркут.

И что это значит?

— Слушай, я ее боюсь. — Проговорил Джонсон, выросший откуда-то сбоку, и смотря вслед удаляющейся паре.

— Ты спятил? — Возмутился я, глядя в том же направлении. — Это просто девчонка. Дерзкая, злая, красивая, похоже, сумасшедшая, но все-таки девушка!

К Барби уже пришла запоздалая помощь, жить она будет. А я же задумчиво прислушался к внутреннему «я» и его реакции на то, как любовно придерживает Шот за талию Поэт. Не то чтобы этот парень мог стать для меня помехой или конкурентом. Не думаю, что у Шот к нему может быть что-то помимо дружбы. Но все-таки какой-то отголосок ревности во мне зазвенел, и это было неожиданно. Давно я не чувствовал ничего подобного. Кажется, я вообще ничего не чувствовал до того, как встретил Саманту Хэйс. И я это чувство точно не упущу.

Дэниэл

Если я догадывался, что эта девушка невменяема, то теперь я был в этом уверен на 100 %. Я не подоспел на начало спектакля, но то, как Сэм накинулась на Барби, застать успел.

— И почему ты так разозлилась?

— Давай не будем об этом вспоминать? А то вспомню, и разозлюсь заново.

— Запах орехового кофе от твоих волос как-то с этим связан?

Она хихикнула:

— Подозрительная прозорливость, Шерлок. И как вы сложили 2 плюс 2?

— Это же элементарно, Ватсон!

— Просто я ненавижу кофе. И сладкое. А это было и кофе, и сладкое. Ясное дело, я расстроилась. Дальше все как в тумане, очнулась уже на блондинки, а в руке — ее патлы.

Девушка сложила руки в замок и вытянулась вверх, разминая тело. Весь ее вид выражал крайнюю степень удовлетворения.

— Черт, противно. — Пробормотала она, разглядывая мокрые пряди и плечи. — Я вообще хоть в один день сухой из этих стен выйду?

— Миссия невыполнима. — Сказала Элизабет, бумажными салфетками вытирая лицо подруги.

— Почему у меня такое впечатление, что ты до жути довольна происходящим? — С опаской поинтересовался я.

— Потому что у тебя сильный ум и хорошо развитая интуиция. — Широко улыбнулась девушка. Ну вот, что и требовалось доказать. Она просто счастлива, что удалось с кем-то подраться. Ненормальная. Я покачал головой. — Да брось, Дэниэл, с этой швабры надо было сбить спесь. А я размялась. Все в плюсе. Закон кармы восторжествовал.

— Саманта! — Мой голос прозвучал злее, чем я хотел. Но я действительно закипал. — Ты хотя бы осознаешь, что ты девушка?!

— И что это значит? Что мне надо было в ответ вылить на нее клубничный обезжиренный йогурт? Это достаточно женственно?

— Нет, не надо было. Но также не надо на все отвечать кулаками. Не надо кидать на парней, пусть и идиотов, в школьных коридорах. Не надо приходить в мужскую раздевалку. Не надо пытаться нажать себе проблем, избивая местную приму у всех на глазах. Ты не всегда можешь оказаться сильнее. И если с тобой что-нибудь...

— Всегда. — Рывкнула Хэйс, перебивая меня. — Я всегда сильнее. И со мной ничего не случится. А даже если случится, ты мне никто, чтобы об этом беспокоится.

Я молча смотрел на девушку. Ее слова оказались в стократ больнее, чем если бы она ударила и меня. Она была права, мы никто друг другу. Но так ли это на самом деле? Только полный дурак станет отрицать, что между нами что-то происходит. А я дураком не был. Разве что лишился остатков разума, когда на меня смотрела пара этих глаз, цвета хмурого осеннего неба Бродер-Сити.

— Ты так считаешь?

Ее глаза забегали, девушке явно стало неуютно от моего вопроса.

— Что?

— Мы друг другу никто?

Она нерешительно посмотрела на подругу. Та тактично ретировалась, ища что-то в своей безразмерной сумке и оставляя нас наедине. «Спасибо» от меня, и явное «неспасибо» от Саманты.

— Дэниэл, сейчас не время и не место...

— Ох, так значит. Прости, сложно уловить момент в твоём плотном графике. Ты же постоянно хочешь выбить из кого-то мозги. Хотя, я знаю, что тебе понравится. Может, придешь в раздевалку? Если тебе будет приятнее, я даже разденусь и встану под душ. Это место тебе подходит?

— Ты несешь бред. — Прощаю девушку сквозь зубы, начиная закипать.

— А ты бредово ведешь себя! Я не понимаю тебя, Саманта! То ты ходишь в одном белье, то бегаешь от меня, то ненавидишь мою лучшую подругу, то заигрываешь с Беркутом! То ты одна сплошная загадка, то вдруг раскрываешься передо мной, и, кажется, что я знаю тебя всю свою жизнь и ты самый искренний человек в мире! Мы постоянно ходим с тобой на грани, и я устал от этого. У меня голова кругом идет, я спать не могу! Мне сны никогда не снились, а теперь сновидения приходят ко мне каждую ночь, и знаешь, кто играет в них главную роль?

Она молчала, конечно, она знала. Саманта Хэйс всегда все знает. Только вот окружающие ее люди ни черта не знают и могут только догадываться, что там в ее голове.

Меня же уже понесло, и я продолжал:

— Беркут очень верное прозвище тебе дал, Шот. С тобой общаться — это как играть в русскую рулетку. Ты не знаешь, какой патрон в барабане заряжен и может выстрелить. И самое страшное, что раньше я бы в жизни не взял в руки чертов ствол, но с тобой я готов нажимать на курок снова и снова, лишь бы не прекращать тебя видеть. И даже пуля в виске не будет достаточным поводом остановиться.

Сердце барабанило как бешеное, в запале я подошел максимально близко к девушке и видел каждую ее ресничку. Лучше бы не видел. Глаза Саманты, только что расширенные, какие-то суеверно испуганные, неожиданно закрылись. А когда она открыла их, они были наполнены мрачной решимостью и гребаным безразличием. И я уже видел такое. Девушка будто надевала восковую маску. Раз — и взмахом ресниц переключала эмоции. Поэтому я был готов к ее злым словам. Почти.

— У нас несостыковочка, Дэниэл. Я ничего тебе не обещала. Вообще-то, я просто развлекалась. Такое бывает. И тебе стоит сразу понять: ты меня не интересуешь в этом плане. Меня вообще никто не интересуется.

— Да что ты? А как же Беркут? Или ты повелась на богатенького принца Броудер-Сити? Решила стать первой леди? Да только вряд ли тебе дадут место выше наложницы, и потом ты....

Звук пощечины заставил обернуться некоторых студентов, точнее ту часть, которую наш скандал до сих пор не привлек. Кажется, на этой неделе им будет о чем пообщаться. След от удара женской ладони ощутимо разгорался на моей левой щеке.

— Не жди извинений. — Холодно сказала девушка.

— Они мне к черту не нужны. — Ответил я.

Девушка бросила на меня еще один взгляд, и, развернувшись на каблуках, пошла в сторону главных ворот. Как всегда: статная и гордая, смотря прямо перед собой. Ни разу не видел, чтобы Саманта смотрела себе под ноги или по сторонам, на людей, смотрящих на нее. Почему я не побежал и не остановил ее? Дайте подумать. Наверное потому, что не был до конца уверен, чего я хочу больше, прижать девушку к груди или убить к чертовой матери. И да, такие чувства тоже были мне чужды. Раньше.

Прямо сейчас я просто смотрел на ее удаляющуюся спину. Саманта Хэйс оставила меня позади, со сцепленными зубами, сжатыми кулаками и бессильной, закипающей внутри злобой. Она горела у меня в груди. Но кажется, это все же не ненависть. Это чертова любовь.

Глава 10. Полет беркута

Глава 10. Полет беркута

Саманта

— Алло... — Сонно пробормотала я в телефонную трубку.

— Привет, Шот!

— Я устрою тебе хедшот*, если ты не прекратишь звонить мне.

— Ты такая грубая!

— Сейчас... — Я протерла усталые глаза и посмотрела на экран телефона, на секунду от него оторвавшись. — 5 утра! И суббота! В это время суток я способна только на одно действие: убивать.

— Тогда мне следует позвонить копам и намекнуть, откуда скоро надо будет забрать людские тела. Или это сделаешь ты, как святоша?

— Не буду я делать за фараонов их работу! — Искренне возмутилась я, вызвав у парня смех. Я громко зевнула, даже не собираясь маскировать этот звук под нечто иное. — Позволь поинтересоваться, что же мистер-обаяние, граф-популярность, король-всех-глянцевых-обложек, принц-терпеть-тебя-не-могу-Томас хочет от меня в столь раннее время?

— Сколько титулов! Я польщен! Мое высочество позвонило напомнить, что у нас сегодня свидание.

— Я могла бы прожить без этого напоминания.

— То есть ты придешь?

— А почему нет?

— Ну, тот случай... Ты так и не дала шанса объясниться.

— Я же говорила тебе, что держу обещания.

— А еще ты говорила, что ненавидишь меня.

— Одно не исключает другое...

— Так значит... До встречи?

— Да, до встречи.

Запомнили этот диалог? Так вот. Он, в более-менее разных вариациях, повторялся каждый, гребаный, час. Парень решил проверить, не передумала ли я. Я не передумала, он был мне нужен. Но не скажешь же этого ему? Просто то, что: «я — причина, по которой твой папочка плохо спит, срывается на коллег, начинает бредить и то ли еще будет» — не тема для разговора на первом свидании. Да и на втором об этом не пообщаешься. Буду полностью откровенна, о таком не стоит рассказывать даже на Золотой свадьбе.

Прямо сейчас я, как пример пунктуальности, стояла рядом со статуей в виде двух счастливых детей. Передом мной разлилось и отливало серебром знаменитое озеро Пич-Лэйк — любимое место для кормления уток и лебедей у всех жителей Броудер-Сити. Казалось, что это озеро скоро начнет покрываться ледяной коркой, а этот петух оципаный, то есть, я хотела сказать, Беркут, нагло опаздывал. И стоило доводить меня звонками весь день? Говорила же, что не люблю звонки. Смс. Лучше смс.

— Ты все-таки пришла! — Воскликнул мужской голос за моей спиной. Обернувшись, я обнаружила там нечто в черной кепке, черных Ray-Ban (Наверняка дорогих и из последней коллекции, проблема в том, что у Ray-Ban все коллекции одинаковые...) и сером огромном снуде, замотанном до носа.

— Да, и даже не опоздала. В отличии от тебя.

— Ты сама выбрала такое местечко! Надо было найти место для парковки.

Я еще раз окинула взглядом парня. На самом деле, в целом он выглядел очень даже стильно. Но кто я такая, чтобы отказывать себе в удовольствии выплюнуть порцию сарказма?

— Знаешь, если бы я частенько проверяю погода за окном по количеству одежды на прохожих. Так вот, если бы я увидела на улице тебя, то очень бы растерялась: сейчас тепло для очков и кепки, или холодно для снуда? Да и Хэллоуин уже закончился, спешу тебе сообщить.

— Ты така-ая злю-юка! Я подарю тебе термометр, чтобы ты не впала в растерянность. Пошли, я тебя чем-нибудь накормлю для начала. Вкусная еда повышает настроение! А моя маскировка для того, чтобы никто не нарушил наше свидание.

— То есть наплыва бешеных фанаток и папарацци не предвидится? Ну, вот. А я думала, будет весело.

— Будет, обещаю. Ох, у нас настоящее свидание! Гляди, у меня даже ладошки вспотели от волнения. — Парень сунул мне руки, заставляя с громким «Фу» отпрыгнуть. — Эй, я шучу! Про ладошки, не про то, что я волнуюсь.

— Великий Томас Кейн, гроза моделей, страшится прогулки со школьницей? — Я выразительно посмотрела на парня, показывая мимикой, что не верю ни одному его слову.

— Журнальные статьи многое преувеличивают. Но в любом случае, ты себя видела? У любого адекватного человека затрясутся поджилки, а я вполне себе вменяем.

Я прыснула. Ну да, я оделась очень даже для свидания. В моем понимании. Черные колготки с имитацией чулок, платье-туника с асимметричным подолом, и парка, которая оказалась длиннее этого платья. Конечно, в армейском стиле: кожаные рукава и выцветший, будто сваренный цвет хаки на весь остальной материал. Дело в том, что мне еще предстояло превратиться из разбойницы в принцессу, так что пусть терпит.

Томас Кейн выполнил свое обещание. Этот день был веселым, парень постоянно смешил меня, стойко переносил прелести моего характера и даже фанатки были! Просто all inclusive!

Эта сцена также меня позабавила. Мы были в зоопарке. Представляете? Зоопарк! Не то чтобы я животных не видела, но я была приятно удивлена, что Томас выбрал не пафосное местечко, в которое трудно пробиться даже по записи за месяц, чтобы покорить меня размером своего влияние и кошелька. Так, сначала это было уютное кафе с божественным запахом выпечки, заставившим меня вспомнить, что нормально я не ела уже несколько дней. Я с нескрываемым удовольствием проглотила два огромных куска лоранского пирога по совету парня. И пункт второй — Зоопарк. Во время прогулки он избавился от амуниции и развлекал меня тем, что пытался привлечь внимание местных животных. Звери отвечали на его усилия с завидным спокойствием. Я же заливалась смехом глядя на потуги парня. В

данный момент Томас внимательно рассматривал одного из пушистых представителей местной фауны.

— Ты не находишь, что этот енот какой-то странный? Может, он болеет?

— Наверное, он странный потому, что это не енот, а енотовидная собака.

— Все то ты знаешь! Вот откуда она все знает? — Спросил парень у пушистика в клетке. Я молча ткнула в табличку с пояснениями, прибитую рядом с клеткой: «Енотовидная собака. Относится к семейству псовые. Обитает в восточных районах Азии и на большей части Европы...»

— Ох. Вот оно что. — Парень выдал мне мальчишескую улыбку, заставляя улыбнуться в ответ. Вообще, Томас явно получал глобальное удовольствие от этого дня. Он вел себя как обычный подросток, смешливый, улыбчивый и да, местами озабоченный! Но все же — подросток. И чем шире он улыбался, тем больше на моей душе скребли кошки.

— Слушай. — Неожиданно вспомнила я. — Ты сказал, что сочинил ту песню про меня. Это так? Или желал произвести впечатление?

— Дважды «да». Это так, и я хотел произвести впечатление.

— Но ты даже не знал меня!

— Не обязательно знать человека, чтобы получить от него порцию вдохновения. Я просто наблюдал за тобой. В коридорах, столовой, спортивном зале... И вот.

— Ты что, сталкер? — Хмыкнула я. — И номер твой выяснил. Месье любит извращения?

— Ну нет, под окнами я не стоял. А что, понравилась? Песня.

— Ну... Да... Ведь я же здесь?

— Почему так неуверенно?

— Потому что, если честно, я думала, что если парень посвятит мне песню, там будет что-то в стиле: «Стерва, вымотала мне все нервы. Какая же ты все-таки стерва. Стерва. Стерва». — Я сделал вид, что упоенно играю на гитаре. Томас громко расхохотался.

— О, так и было изначально! Это просто черновой вариант моей песни!

Я хлопнула смеющегося парня по плечу, когда услышала инородный голос за ним.

— О боже мой! — Я посмотрела за парня: рядом с ним стояли две девушки. Обе брюнетки, даже чем-то похожие друг на друга. Может, сестры? — Боже мой! Вы же тот, о ком я подумала?

— Ты будешь разочарована, но твои мысли не транслируются для всех окружающих и я понятия не имею о чем ты там подумала. — Проворчал Кейн и, натягивая свой хомут, взял меня за руку, уводя от звереныша семейства псовых и девушек, молча застывших как два суслика рядом с клеткой.

— Это было не грубо? Нельзя так с фанатами. — Спросила я. Томас все еще сжимал мою руку, и я не стала ее убирать. Парень задумчиво смотрел по сторонам.

Затем он остановился у одной из птичьих клеток. За ней оказался красавец-беркут. Хищная птица смотрелась такой одинокой в неволе. Такие должны статно возвышаться над миром, бороздя небесные просторы, а не сидеть в маленьких клетушка. Томас внимательно смотрел на него. Как-то необдуманно, будто на автомате, он стал гладить большим пальцем мою ладонь.

— Я так тебе завидую Сэм. Я завидую твоей безграничной свободе. Ты просто излучаешь ее, как будто ты — ветер. Или птица. Прекрасная птица. И ты летишь туда, куда хочешь, выбирая свой путь... Единственное, что я сам выбрал в своей жизни, это моя группа.

Музыка — все что у меня есть. И из нас двоих беркутом, каким я хотел бы быть, наверняка можно назвать скорее тебя. Я же похож на эту птицу в клетке. Только моя еще и золотая... — Он повернулся ко мне лицом. — Наверное я сейчас скажу бред... Но с тобой мне так просто говорить по душам, как будто мы знакомы очень давно... Ты просто как маленький тайфун, ворвавшийся в двери академии и поменявший жизнь людей, которых коснулась. И в лучшую, и в худшую сторону. Не надо кривить свое хорошенькое личико, посмотри сама: Барби заткнула, Кудри тоже, ты просто кумир девушек, и, кажется, теперь они пишут в тетрадка не мое, а твое имя. Поэт преобразился, недавно он так далеко и красиво послал в раздевалке Думсея, что я еще часа три смеялся. Говорят, он также что-то сделал с Джошем-Кудри. Что, ты не знала? Ну, может — слухи. О, и я видел Старосту с короткими волосами. И в академии стало много людей в форме, к которой они что-то добавляют от себя. Не замечала? Не удивительно, ты же не смотришь по сторонам. Да и я... Знаешь, все из нас хотят быть кем-то, кем нужно. Оправдать ожидания семьи или друзей, а может — общества, людей, которым нам совсем безразличны. Но не ты. Ты — полная противоположность массы. Ты — это ты на все 100 %. И наверное поэтому людей к тебе так тянет. И наверное поэтому я сам втянулся в этот водоворот и, кажется, я уже тону.

С этими словами парень склонился к моему лицу. Его жаркое дыхание коснулось моей кожи, а холодные пальцы — щек. Медленно он коснулся моих губ, увлекая меня в плавном и нежном поцелуе. Его дыхание было теплым, а губы — холодными.

Когда парень отстранился, его глаза светились изнутри, а губы улыбались мне, открыто и беззаботно:

— Хедшот, Саманта. Ты его сделала.

Еще нет, Томас. Еще нет.

— Скоро концерт. Ты придешь?

— Да, я ведь завела себе подопытного.

— Поэт?

— Именно...

Мы стояли у моего дома. Томас привез меня уже в глубокие сумерки. Он держал мои руки в своих и смотрел на них.

— Слушай, не подумай лишнего... Но... Что у тебя с Поэтом?

— А тебя это разве касается? — Я так быстро ошетибилась, что сама от себя не ожидала. Мои руки моментально оказались в глубоких квадратных карманах моей парки, вместо ладоней парня. Тот поджал губы и вскинул брови.

— Просто не уверен, что мне подойдут рога.

— Да? У тебя такое харизматичное лицо, Томми, думаю, к нему все пойдет.

— Сэм. Я серьезно.

— Минуточку, Кейн. Будь легче на поворотах. Чтобы наставить тебе рога, тебе следует стать моим парнем. А это не так. Так что где я, с кем я, что я делаю — не твоего ума дело.

— Оу, даже так? То есть ты со всем целуешься по несколько часов кряду?

— А ты, можно подумать, так не делал.

— Вот именно, Саманта. В прошедшем времени.

— Та быстро не меняются.

— Меняются, когда есть стимул.

— Да? И что случилось?

— Ты! Ты случилась! Дурочка. — Парень снова взял мое лицо в свои руки и, подняв его за подбородок, заставил посмотреть в свои зеленые глаза. — Ты что, меня не слушала сегодня совсем?

— Слушала. — Но лучше бы мне всего этого не слышать. И видеть эти бесконечно искренние глаза я тоже не хочу. Не хочу. Не хочу!

Я отвернулась.

— Мы с Дэниэлом друзья. Не верь сплетникам.

— Хорошо. — Он взял меня за подбородок и повернул к себе. — Потому что я не намерен тебя отпускать, Шот.

Как только я оказалась в своей комнате, звучно захлопнув за собой дверь, обиженно задрожавшую за моей спиной, я упала на колени и часто-часто задышала. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох, вдох, вдох! Кислорода не хватало, и я чувствовала, что откуда-то отовсюду: из головы, из живота, из кончиков пальцев, во мне собирается истерика. Она подступала, как штормовая волна, накрывала меня с головой. Сердце в грудной клетке начало жечь, как будто ее вспороли и щедро присыпали его солью. Жар накрыл и мое лицо, к нему подступила кровь. В ушах зашумело, и я бы не удивилась, если бы из носа покапали красные капли. На мой чертов безупречный ковер. Я с силой вцепилась руками в его ворс, а затем уткнулась и мокрым лбом. Все тело вспотело. Я резко дернулась, и как зависимый человек, безумно уставилась на комод. Нет, нельзя. Нет.

И я заорала. Я закричала надрывно, до боли в горле. Громко и отчаянно, как дикое животное. Это был поистине душераздирающий вопль, и как неприятно понимать, что на части рвало именно мою душу.

Чем сильнее горели мои губы, зацелованный Томасом, тем сильнее я хотела кричать. Никогда так сильно мне не хотелось убежать. Сбежать, раствориться, забить на все. Но мои глаза выхватили из туманного пространства кое-что, что не дает мне убежать. Ни сейчас. Я так долго это все планировала. Так долго к этому шла. Я не могу подвести их. Не могу. Я вцепилась левой рукой за то, что дало эти мысли. Мой браслет. Тонкая блестящая цепочка с изящным плетением. Подарок родителей. Подвески выбирали Роберт и Роберта. Крестик — от сестры, чтобы я всегда была под его защитой. Заяц — от Роба. Для его Зайчишки-Сэми. Маленькой милой сестренки.

Да, я не могу сбежать. Но могу кое-что другое. Я на коленях подползла к сундуку, с силой откинула его крышку, ударив той о кровать. Не заботясь об аккуратности, я вытянула верхнюю полку. Вот оно. Мелко дрожащими руками я схватила черные перчатки и натянула их. Осторожность прежде всего. Всегда. Затем я схватила один из пузырьков. Таким мне знакомых. Высыпав на ладонь две белые таблетки, красивые, блестящие, как мятные леденцы, покрытые глазурью, я посмотрела на них. В голове набатом звучали успокаивающие мысли: это всего лишь успокаивающие транквилизаторы. Пусть и наркотики, но успокаивающие. Всего лишь... Всего лишь...

Я поднесла таблетки ко рту, шумной дыша. Дотронулась до них губами. Господи, как же приятно.

— Нет!

С еще более пронзительным криком я затрясла своей рукой, стряхивая с нее вожделенные таблетки. Я зажмурилась и с силой закусил губу, почувствовав вкус железа. Вкусно, черт возьми. Я бросила таблетки на пол, позволяя им высыпаться из банки и рассыпаться по ковру. Белое на белом.

Затем я вскочила, рванула к полке, скинула с нее все, что там стояло. Чашка с остатком чая, рамка с фотографией меня и Элизабет на фоне пальм и голубого океана, шкатулка для колец — все это со звоном упало на пол. Но этого так мало! Я рванула на себя выдвижную полку, с корнем выдирая ее из комода, бросая на пол. Затем вторую. Третью. Кончились. Я вытерла лоб. Мне срочно нужно что-то, хоть что-то.

Мое окно как всегда было открыто, и холодный ветер, ворвавшийся сквозь легкую занавеску, охладил мою кожу. Точно.

Я подошла к окну и сильнее его раскрыла. Это не самое лучшее, но хоть что-то, верно? Я забралась на подоконник и поняла, что мои колени дрожат. Не от страха, тут всего-то второй этаж. Просто меня всю трясло. Вцепившись в верхнюю раму, я вытащила свое тело наружу. С удовольствием втянула в легкие холодный ночной воздух, глубоко, до саднящего чувства внутри. Подтянувшись на руках, я подняла себя наверх, на крышу. Локти скользнули, не желая принимать устойчивое положение. Черт. Справившись с этим препятствием от собственного тела, я забралась на крышу. Стройные ряды черепицы сужались кверху и ступать по ним было неудобно. И это то, что мне было нужно. Я чуть постояла на коленях, а затем осторожно выпрямилась. Шаг вверх, еще шаг, еще шаг... По самым неустойчивым черепицам. По самым опасным местам. Да.

Я подняла голову вверх и посмотрела на небо. Темное, уже украшенное неяркими звездами. Один неловкий шаг и я смогу проверить, есть ли там жизнь. На небе. Есть ли ангелы. Есть ли Бог. Если он есть, почему он допустил все это? Почему забрал к себе Роберту? Говорят, что Бог забирает лучших. Какой бред и какая ересь. Я сделала еще несколько шагов по крыше, не отрывая взгляд от темноты надо мной. Левая нога соскользнула, меня зашатало, заставляя взмахнуть руками, как крыльями, удерживая равновесие. Это сравнение заставило меня улыбнуться, а затем и вовсе расхохотаться.

— Ты птица, Сэм. Ты — беркут. Ты — хищная и свободная птица. — Вспоминая слова Томаса я снова захохотала. Томас, это все из-за тебя. Если бы ты только не был хорошим человеком. Виноваты ли сыновья за грехи отцов? Не знаю. Но уже поздно искать ответ на этот вопрос. Умеете ли вы ослепленно ненавидеть? Я думала, что умею. Но я ошибалась.

А еще, это все из-за тебя, Поэт. Мои лучшие истерики посвящены тебе.

Умеете ли вы ослепленно любить? Я думала, что не умею. Но я снова ошибалась.

Как много ошибок, Саманта. Как много.

*Хедшот — прямое попадание в голову. В игре при убийстве обозначается головой, с патроном внутри.

Глава 11. Твоя паутина

Глава 11. Твоя паутина

Элизабет

— Ты уверена, что хочешь пойти в академию?

— Я была уверена еще вчера, кто виноват, что в тебе включился ген курицы-наседки?

— Ты назвала меня курицей?! Да если бы не я, ты бы окоченела и свалилась с крыши!

Или того хуже!

— Вот, ты опять раскудахталась... Ко-ко-ко.

Я уперла руки в бока, исподлобья смотря на подругу, но поняла, что так мои руки похожи на цыплячьи крылышки, и быстро скрестила их на груди. Саманте только дай повод для сравнения. Не надо кормить тролля.

— Ты невыносима! Серьезно!

— Хватит на сегодня комплиментов, я боюсь захлебнуться в океане себялюбия...

Я лишь закатила глаза и прошла вслед за вошедшей в главные ворота девушкой. Каждый раз восхищалась величественными воротами, приводящими на территорию srART, они были похожи на сказочные... Ну, знаете, что-то в стиле «Красавицы и чудовища». Заходишь, и чувствуешь себя Белль, идущей на встречу неприятностям. Я посмотрела в сторону стройных рядов бежевых скамеек. Оп, а вот и чудовище в моей сказке нарисовалось. Погодите...

— Это что еще за фокусы? — Нахмурилась я, смотря за тем, как рыжий засранец Питер и его дружок Дэниэл сидят на лавочке. Что удивительного, спросите вы? Ну, например то, что на коленях Ведьмы сидела какая-то художавая швабра! Дэниэл же тоже сумел удивить, он вполне приятно беседовал, если не ворковал, с девчонкой из группы поддержки. Однако. Здравствуй. Стоило парню снять очки и здравствуй распутная жизнь?! Но сейчас меня больше интересовал второй парень. Его рыжая голова стала для меня как для быка красная тряпка. — Ты это видишь?! Или у меня глюки?!

Я еще раз прищурилась, будто мое идеальное зрением может меня обманывать. Увы, нет. Я видела то, что видела.

Саманта посмотрела из-за моего плеча на сие действие, но никак его не прокомментировала. Лишь брови девушки чуть приподнялись. А вот глаза... Глаза моей подруги отразили весь спектр эмоций, оставляя мимику каменной. Кажется, они даже потемнели. Брр.

Молчание подруги меня бесило сильнее, чем если бы она материлась как сапожница.

— Ну, ладно. — Я сделала два шага по направлению к академии, но затем, издав что-то, похожее на рычание, резко повернула налево и быстрым шагом пошла по направлению к заветной лавке.

Подойдя к романтическому квартету, я зло посмотрела на Питера. Во мне все буквально заклокотало, когда он, отсмеявшись над чем-то, сказанным девчонкой, посмотрел на меня голубыми глазами. Они были такие светлые. И красивые.

— Привет, Лиззи, как настроение? Прогуливали вчера? — Питер чувствовал себя очень и очень комфортно, придерживая девчонку за бедра на своих ногах. Еще секунда и я стащу ее прямо за волосы. Или скажу Саманте «фас», она, бедная, совсем без экстрима чахнет.

— А ты что, успел соскучиться?

— Ну, как тебе сказать... Скучно убирать теннисные мячи в подсобке в гордом одиночестве. Но я попросил Сару и она мне помогла. — Он кивнул на хихикнущую девушку с темными волосами и непрокрашенными корнями цвета ржавчины. Теннисные мячи? С ней? Ох, надеюсь это не то, о чем я думаю.

Краска прилила к моему лицу. Я сильнее вцепилась в ручку сумки «Биркин» цвета горчицы. Это самый модный цвет сезона, и если я испорчу ее, я убью парня. Хотя, я в любом случае убью рыжего, но сначала...

— Ты. — Бросила я пигалице. — Вон.

Та хмыкнула:

— И тебе привет, Пинки. — Пинки?! Не говорите, что меня тоже наделили прозвищем! — С чего это я должна... — Ее взгляд переключался с меня за мое левое плечо. Я оглянулась, ну, конечно, к нам не спеша подошла Саманта. Сара явно опешила, и уставилась на нее как кролик на удава. Поразительно! Моя подруга ниже меня на пол головы, а внушает всем вселенский ужас одним своим видом! Дайте платочек, я утру слезки гордости.

— Кыш. — Бросила Саманта. Девушек (Обеих!) как ветром сдуло! И так все просто! Потом Сэм кинула скучающий взгляд с меня на Ведьму. — Вы пообщайтесь, а я пойду.

Подруга, даже не посмотрев в сторону Дэниэла, развернулась и пошла к главному входу в академию. Поэт, глянув на нас, тоже поднялся и пошел за Сэм. Перед этим он ободряющего хлопнул друга по плечу.

Питер лишь хмыкнул и, расставив ноги на мужской манер, вальяжно откинулся на спинку скамьи.

— Какие-то проблемы, Стоун?

— Что ты, совсем никаких! Разве что я не хочу подцепить букет заразы от парня, который спит со всеми подряд!

— Я не сплю со всеми подряд. Только с теми, кто непротив.

— Ах ты!.. — Я неловко попыталась дать ему пощечину, но тот перехватил мою руку и рывком усадил на свои колени. — Пусти меня немедленно, чертов кабель! Я не буду сидеть там, где сидел тощий зад твоей шлюхи!

— Тише, тише, хватит брыкаться, у тебя юбка задирается. Я не против, но вот остальные... — Я прекратила вырываться из его медвежьих объятий, как минимум потому, что это было контрпродуктивно и даже нереально для такого хилака как я.

— Отпусти меня. — Прошипела я.

— Отпущу. Тогда, когда буду уверен, что ты не попытаешься меня убить.

— Оу, да? Ну, тебе придется держать меня вечно!

— Меня устраивает. — Заявил наглый парень. — А теперь, когда ты обездвижена, скажи, что тебя не устраивает, Элизабет?

Я повернулась к нему лицом. Оно было близко-близко. Совсем близко.

— В смысле?

— Почему ты завелась, если «у нас с тобой только секс», «тебе не надо ничего более», и так далее, и тому подобное.

Он просто убивал меня цитатами. Моими цитатами. Я покраснела и поджала губы, отвернувшись к школе. Питер ткнул меня носом в шею.

— Эй. Повернись.

Я повиновалась.

— Мы знакомы не так давно, но ты уже конкретно засела у меня в голове. И в печенках. — Парень усмехнулся, а я обиженно ткнула его локтем, надеясь попасть в эту самую печень.

— Сам такой хороший, Ведьма. Таких на костре сжигали раньше, чтобы ты знал...

— Ты ревновала? — От вопроса в лоб я покраснела до самых пяток. А от осознания ответа, побледнела. Ну конечно, я ревновала! Я чертовски ревновала! Я... Да я с того момента как повисла на Питере после вечеринки боялась признать себе, что парень меня зацепил. А потом пыталась уговорить себя, что это просто влечение. Секс. Но это все был самообман. Я закусила губу, чтобы не заплакать.

— Лизабет. — Я снова посмотрела на Питера. Обычно веселый парень смотрел на меня неожиданно серьезно. — Я задам тебе этот вопрос один раз. Хочешь быть моей девушкой?

Я замерла, а мое сердце, наоборот, стало стучать быстрее. Кажется, оно азбукой морзе выбивало: «Да, да, да, да, да!». И кто я такая, чтобы его послушаться? Пусть я могу пожалеть. Но сейчас...

— Да, Питер.

Дэниэл

— Твоя подруга не оставит меня без лучшего друга? — Я догнал Сэм на подходе к академии. Девушка и бровью не повела в мою сторону.

— Вряд ли. Она же не варвар. Но вот отрезать что-нибудь вполне может.

— Она пронесла на территорию школы нож?

— Нет, справится пилочкой для ногтей.

— Сэми, я... — Я приостановился у одного из голых деревьев и взял девушку за плечо, но она нервно дернула им и поморщилась, будто от боли. Или от того, что ей противно. Увидев ее жест, я холодно усмехнулся.

— Что, до тебя теперь и дотронуться нельзя?

— Отчего же? Можно. Но как это понравится той чирлидерше? У меня и так врагов вагон и тележка, не хочу добавлять еще и группу поддержки.

— Боюсь, ты и так это сделала. Там каждая вторая влюблена в твоего знаменитого парня.

— А ты, значит, решил ее утешить? Странно, что она не появилась раньше, до того, как ты стал похож на человека.

— Лучше поздно, чем никогда. И никого я не утешал. Да и Питер. Мы просто хотели...

Она усмехнулась и покачала головой, прислонившись спиной к стволу и прямо смотря на меня:

— Поверить не могу... Вы хотели? Знаю я, чего вы, парни, хотите. Это не правильно Дэниэл.

Я также скрестил руки, принимая ее правила игры и тон, с улыбкой посмотрел на девушку:

— Не правильно?.. Слышать от тебя рассуждения о правильности? Это смешно, Хэйс.

Сэм тряхнула волосами и с вызовом уставилась на меня:

— Почему нет? Разве я что-то делаю не так? Или я хожу и совращаю учеников Академии? Мм? Даже интересно.

Я медленно приблизился к ней и поставил руки по обе стороны от ее головы. Сзади дерево, бежать ей некуда. Хватит, добегалась.

— Если ты ни с кем не заигрываешь напрямую, это не значит, что на тебя не обращают внимание.

— Мне плевать.

— Знаю. Но ты наивна, при всей своей показной дерзости. Я боюсь за тебя.

— Ты? Боишься? С каких пор ты стал мне за старшего брата?

— С тех пор, как тебе понадобилась моя помощь! — Я прикусил язык. Чуть не проболтался, про случай с чертовым Джошем. Парень не мог пережить того, что его отделала девчонка, и намеривался сделать... Неважно. Теперь он долго не сможет ничего сделать. Я об этом позаботился. — Да и черт возьми тебе стоит лишь появиться в коридоре, как ты влезает в какую-нибудь фигню, зачастую любовную. И заметь, я уж молчу про Беркута.

— Знаешь что? Не тебе судить меня, Мистер «Преображение века». И ради Бога убереги меня от своей ревности. — Она поморщилась. — До встречи, Дэниэл. В академических коридорах.

Девушка с силой толкнула меня в грудь и, двинув по руке ладонями, вернулась к пути, бесцеремонно прерванному мной.

Опять ссора на пустом месте. И опять я смотрю на ее спину. Есть ли выход из этого порочного круга?

Саманта

На календаре среда. Середина недели, если верить названию. Только вот скорее серединой будет четверг, а среда под нее лишь маскируется. Хитрый день.

Почти вся неделя прошла как в тумане. В понедельник я пропустила занятия и была под контролем Элизабет. Ей не понравилось то, что я лежала на крыше после ее прихода, замерзшая как ледышка. Или ей не понравился хаос в моей комнате и таблетки на полу. Или и то, и другое.

Остальные два дня, помимо занятия, я не вылезала из танцевального класса. До позднего вечера я танцевала и танцевала, радуясь боли в мышцах и тому, что Томас был занят перед отчетным концертом. А еще, оказывается круто быть брутальной сучкой, никто не суется на твои одиночные репетиции и не пытается отжать помещение.

На события эти двое суток были не горазды. Разве что тот случай, когда Поэт и Ведьма решили воспользоваться хаосом в школе и своей популярностью. Что б их. Воспоминания последнего диалога с Дэниэлом заставили меня снова подскочить и врубить музыку. На часах уже пять, еще минут двадцать и придется закруглиться.

Первые звуки, и понеслась.

Я хочу танцевать без тебя

Просто позволь мне забыться

Я хочу танцевать без тебя

Просто позволь мне забыться навсегда

Позволь мне забыться.*

Я вся растворилась в танце, в движениях: то резких и диких поворотах и пируэтах, то плавных и соблазняющих. Когда в очередной раз я вышла из быстрого, резкого поворота — фуэте, и посмотрела в зеркало, то увидела, что в отражении я уже не одна: там стоял Дэниэл. Он появился бесшумно, как призрак. Как будто материализовался из моих чертовых мыслей, которые он не покидал.

Я повернулась к парню лицом и скинула с раскрасневшегося лица пряди. Пара все равно прилипла к мокрому лбу.

— Ты прекрасно танцуешь. Почему ты не участвовала в пробах? — Пробы... Они были закрытые, результаты объявили только сегодня. Поэт прошел. Еще бы. А я даже не знала, что он исполнял.

— Наверное потому, что я была занята тем, что снимала с одного зануды его очки и панцирь.

— Отвратительный тип был, наверное.

— И не говори. Четыре глаза и ни в одном нет совести.

Глупый диалог заставил парня улыбнуться. Но меня — нет. Я во все глаза смотрела на него, впитывая его черты. Боже, какой он красивый. Его взгляд — бархатный, обволакивающий, теплый... Может, дело в том, что мою кровь разгорячили танцы, а может... А может ты просто прекратишь обманывать себя, Саманта Хэйс, и поймешь, что охренительно влипла.

Мы сделали синхронный шаг по направлению друг к другу и, поняв это, замерли. Затем, не выдержав, чуть рассмеялись. Остальные шаги до меня сделал он сам.

Мы стояли близко друг к другу. Хотя «близко» — не совсем удачное слово. Мы практически касались друг друга, складками на одежде, прядями моих распущенных волос...

И, главное, дыханием. Я чувствовала его дыхание на своем лице, а он наверняка видел мое, сбитое, после танца... Или не после него?

Его глаза пристально смотрели в мои, казалось, что еще доля секунды, какой-то один вздох и он наклонится, чтобы поцеловать меня. Но этого не произошло. Губы парня дрогнули, будто намереваясь что-то сказать, и снова сжались, передумав.

Повинуясь внезапному порыву, я подошла к все еще играющему на повторе один и тот же трек телефону и, быстро нашла другую, такую нужную мне сейчас композицию. Странно, я всего лишь решила поставить другую музыку, но внутри все сжалось в тугую узел, предвкушая. Будто я совершаю прыжок с парашютом. Без парашюта.

Это была песня, которая играла в его машине. Песня, под звуки которой я чувствовала себя сексуальной и, возможно, желанной. Песня, под которую я могла бы соблазнить того, кого...хотела...

Судорожно вздохнув, я развернулась лицом к Дэниэлу, и нажала на play.

Первые аккорды наполнили звуком стены танцкласса. Манящим, обещающим. Глаза Поэта смотревшие с непониманием, внезапно расширились.

— Распоряжайся мной, милая, я просто хочу быть твоим*... - Хрипло прошептал

солист. Но Даниэль узнал песню еще раньше. Узнал и помнил, что она означает.

Я сделала медленный шаг по направлению к нему, еще один, плавный, томительный.

Затем снова развернулась спиной к парню и стала двигаться в такт тягучему и сладкому как патока тексту песни. Движение руки вверх, головы чуть в бок, позволяя волосам танцевать в своем стиле. К руке присоединилась вторая, тело прочувствовало мелодию, поймало ее, и стало воплощением эроса.

Повернув лицо вбок, я пробежала правой рукой по спине, скользнув пальцами и дыхание перехватило. Потому что мои пальцы переплелись с другими, мужскими, сильными. Властным, каким-то потрясающе собственническим движением, другая рука парня опустилась на мою талию, а затем скользнула по животу, притянув меня к себе. Спиной я прижалась к его напряженному телу. Его дыхание обожгло мою шею, но губы ее не касались. Левая рука, все еще в нежном капкане владеющая моей правой рукой, потянула ее за собой и...

— Какого черта тут происходит? — Поэта оторвало от меня, а на его месте, перед моими глазами, появился Беркут. Теперь он действительно был похож на грозную птицу, чье имя носит.

— Привет, Берк, ты не вовремя. И вообще, входя в помещение, надо стучаться. А то вдруг тут не одеты... Тебя родители не учили? Должны были, ты же из хорошей семьи. — С усмешкой произнес Поэт, поправляя галстук. Что. Он. Творит. Он спятил! Хочется устроить «Томасагиддон»? Или ему надоел этот мир, и он выбрал такой вот интересный способ суицида, как руки Беркута?

Я положила ладони на грудь своего парня (Увы и ах!), не дав ему броситься на Поэта.

— Успокойся. Мы просто танцевали.

— Танцевали? Теперь это так называется?

— Ну, То-омас, это так называется уже веками. Если помнишь, то нам это преподавали, танцы возникли в глубокой древности, правда тогда они были выражением сильных эмоций и все такое. Помнишь? Хотя, куда тебе до школьных предметов. — Кажется, в Поэте проснулось древнее зло, которое обладало чувство юмора.

Он явно веселился, а мне сдерживать Беркута стало лишь труднее. Я уже вцепилась в его пиджак руками и прижалась почти всем телом, удерживая рядом и успокаивая.

— Эй! Эй, Томас. Посмотри на меня. — Парень, с покрасневшим от злобы лицом и вздувшимися венами на лбу, перевел взгляд от ухмыляющегося Поэта на меня. Я же дотронулась до лица Кейна. — Успокойся, ты чего так завелся? Мы что танцевали полуголые? Или еще что? Ты же знаешь, что Поэт мне друг.

— А он тоже так думает? — Прорычал певец далеко не певческим голосом.

— Оу, хорошо, что ты спросил! — Я чуть не завывала, когда Поэт снова подал голос, может, он пьян?! — Я думаю, что Саманте пора плюнуть на тебя и выбрать ну... Не знаю... Например, меня? Да, точно, меня! Сэм, я все время забывал тебе это сказать, вот, теперь говорю.

Я злобно повернулась на Дэниэла, но моя злость улетучилась. Он улыбался простой и открытой улыбкой, чуть скосив один уголок губы. Глаза его были насмешливо прищурены и смотрели только на меня. Я собрала волю в кулак и холодно произнесла:

— Ты все сказал?

— Нет, я еще не перечислил свои достоинства. Я добрее него, лучше него, без темного

прошлого и да, сексуальнее. — Дэниэл выдал такую ухмылку, что в его словах нельзя было сомневаться.

— Поэт, ты труп!

Дэниэл схватился за сердце и продекламировал театральным голосом:

— Погиб поэт! — невольник чести, — Пал, оклеветанный молвой... * Но, пожалуй, не сегодня. У меня сегодня много дел. Увести девушку у рок-звезды. Поужинать. Маме помочь.

Еще немного и я начну истерически хохотать.

— Пошли отсюда. — Проговорила я, утягивая Томаса за собой в сторону мобильного и вещей, чтобы забрать их. К слову, трек сменился и теперь играл все, что я успела в него закачать. Например, сейчас, колонки весьма атмосферно выдавали строки:

**Грязная девчонка, нагинается,
Танцует с другими парнями.***

Кажется, даже мой аппарат против меня. Сама виновата, надо было чаще по нему звонить.

Кейн не двинулся с места. На Дэниэла этот пес в стойке тоже не кидался, что уже было неплохо.

— Том... — Проговорила я как можно более проникновенно. Тот посмотрел на меня. — Пожалуйста...

Он сделал глубокий вздох. Бросил быстрый взгляд на Поэта, а затем, снова на меня. Губы парня растянулись в злой улыбке.

— Конечно, как пожелаешь. — Он запустил руку в мои волосы и, наклонившись, впился в губы поцелуем. В нем не было нежности, только желание показать, что он целует то, что принадлежит ему. Наконец он отстранился. — Пошли отсюда, Шот.

Я, избегая смотреть на Поэта, чувствуя себя самой последней тварью, коей и была, схватила свои вещи и собиралась уйти. Мы были близки к спасительной двери, как...

— Ох. Да какого, собственно, черта! — Это было последнее, что сказал Дэниэл Маккарти, перед тем, как в два быстрых шага дойти до нас и, рывком развернув Томаса, со всей дури вмазать ему кулаком в лицо. Удар был такой мощный, что Беркут упал, ударившись вдобавок спиной о стену.

Поэт даже не посмотрел на него. Он посмотрел на меня бесконечно злым взглядом, потемневших от ярости, темно-карих глаз, а затем, выдав злую усмешку, присел в подобии балетного поклона. «Номер окончен, господа. Верните деньги в кассу».

Затем он подошел ко мне, схватил за плечи и глубоко вздохнул, чтобы себя успокоить. И тихо, только для меня, прошептал прямо в лицо:

— Саманта. Я не стану говорить, что вовсе никогда не захочу тебя видеть. Это была бы заведомо ложь. Я не могу бросаться такими словами и обещаниями. Ты имеешь огромную власть надо мной. И я просто не могу не думать о тебе. Не хотеть быть рядом с тобой. Не желать тебя. Всю. Я безумно хочу владеть твоими мыслями, чувствами, эмоциями, твоим прекрасным телом... Но... Прямо сейчас... Я искренне. Тебя. Ненавижу.

Не говоря больше ни слова, он покинул танцевальный класс, громко хлопнув за собой дверью. Мое сердце сжалось, это было больно. Действительно больно.

Больше всего на свете, мне хотелось выскочить за ним. Ведь это я была виновата, целиком и полностью. Но я не могла. Вместо этого я села на колени перед Кейном. А потом

обрабатывала его лицо в мед пункте. А потом битый час объясняла, что только он мне нужен, а потом...

А потом я убирала свою комнату. И комнату Лиз. И гостиную. И, когда мне не хватило того, что можно убрать, я полезла наводить порядок на чердаке. Не нашла там ни ящика с кассетами, как в фильме «Синистр», ни доску для «Джуманджи», ни «Книгу тайнств». Зато нашла толстые слои пыли и много паутины. Странно, но этот чердак напомнил мне мою жизнь. И прямо сейчас я к черту запуталась в собственноручно свитой паутине. Дура.

*Саманта танцует под композицию певицы Skylar Grey — Dance without you.

*Трек I wanna be yours группы Arctic Monkeys. Эту же песню герои включали у Поэта в автомобиле, в главе 5: "Ты — мой адреналин".

*Отрывок стихотворения «Смерть поэта», автор — М.Ю.Лермонтов.

*В телефоне играет трек Bad Girlfriend, группы Theory Of A Deadman.

Глава 12. Струны души

Саманта

Поэт стоял перед зеркалом в гримерке, опершись на него руками, и смотрел на стол. Он повернулся, когда услышал, как я прикрываю за собой дверь. О. Боже.

— Ты выглядишь... Потрясающе. — Сказала я. И сказала не искренне. Потому что «потрясающе» — это не то слово. Оно не охватывает всех эмоций, что вызвал во мне внешний вид Дэниэла. Я и раньше то с ними не справлялась, а теперь...

Дэниэл был в образе, что мы все же успели подобрать для него. До той череды многочисленных скандалов, раскрасивших нашу жизнь и расшатавших нервную систему. Его одежда была смешением рока и классики. Как будто мой и его стили слились в один. Впрочем, так и было. Темно-синие джинсы с рваными дырками. Дэниэл так возмущался, что я заставила его оплачивать дырявый и бракованный товар, который «явно носили до него». Армейские завышенные ботинки из черной кожи. Белоснежная майка. И классический черный пиджак, отделанный кожей. На правой руке — кожаный браслет. Волосы подняты наверх. Глаза подведены черным. Он был восхитителен.

— Зачем ты пришла? — Мы не общались со среды, на более теплое приветствие я и не рассчитывала. — Стоп, переиграем: какого черта ты пришла, Саманта?

— И тебе привет. У меня пара минут, пока Лизабет караулит у двери. — Подруга действительно стояла на стреме, торжественно обещав кричать «Шухер», как в младшей школе, при приближении Беркута или кого бы то ни было еще.

— И чего ты хочешь?

— Решила поддержать тебя.

— С чего бы?

— Ты же мой протеже.

— Фиговый из тебя менеджер, Саманта... И не только менеджер.

— Я знаю, какая есть.

— Если я скажу, что не хочу тебя видеть, ты же не уйдешь?

— Когда меня вообще волновало, чего хотят окружающие? Кстати, о окружающих нас людей... Твоя мама придет...

— Я ее не приглашал. Она не знает, что я буду выступать.

— Кхм. Ну, как бы сказать. Ты слышал в моем высказывании вопросительную интонацию? Нет. Так вот, это был не вопрос. Я отправила ей приглашение и позвонила, представившись секретарем академии. Она придет.

— Что?! Хэйс, какого хрена ты всегда и во все лезешь?! Ты не знаешь мою маму, она...

— Она будет счастлива, Дэниэл! Потому что она — твоя мама! Она любит тебя! И она обязана сегодня быть здесь. Если бы она узнала, что ты ее не позвал, вот это был бы повод для ее расстройств, поверь же мне! В любом случае, сделанного не вернешь. Так что смиришься и покажи ей сегодня то, за чем она пришла.

Он еще немного посмотрел на меня, а затем снова вздохнул и поник, отворачиваясь к

зеркалу. Я знала, что для него это действительно будет стресс. Толпа зрителей была не просто впечатляющей, она была ужасающей. А он и так не хотела долгое время брать в руки скрипку...

Я подошла к парню и положила руку на его плечо.

— Ты слишком волнуешься.

— Да что ты? С чего бы мне волноваться? Это же не я выступаю сольно, разодетый как рокер, перед полным залом людей! И, как оказывается, мамой. Ты посмотри, они мне глаза покрасили!

— Ты стонешь как девчонка.

— Да? Я повторяю: у меня косметика на лице. Не уверен, что это может придать мужественности.

Я фыркнула от смеха, Поэт ответил злобным взглядом.

— Так, расслабься. Тебе надо отвлечься.

— Легко сказать! Я могу думать только о количестве людей в зале и...

— Ладно. Слушай меня. Сделай глубокий вдох. Теперь выдох. Отлично, закрой глаза.

Дэниэл

— Ладно. Слушай меня. Сделай глубокий вдох. Теперь выдох.

Я сделал все, как велела девушка. Слабо верю, что дыхательная гимнастика мне поможет, но слушать голос Сэм — уже было как успокоительное для меня. Что бы между нами не происходило, я всегда хотел слушать ее. И не мог ничего с этим поделать.

— Отлично, закрой глаза.

Я послушно прикрыл глаза и... Почувствовал, как мягкие и нежные губы коснулись моих. Это был безмерно короткий, но самый чувственный поцелуй в мире. Теплый, легкий, как мотылек. Я уверен, что наш пульс, бившийся в унисон, легко можно было прочувствовать под тонкой кожей губ.

Я все еще не открывал глаз, не желая терять ее вкус на своих губах. Затем я услышал шепот. Ее теплое дыхание щекотало мои губы, а слова — нервы:

— Когда будешь играть. Думай об этом.

Я открыл глаза и посмотрел в серые глаза девушки:

— Сэм, я...

— Шшш... — Она дотронулась до моих губ указательным пальцем. — Твой выход.

Саманта

Я выскочила из примерной, и, схватив подругу, играющую на телефоне в аркаду, побежала в зал.

— Быстрее, его сейчас позовут.

— Ничего себе у тебя лицо красное! — Я притронулась руками к коже, действительно, щеки горели. Лиз ткнула меня пальцем в бок между ребер. — Саманта Хэйс, ты цветешь и пахнешь! А твоего садовника часом не Поэтом кличут?

— Тише ты. — Мы пришли как раз вовремя, чтобы увидеть, как Поэт выходит на сцену. Зал замер, а затем зашушукался. Мы с Элизабет стояли у дверей в самом конце, но даже отсюда я могла видеть его лицо.

Ни следа нервозности, ни тени сомнения в нем не было. Зато во всем образе парня были мегатонны обаяния, уверенности.

Он вышел на середину сцены и замер. Зал накрыла тишина.

Аккомпанемент — инструменты, партия для каждого из которых была написана Поэтом, начали свою игру.

Поэт поднял свою скрипку, вскинул смычок, и... Ох...

Я с алчной жадностью ловила каждый новый звук скрипки. Эти звуки заставляли мое тело дрожать. Они были пронзительно нежными. Мои руки покрылись мурашками от кончиков пальцев. Дэниэл управлял не смычком, он буквально стал дирижером моей души, выворачивая ее наизнанку. В горле встал комок — предвестник рыданий. Я прижала руки ко рту, не справляясь с эмоциями.

Мелодия*, издаваемая им, резко набрала темп и стала воплощением жизни, свободы, борьбы, а затем и счастья. Это была моя мелодия. Для меня. Я чувствовала ее. Как и в его одежде, в исполняемой композиции слышалось смешение стилей. Инструмент, призванный выдавать классические трели, поражал новыми звучаниями. Парень ловко сочетал несочетаемое и получал от этого наслаждение. Его глаза были закрыты, тело двигалось за скрипкой. Я тоже хотела закрыть глаза, чтобы раствориться в этих звуках, наполняющих зал, но не могла заставить себя оторвать взгляд от Дэниэла. Прямо сейчас он уже не был Эльфом из моего детского прошлого. Он был настоящим Ангелом из моего порочного настоящего. Падший внешне, и безупречный в душе. Он — контраст.

Темп все нарастал, а вместе с ним и мое дыхание. Сердцебиение и пульс будто хотели подхватить его ритм и тоже увеличивали частоту ударов. Затем, на какой-то высокой ноте, достигнув апогея — раз!..

И все.

Музыка прекратилась.

Мое сердце будто споткнулось, потеряв свой музыкальный маяк, за которым так отчаянно рвалось, и пропустило удар.

В зале стояла тишина. Дэниэл тоже не двигался, не меняя позу, с замершим в воздухе смычком. И вот... Шквал аплодисментов был таким мощным, что грозил обрушить стены знания. Да что там, если бы Броудер-Сити постигло землетрясение — я бы не удивилась.

— Это нереально! Он был нереален! — Воскликнула подруга, присоединяя свои ладони к окружающим. — Если ему не предложат контракт, я выкину свои туфли Casadei!

Я молчала. Я все еще ни на секунду не могла оторвать глаза от Дэниэла. Тот наконец вышел из мира, в котором он явно находился, пока играл, и со спокойной улыбкой на губах посмотрел в зал. Он слегка поклонился.

На сцену выскочила Дженифер Грей в изумрудном платье — рыжая ведущая с пятого канала, которая сегодня вела мероприятие. Да, это было действительно большое событие для города.

— Это было фан-та-стич-но! — Похвалила женщина выступление парня, пытаясь перекрыть микрофоном звук аплодисментов, который и не собирался утихать. Она посмотрела на зал, сияя голливудской улыбкой. — О да, Дэниэл, ты явно один из фаворитов вечера! Дамы и господа — Дэниэл Маккарти!

И снова шумные овации и свист, гомон, крики его имени от учеников. Они все были поражены. Они все были в восторге. Дэниэл покорила каждого.

— Скажи, Дэниэл. У меня в карточке пробел рядом с твоей композицией. Я знаю, что

ты сам сочинил ее, это так? — Она подсунил парню микрофон, как на интервью.

Поэт кивнул:

— Все верно. — И снова крики восторга. Он бьет рекорды популярности, явно. —

Пробел потому, что я не знал, как ее назвать. Точнее, не решался.

— Да-а? Очень интересно. И что же тебе мешало?

Он пожал плечами и усмехнулся. Парень держался что надо, как будто жил на сцене:

— Уже ничего, хотите узнать название, Джена?

Дженифер хитро улыбнулась публике, а затем подмигнула:

— О да, мы хотим. Я чувствую какую-то тайну. И когда ты будешь популярен, кто-нибудь из нас продаст ее за крупную сумму.

Дэниэл приятно засмеялся:

— Нет, никаких тайн. Просто я сочинил эту мелодию, думая о девушке.

— Ох, как романтично. Ты назовешь его нам? И название и имя, конечно! Но, будь уверен, разобьешь сердце многих прекрасных девушек. И мое в том числе!

Дэниэл снова одарил зал обаятельной улыбкой:

— Прости, но я готов принести эту жертву...

— Ах, сердцеед! Ну же, не томи. Как зовут твою музу?

Поэт посмотрел в конец зала, там, где стояли мы с Элизабет. Он не мог нас видеть, но чувствовал, что я здесь. Я знала это.

— Композиция — «Серый рассвет». Для Саманты Хэйс.

Вух.

Вздых одновременно выдохнувшей толпы. Большая часть здесь — ученики stART. И каждый из них знает, что это имя девушки Беркута.

Это было опасное заявление.

А еще.

Это. Было. Прекрасно.

— Прекрасное название для прекрасной композиции. А твоя девушка сейчас в зале?

— Она не моя девушка. И да, она в зале. — Ответил Дэни, пресекая дальнейшие рассуждения на тему его отношений. — А теперь, позвольте мне уже уйти, думаю, наше эфирное время вышло.

Он улыбнулся и, еще раз поклонившись, пошел за кулисы.

Томас

Этот парень невероятно бесил. С каким пор Поэт стал настолько смелым, чтобы выходить на сцену и устраивать фарс? Его страсть к Саманте бесила еще больше чем то, что я все еще не начистил его рожу. Опять же, из-за увещаний Шот. И почему я ее послушал и дал обещание не трогать его? Мои руки связаны. Я знал Шот, она не простит мне... Если бы не данное ей слово, сейчас этот заносчивый парень выступал бы в более интересном образе. Например, с разбитым носом. Но факт фактом, эта сероглазая девушка имела нереальную власть надо мной.

Сейчас я мог ее ненавидеть, но как только она появлялась в поле моего зрения, мой

рассудок мешался, и я знал только одно: она должна быть моей. И Поэту она уж точно не достанется.

— Отличное выступление. — Бросил я выходящему Дэниэлу.

— Спасибо, получить такую оценку от звезды — дорогого стоит. — Он откровенно насмеялся. Я сжал челюсти. И готов был сжать их на горле этого засранца.

— Снять очки — еще не значит измениться. Ты остался таким же как и был. — Бросил я.

— Я в курсе. И это хорошо. Потому что, я уже говорил, что я во многом лучше некоторых личностей. И, будь уверен, Сэм это тоже поймет. Да и ты сам это знаешь, оттого твоя неуверенность... И да, ты тоже остался таким же, как и был, Томас. Парнем, который боится, что его отец вычеркнет из семейного реестра, завещания и лишит наследства. Ведь кроме этих пунктов достоинств у тебя вряд ли можно наскрести.

— Ты... — Я дернулся в его направлении, но Майкл и Дилан, участники моей группы, схватили меня по обе стороны.

— Тише будь. Нам выходить через одного. Лучше успокойся. — Проговорил вечнспокойный гитарист. Я сверлили глазами усмехающегося парня, но, понял, что друзья правы. Мой гнев не поможет ни выступлению, ни отношениям с Самантой. Выдохнул.

— Пустите. — Я дернулся в их руках и освободился, поправляя джинсовую жилетку. — Я в порядке.

Я подошел к гитаре и взял ее в руки. Ощувив привычную тяжесть и то, как гриф удобно и привычно лег в мою ладонь, я чуть расслабился.

Но, оказывается, вместе со своими кардиганами, Поэт растерял и остатки человеческих инстинктов, отвечающих за самосохранение и стоп-сигналы.

— Кейн. Ты помнишь, что я сказал тебе у Думсдея? — Спросил тот.

Наш диалог на вечеринке. Да, я помнил его. Поэт сказал, что Хэйс ему — подруга. Знакомая. Не более того.

— Помню.

— Забудь.

Я снова вскочил.

— Так, парни, брейк! — Уже подключился и Лука — барабанщик. — Томас, мы рассчитываем на тебя, усек? Если надо, хлебни порцию валерьянки или закинься пустырником, но все проблемы выясняй после концерта. Ты тоже. Выступил — катись. — Поэт бросил на меня еще один вызывающе-насмешливый взгляд и вышел.

Вместе с этим прозвучал идеально поставленный голос Грей, объявляя наш выход:

— А теперь момент, которого, я знаю, многие из вас ждали. Парни, которые уже утвердили свое звание настоящих звезд на мировой сцене, но все же участвуют здесь и сейчас, чтобы порадовать нас своей новой композицией — «Совсем ничего». Группа — «Шторм»! Встречаем!

Крики приветствовали нас, парни привычно помахали залу, задорный Дилан даже продемонстрировал публике язык, чем вызвал их восторг, выражавшийся в воплях. Сегодня мне не хотелось всего этого. Сегодня я вышел петь не для них. Кажется, у меня входит в привычку петь для одной единственной девушки.

Я подошел к стойке с микрофоном и поднял одну руку вверх, прося людей убавить звук.

— Привет всем! Возникла несостыковка. Сегодня мы не будем исполнять «Совсем ничего». Сегодня для вас прозвучит кое-что ультрановое. Песня: «Ты напоминаешь мне». —

Я повернулся к ошарашенным музыкантам. Они выглядели так, как будто я объявил со сцены, что являюсь внебрачным сыном президента. Но у них было право для растерянности. Новый трек родился в моей голове после того, как я увидел Поэта и Саманту в классе для танцев. В ту ночь я не заснул, пока не написал текст и музыку. Мы репетировали, но у нас было железное правило: не выступать с новой песней, пока она не отточена. И мы его нарушали. Снова. — Парни, поехали.

Я повернулся к толпе, взялся за микрофон, услышал, как Дилан дотронулся пальцами до клавиш, закрыл глаза и запел.

Саманта

До появления на сцене группы Томаса я успела занять свое место, рьяно охраняемое Мэтом. С другого бока от парня сидела Китти. Хотите новость? Их две. Первая — плохая Староста так переволновалась на прослушивании, что запоролла его. Но не расстроилась. Потому что хорошая новость в том, что Мэт был очарован новым образом девушки. Та не только остригла волосы в стиле пикси, но и выкрасила их в различные оттенки ярко-голубого, синего и фиолетового. Это был космос, в прямом смысле этого слова. Ну, а Кот заявил, что она похожа не героиню одной из его компьютерных игр. Потом он показал ей эту игру. У себя дома. А потом показал ей кино. А потом показал ей парк развлечений. В общем, вы все поняли что в Коте, оказывается, погиб экскурсовод-любитель. Теперь смотреть на них было очень приятно. А я, дура, грешила на тайную связь между ней и Поэтом... Потому что ревность ослепляет, тем более таких и без того дурных как я.

Томас вышел на сцену мрачнее тучи, у меня засосало под ложечкой. Парень явно был не в духе. Когда он объявил о смене песни, я настроилась на худшее. Все-таки песне про стерву быть? И плакал мой мэрский бал кродиловыми слезами?

Но когда парень запел, мне стало в тысячу раз хуже. Уж лучше бы он послал меня прямо со сцены и закончил этот фарс.

Она красивая девушка.

Она такая одна.

Никому не раскрывает свои карты.

Она отлично с этим справляется.

Невероятная любовница,

Закрывшая сердце.

Каждым вздохом

Она играет свою роль.

От всей души я отдал ей

Всю свою любовь.*

В очередной раз я изумленно вслушивалась в текст и осознала, насколько сильно его слова попадают в цель.

Точка невозврата тобой уже пройдена.

Дурачила меня, лживая притворщица,

Как плотоядный цветок, заманивающий мух.

Его голос в темном помещении зала звучал хрипло, романтично, надрывно. Он, как и Поэт, не открывал глаза. Он отдался музыке и тексту.

**Мне нужно, чтобы ты сходила с ума, твой поцелуй, от которого кружится голова,
Ты нужна мне в постели, я сорву тебе башню,
Мне нужна твоя любовь, а вся твоя любовь — месть,
Ты и я могли бы написать порочный роман.
Оу, я поглощён идеей порочного романа.
Просто танцуй!**

Каждое его слово будто залепляло мне звонкую пощечину. Слова «месть, ложь, притворство», кружили голову. Наконец он открыл глаза, и посмотрел перед собой, из под полуопущенных ресниц.

**Мне нужна твоя любовь и твоя месть,
Мне нужна твоя любовь.
Я не хочу быть тебе другом!
Я не хочу быть тебе другом!**

— Святое дерьмо. — Проговорила Элизабет слева от меня. Да, подруга думала о том же, о чем и я.

После концерта я сразу нашла Кейна. Это было несложно сделать: где наибольшее скопление полоумных девиц, там и мой парень. Мой парень. Сердце опять сжалось. Даже если я выберусь из всей этой истории целой и невредимой, то мое сердце за этот месяц явно состарится на лет пятьдесят. Каждый раз, когда я смотрела на зеленоглазого солиста, меня захлестывала жалость, обида, злость на себя и, черт возьми, коварная сволочь — совесть. Да, я знала, что такое совесть. И даже не по словарю, а по опыту.

Если вы думаете, что я бесчувственная мразь, то, во-первых, в чем-то вы правы. А во-вторых, в чем-то нет. Я долгое время вычитывала новости желтой и не желтой прессы о знаменитом певце, смотрела интервью идеальной семьи Кейнов, и училась его ненавидеть. И я бы смогла испытывать к нему ненависть и дальше, хотя бы потому, что у него-то была семья. Что он называл отцом того, кого я мечтала уничтожить. Но отцов не выбирают... И то, что Томас оказался одним из самых замечательных людей в моей жизни, ситуацию только усугубило. Мне было беспредельно больно за Томаса и то, что я делала. Он не заслуживал этого. Но по-другому я не могла.

Заметив мою персону, прислонившуюся к стене, Томас бросил еще что-то фанаткам, и, к огромному разочарованию на лицах последних, пробил себе дорогу ко мне.

— Привет. — Произнес он, следя за мной внимательным взглядом зеленых глаз.
— Виделись. — Ответила я. — Хорошая песня. Намек был более чем прозрачен.

— Я рад, что тебе понравилось.

— Проблемы с девушкой?

— Есть такое.

— Это тот самый черновик?

— Нет. Тот я берегу как тяжелое оружие на случай, если ты выберешь хорошего парня. — Говоря это, Беркут явно почувствовал себя некомфортно. Он неуверенно скользнул взглядом по голой светло-бежевой стене за моим плечом.

Ясно, под «хорошим парнем» он имел в виду не себя, а Поэта. Ох, Томас, знал бы ты, как бы было проще, если бы роль злого героя досталась именно тебе. Но, увы, наша пьеса идет в разрез с канонам. И главные герои здесь: два добрых парня, и злая девушка. Спешите занять места в ложе.

— Черновик. Сожги его. — Бросила я.

— Почему? — С надеждой посмотрели на меня зеленые глаза.

Я оттолкнулась от стены и, не смотря на взгляды окружающих людей и вспышки фотокамер, надеющихся заполучить эксклюзив, вплотную приблизилась к Кейну.

— Он тебе не понадобится. Мне нравятся плохие мальчики. — Прошептала я прежде, чем приникнуть к нему в поцелуе.

У журналистов сегодня счастливый день. Не стоит благодарности.

*Игра Поэта — творение композитора — Nathan Lanier. Называется — Torn.

*Возможно, вы слышали эту песню в исполнении королевы эпатажа — Lady Gaga. Но группа «Шторм» исполняет версию группы 30 seconds to mars. Трек называется — Bad romance.

Глава 13. Месть. Акт первый. Сцена первая

Глава 13. Месть. Акт первый. Сцена первая.

Томас

— Привет, Томми!

— Привет, Барбара.

— Нашей семье тоже прислали приглашение, представляешь? — Я вежливо улыбнулся девушке. Нет, блин, не представляю. Мэр прислал приглашение заместителю главы администрации? Вау! Зовите СМИ! Собирайте собрание!

— Здорово. — Проговорил я тоном, скорее обозначающим: «Мне фиолетово тем же оттенком, как у этих салфеток».

Весь зал в этом году действительно был убран в фиолетовом цвете. Вообще, он назывался как-то по-другому, но если вы не женщина — в жизни не вспомните название. Но, если верить моей маме, полутона важны. Она чуть ли не убила бедного доставщика, когда он привез ей эти самые салфетки на тон светлее. Именно она организовывала прием и порхала больше месяца, выверяя все до мелочей.

Я поймал пролетающего мимо официанта и взял с подноса бокал с шампанским. Барби последовала моему примеру, продолжая болтать:

— Раз уж мы оба тут, проведем вечер вместе?

— Не думаю. — Я залпом осушил бокал этой алкогольной шипучки. Вообще-то я думал посмаковать сие удовольствие (Louis Roederer — 1000 баксов за бутылку, мои родители сбрендили!), но присутствие блондинки сделало свое дело.

— Почему? — Она выпятила нижнюю губу, надувшись от обиды.

— Я здесь ни один.

— С кем же?

— С Самантой Хэйс. И, думаю, тебе не стоит показываться рядом со мной, когда она придет. Она не то чтобы злопамятная, но кто знает...

— Хэйс?! Этот Джеки Чан? Ты пригласил ее на такой прием?! Ты спятил, она опозорит тебя!

— Это чем же?

— Отсутствием манер и армейскими ботинками.

— Манеры у Сэм прекрасные, если в нее не кидаться горячими напитками. — При упоминании инцидента девушка покраснела и закусил губу. — А армейские ботинки я как-нибудь переживу.

С этими словами я бросил еще один ожидающий взгляд на главную лестницу и обомлел. Они пришли. Саманта и ее подруга, Элизабет, под руку с Ведьмой (Пришлось выписать и им два приглашения, иначе Шот наотрез отказывалась присутствовать здесь).

— Это... Она?..

Я не смог ответить на вопрос Барбары. Если даже она была озадачена и поражена, то каково было мне?

Она была в облегающем ее точеную фигуру платье в пол, восхитительного цвета,

который даже моя мама не могла бы описать словами. То ли серое, то ли лиловое, оно будто сияло холодным светом в ярком освещении зала. Ее плечи были великолепно обнажены.

Девушка двигалась изящно, как принцесса, воспитанная в королевской семье. Ее осанка, походка, нежная улыбка... Она была прекрасна.

Тяжелые локоны девушки, в которые я так любил погружаться пальцами во время поцелуев, были собраны в высокую прическу, обнажающую ее красивую шею и какие-то заколки сверкали в них как яркие драгоценности. Подумав о поцелуях, я еле сдержался, чтобы, наплевав на приличия, не подбежать к моей девушке и впиться в ее сладкие губы самым долгим и страстным поцелуем.

Когда они подошли к нам, она мягко улыбнулась мне:

— Привет. — А я молчал, как последний идиот. Застыл как истукан и смотрел, как прекрасно цвет ее наряда сочетается с глубокими, серыми глазами. Они как будто отливали серебром, и таким же, невероятным лиловым оттенком. А может, я уже схожу с ума.

Саманта

— У меня от этого костюма все чешется.

— Мыться не пробовал?

— А что, так тоже можно? Ай, черт!

— Ну что ты опять натворил?

— Нет чтобы спросить, Питти, родненький, что с тобой случилось? Нет же, сразу предьявы!

Питер и Лизабет, объявившие себя парой на удивление и страх всех окружающих, переругивались всю дорогу. Я отказалась ехать раньше с Томасом, ссылаясь на то, что сама должна привести своих друзей. Ведьма вообще не желал сюда ехать, но, как оказалось, у Лизабет есть дар убеждения. Красивый такой дар, сейчас он покрашен розовым блеском. Парочка выглядела прелестно, с яркими волосами и в классических нарядах: белое платье Лиз отлично гармонировало с классическим черным костюмом парня. Я выбрала платье серо-лилового цвета... Даже не знаю, почему.

— О, смотри, твой благоверный нашел себе компанию. — Проговорила Лиз, сквозь улыбку.

— Скорее это она снова пасется рядом. — Ответила я такой же вежливой улыбкой.

Сегодня мы — снова богатые девочки с отличной школой манер за плечами. И этого у нас не отнять. Этикет в обеих вбивали вместе с манной кашей, так что грамотное держаться в обществе не составило труда.

— Привет. — Улыбнулась я Томасу, смотревшему на меня так, как будто видевшему впервые. Впрочем, так оно и было, в некотором плане. Дерзкий образ сменился на нежность и элегантность.

Беркут сглотнул, справляясь с эмоциями:

— Эм... Привет. Ты волшебно выглядишь... Привет, ребят. — Томас кинул короткий взгляд на моих спутников, отдавая дань уважения вежливости, а затем снова посмотрел на меня. — Я бы хотел представить тебя родителям.

Нежная, отточенная улыбка появилась на моем лице:

— Конечно.

Я кивнула ребятам, и, взяв под руку своего кавалера, прошла вглубь зала, ведомая им.

Пока мы шли, я успела сосчитать количество столов для успокоения, аккуратных, круглых, застеленных белоснежными скатертями с фиолетовыми узорами. Не успокоилась. Сосчитать зубочистки на каждом столе, может это поможет?

— Пап, мам, я хочу вам кое-кого представить. — Я повернула голову от зоны столов в тот же момент, как мужчина перед нами, стоявший в небольшом кругу людей, медленно улыбнулся. Джеймс Роберт Кейн. Моя рука дрогнула на локте Томаса. — Это Саманта Хэйс, моя девушка. А это мои отец и мама — Джеймс и Лаванда Кейн.

Мама Томаса приятно улыбнулась, придерживая на плечах шелковую накидку.

— Да-да, очаровательная мисс Хэйс, вы еще прекраснее, чем говорил мой сын! — Мужчина рассмеялся, обнажая идеальные зубы — плоды трудов лучших стоматологов.

Я ответила скромной улыбкой, которая едва не погасла, когда Джеймс Кейн протянул свою руку, чтобы закрепить знакомство рукопожатием. Телесный контакт? С ним? Сейчас?!

Я чувствовала, что моя идеально отрететированная улыбка гаснет, превращаясь в вымученную гримасу. Кейн старший выжидательно застыл, с протянутой рукой и своей чертовой, прилипшей улыбочкой политика. Я медленно, подняла свою руку, почти с удивлением наблюдая, как она поднимается от складок платья к ладони моего врага. Как будто это не моя рука, а кого-то постороннего. Тонкий золотой браслет с подвесками в виде зайца и крестика блеснул в ярком свете зала, напомнив, что рука все же принадлежит именно мне. И через долю секунды она коснется его. Прикладывая все усилия, чтобы заставить пальцы перестать мелко подрагивать, я вложила свою ладонь в крупную, сухую руку мужчины. Едва я дотронулась его кожи, как меня буквально прошиб холодный пот, покрывая лицо и спину влагой. Странно, почему потолок не разверзся? Или хотя бы не рухнула эта огромная люстра, которая сейчас казалась мне ослепляющей? Будто под ней я была вся как на ладони, со всеми мыслями... И под ней же стало невыносимо жарко.

— Я очень рад наконец вас встретить. — Гнусный тип решил меня добить, накрыв мою руку своей ладонью и слегка погладив, в доверительном жесте.

— Ох, вы не представляете, насколько это взаимно... — Проговорила я чистую правду.

Он улыбался, наши руки были сцеплены и к горлу стала подбираться тошнота. Я чувствовала, что краска буквально сходит с моего лица и еще через мгновение мне придется бороться с головокружением.

— Саманта, ты обещала мне помочь! Ох, простите, вы говорили? Но мне очень нужна моя подруга, дамские дела, понимаете? — Элизабет, маленькая, худенькая Лиз. Она беспардонно вклинилась между нами, на ходу рассыпая улыбками, извинениями и играя роль глупой избалованной девочки. Также извинившись перед представителями рода Кейн, я пошла за подругой, еле переставляя ноги.

Едва мы добрались до дамской комнаты, как я буквально ворвалась в первую кабинку и, бросившись на колени перед унитазом, опустошила все содержимое желудка.

— Может, тебе не стоило отказываться от таблеток? — Элизабет потеснила меня и втиснулась в кабинку, закрыв за нами дверь. Я, получив передышку от желудка, подняла на нее глаза. Подруга, скрестив руки и закрыв глаза, облокотилась на спинку кабинки.

— Каких именно? — Сипло спросила я.

Она распахнула голубые глаза и зло посмотрела на меня:

— Это не смешно.

— Я похожа на шутницу?

Лиз окинула меня оценивающим взглядом. Даже представлять не хочу, что она там

увидела.

— Ты похожа на выпускницу, дорвавшуюся до спиртного. — Усмехнулась подруга. Я лишь хмыкнула. Ну да, не каждый день можно увидеть Саманту Хэйс в шикарном платье, вцепившейся в фаянсового друга. Спасибо хоть, что в этом фешенебельном местечке туалеты чистые. И спасибо Лиз, иначе меня бы вывернуло наизнанку прямо под ноги главе города... Воспоминания о нашем рукопожатии заставили меня снова резко согнуться пополам.

— Че-ерт... — Простонала я, вытирая рот рукой.

— У меня прям слезы ностальгии. Чувствую, будто мы снова дорвались до Большого Яблока и кутили, как в прошлом году.

— Помнится, именно я тогда держала тебе волосы. — Хмыкнула я.

— Ой, да ладно тебе... Ты как? Скоро начнется официальная часть, а тебе надо еще подлатать.

Я прислушалась к своему внутреннему голосу и просто к внутренностям. Ничего не сжималось. Попыталась представить рожу Кейна старшего. Приятного мало, но никаких спазмов. Кажется, пиковая ситуация миновала также внезапно, как и накатила.

Я медленно поднялась с холодного кафеля и вытерла лоб.

— Жить буду.

— В этом я даже не сомневаюсь.

— Готова к ужину?

— А есть альтернатива? Ну, например, может сразу пулю в лоб?

— Неа.

— Тогда готова.

Спустя 15 минут, один флакон спрея для рта с ядреным вкусом ментола, две жвачки, немного пудры и около сотни мотивирующих мыслей, я уже сидела за столом вместе с Кейнами. Питер и Элизабет сидели через три столика от нашего. Лиз периодически бросала в мою сторону обеспокоенные взгляды, на моем же лице была восковая маска влюбленного в происходящее человека.

— Значит вы, мисс, учитесь с нашим сыном?

— Да, там мы и познакомились.

— Ох, помню, как мы с Лавандой познакомились. Тоже в школе, хочу заметить! — Супружеская пара обменялась улыбками. Черт, да это не ужин, а тест на выживание для меня. Точнее тест на наличие самообладания. Прохожу ли я его? А вы видите вилку в руке мэра? А взорванный моей рукой стакан? А перевернутый стол? Ну, значит, прохожу.

Сменялись блюда. Сменялись вопросы. Я излучала свое обаяние во все стороны, держала спину ровно, брала нужную вилку в нужное время и уместно шутила. Я была идеальной леди. На нескончаемое удивления Кейна-младшего и Барбары. Но если первый был покорен мной, блондинка стала цвета зелени в своей тарелке. Помимо ее и ее родителей, с нами за столом сидела пара — сеньор и сеньора Коста. Я знала каждого за этим столом. Они меня — нет. Но абсолютно все были покорены.

— Наш сын, Филипп, не смог приехать сегодня. Бизнес. Но так и знайте, мисс Хэйс, если этот рокер вам надоест — семья в Португалии всегда готова открыть свои объятия и границы для вас.

Все дружно засмеялись, Джеймс Кейн погрозил партнеру по бизнесу пальцем:

— Бертран, прямо сейчас твои отношения с Кейн-групп под угрозой!

И снова смех, к которому присоединилась и я, прикрывая рот нежной тканевой

салфеткой. Знал бы мэра, как близок он к правде. Только вот Кейн-групп, детище мэра, призванное помогать страждущим, и отмывавшее огромные суммы денег, скоро и вовсе станет пшиком. Я постараюсь.

Неожиданно мэра прервал смех на кашель, его лоб покрылся испариной. Лаванда дотронулась до его руки, но тот лишь покачал головой, показывая, что все в порядке.

— Простите, я покину вас на минуту. Скоро начнется официальная часть, я готовлюсь.

Я заметила, что вены на лице Джеймса вздулись, пальцы начали дрожать. Нет, все явно было не в порядке. Его жена с беспокойством проследила за супругом.

— Папа в последнее время не очень хорошо себя чувствует... — Прошептал Томас мне на ухо.

— Что-то серьезное?

Парень пожал плечами и пригубил сока.

— Понятия не имею. Не говорит. Пьет какие-то таблетки, да только ему от этого будто только хуже становится.

Я дотронулась до руки Томаса также, как его мама поддерживала отца. Тот повернул свою руку ладонью вверх и сцепил вместе наши пальцы, удерживая их на столе.

— Когда закончится эта пафосная тягомотина, вы со мной потанцуете, Саманта Хэйс?

Я очаровательно улыбнулась:

— С удовольствием, Томас Кейн.

Легко давать обещания, которые не придется выполнять.

Когда мы покончили с горячим (Кейн-старший так и не появился за столом.), нас привлекла официальная часть вечера. Сразу после нее должно было начаться представление, а затем и благотворительный аукцион. Но в этом году придется обойтись другим шоу.

Спустя пару минут вступительной речи и объявления некоторых гостей, на сцену, под крики и овации, пригласили мэра Броудерс-Сити.

Кейн выглядел уже лучше, но все еще усталым. Он улыбался в толпу и встал за трибуну для выступлений, чтобы в очередной раз поблагодарить всех за поддержку. Выборы то уже совсем близко.

Мэр не сразу понял, что что-то произошло. Просто публика перестала реагировать на шутки смехом и на обещания лучшей жизни — овациями. Все замерли. Наконец, его сладкая речь прервалась, и он обернулся, посмотрев себе за спину. Именно туда были направлены взгляды толпы. Самых важных людей общества. Прессы. Его семьи. И мой пристальный взгляд.

Говорят, что месть — это самое отвратительное, что есть в этом мире. Она как яд, разъедает тебя изнутри. Как огонь, выжигает твою душу, оставляя лишь обугленное пепелище. Так говорят те, кто не знает этого чувства. Наивные трусы. И они бессовестно лгут.

Я смотрела на огромный экран для проектора на стене. На нем сменялся видеоряд походов мэра, только что вещавшего с трибуны о том, как важны семейные ценности, честь и достоинство. Я смотрела на него и я была переполнена счастьем от личного торжества.

Когда видеоролик, аккуратно смонтированный мной, показал всем несколько особенно вкусных сцен из его офиса — из зала, вскочив, выбежала главная актриса этого действия. Длинноногая шатенка в ярко-алом платье. И это стало как отмашкой для оцепеневших

людей, журналисты кричали, кто-то возмущался, другие — молчали, кто-то уходил.

Внизу видео ярко горела надпись:

Ищите подробности на сайте: mayor-gotohell.ru

Помимо всех собранных мной видеороликов там было кое-что еще более интересное. Кипы документов, подписанных договоров, которые я отправила всем журналистам города. Незыблемые доказательства того, что мэр знает о коррупции не понаслышке и отмывает огромные деньги. И даже после блокировки первого, они не смогут сразу справиться с фэйками сайта. Люди увидят их. Слишком сильна сила интернета в наше время. Он быстрее нас.

Кажется, Кейн-групп потерпела крушение. Но это еще не конец.

— Ты уверена, что доберешься сама?

— Да, Томас. Тебе сейчас стоит побыть с матерью.

— Да, ты права. Прости за это, я...

— Эй, ты ни в чем не виноват. — Я взяла измученное лицо парня в свои ладони и взглядом пыталась показать, что именно я имею в виду. Он ни в чем не виноват. Ни в чем. Я наклонилась и нежно поцеловала парня в лоб. — Езжай домой.

— Может ты приедешь ко мне? Завтра. Позже. Я не знаю.

— Конечно. Сразу, как скажешь. Я буду рядом.

Парень оставил короткий и рассеянный поцелуй на моей щеке, сел в черный Bentley и водитель тронулся с места, оставляя меня у дверей в фешенебельное заведение. Гости уже покинули его. Питеру я наказала забрать Лизабет к себе домой. Подругу колотило. Сейчас мужское плечо поможет ей больше моего.

Я же поеду домой. И мое одиночество станет достойным наказанием за содеянное. Ведь именно в нем я готова сойти с ума.

Глава 14. Признания. Не в любви.

Саманта

Дом встретил темнотой и тишиной. Скинув туфли, я сразу стала вытягивать из прически заколки и шпильки, бросив их на кофейный столик. Голова болела под тяжестью прически. Лишь когда тяжелые завитые локоны наконец свободно упали на плечи, я смогла свободно вздохнуть.

Поднявшись в свою комнату, я включила свет и дернулась, сделав шаг назад. Ну не ожидала я увидеть человека на своей кровати.

— Ты как сюда попал, Дэниэл?!

Дэниэл Маккарти, в черных джинсах и черной рубашке, вальяжно раскинулся на моей кровати и убийственно спокойной взирал на меня своими карими глазами.

— Окно. — Просто ответил он, и я бросила взгляд на названную часть дома. Ну да, снова не закрыла.

— Ты забрался в мою комнату через окно? Ты спятил?

Он лишь пожал плечами:

— Хороший вопрос. Я себе его давно задаю. — Он рывком свесил ноги с кровати и встал. — Как мероприятие? Повеселилась?

— Ты это пришел узнать? Почитаешь в газете.

— Оу нет, с некоторых пор меня воротит от прессы.

Да уж, фотографии меня и Томаса засветились во всех выпусках газет и журналов.

— Если это все, то лучше тебе уйти. Я устала.

Поэт быстро пересек разделяющее нас расстояние, подходя вплотную:

— Хочешь чтобы я ушел? Ты уверена в этом?

Я сглотнула. Его глаза сощурились, мышцы лица были напряжены. Такого парня можно бояться. И я начинала. Но показывать этого я не была намерена. На моем лице отразилась крайняя степень презрения:

— Я уверена, Дэниэл.

— И **хочешь**, чтобы я ушел?

— Я вроде так и сказала, не за чем повторять. Проблемы не только со зрением, но и со слухом? Сочувствую.

Дэниэл сильно взял меня за плечи и прижал спиной к стене. Его лицо было так близко, а взгляд буквально прожигал меня насквозь.

— Что ты творишь, глупая девчонка? Зачем ты все это делаешь? Зачем пытаешься показаться такой, какой ты не являешься? Ты можешь перестать быть такой, Саманта?! — Прокричал, нет, дико прорычал Дэниэл. Я не ожидала от него ни таких слов, ни таких эмоций. Ярости, злости, бессилия... Его глаза цвета корицы потемнели и лихорадочно блестели.

— Что? — Глупо произнесла я. И, громче, начиная заводиться, добавила. — Какой же «такой»?! Какая я? Может, ты знаешь? Потому что я — нет!

— Я знаю. Я знаю, какая ты настоящая. Когда ты споришь с Элизабет. Какая ты, когда говоришь о своей сестре. Какая ты, когда говоришь со мной. Когда ты танцуешь и слушаешь любимые песни. Когда сморишь глупые фильмы и играешь в настольные игры. Когда прыгаешь со скал и высываешься, черт возьми, в окна автомобиля!

Я засмеялась:

— Кто-то из нас прочитался романов. Даром, что Поэт. — Я ткнула пальцем парня в грудь. — Послушай сюда, Писака. Это в сказках все бывает так романтично с обязательным местом для хэпи энда. В жизни все куда сложнее. И наша с тобой история такова: я подобрала забавного щеночка, когда перешла в новую академию. Я поиграла с тобой как с куклой. Гляди-ка, даже придела. А, ну еще мне захотелось послушать скрипку. Так, для настроения. Но финал таков: мне скучно. Я устала от тебя. Наигралась. Поэтому, пора завязывать, так что катись ты...

Я сделала попытку уйти, толкнув руку парня, но он с легкостью вернул меня в исходную точку. Я снова была зажата между его телом и стеной, а без того расшатанное самообладание уже начало вовсе ускользать от меня.

— Я сейчас закричу, отпусти меня, Дэниэл! — Прошипела я последний из возможных аргументов.

Дэниэл молчал и просто внимательно смотрел на меня. Брюнет медленно поднял руку к моему лицу. Нежно проведя большими пальцами по моим щекам, он грустно посмотрел мне в глаза. Лучше бы он меня оскорбил. Или, как бы мне хотелось, чтобы он продолжил на меня кричать. Но это было слишком. В его глазах я увидела разочарование. Разочарование мной.

Его пальцы соскользнули с моего лица и нежно обняли за шею, пуская по позвоночнику заряд электрического тока. Он приблизил мое лицо так близко, что наше прерывистое дыхание смешивалось в одно. Почти касаясь меня губами, на которых играла еле уловимая тень улыбки, он прошептал:

— Какая же ты все-таки лгунья, Саманта.

И, не давая мне и сотой доли секунды чтобы ответить или попытаться сбежать, он накрыл своими губами мои: страстно, сильно, грубо. Уже первое прикосновение вырвало из моей груди стон, все внутри будто сжалось в тугий и горячий узел, который ныл и пульсировал, заставляя тело гореть.

Дэниэл обхватил мое лицо руками и углубил поцелуй, скользнув языком в рот. Движения его губ и языка были идеальны. Я запустила пальцы в его непослушные волосы, с удовольствием ощутив их жесткость. Руки Дэниэла спустились от моего лица к шее, когда он провел по ней кончиками пальцев, спуская к ключице, моя кожа покрылась мириадами мурашек. В висках стучало, наши тела прижались так близко друг к другу, насколько это вообще было возможно. Все эти ощущения были со мной впервые, еще никогда мое тело и мое сознание... Моя душа. Еще никогда я не отзывалась так на малейшее прикосновение парня. Казалось, еще секунда ласк и я сойду окончательно с ума. Но я хотела стать безумной. Я желала этого и желала Дэниэла.

Парень оторвался от моих губ, я с жадностью схватила глоток воздуха, чтобы тут же издать еще один протяжный стон, когда его горячие, влажные губы коснулись моей шеи, прочерчивая по ней дорожку наслаждения. Когда к губам присоединился язык, мои пальцы вцепились с силой в его рубашку, чтобы просто устоять на ногах. Это было лишним, руки Поэта не позволили бы этому случиться: он оторвался от меня и резко подхватил на руки. Ахнув, я обхватила его за шею и встретилась взглядом с его глазами, в которых, готова

поклоняться, плясал демонический блеск, манящий, темный и дерзкий. И это тот самый Дэни?

Дэниэл же, похоже, сам боролся со своими демонами, не решаясь выпустить их на волю. На его лице была тень сомнения и нерешительности, мне захотелось стереть ее и, желательно, поцелуем. Его губы приоткрылись, будто он желал что-то сказать, или спросить, но я боялась, чертовски боялась прервать этот момент. Одно лишнее слово, один вопрос, который позволит мне выбирать следующий шаг, и все может пойти крахом. Все это растает как сон. Я не могла позволить себе такую роскошь, не сейчас.

— Шшш... — Произнесла я, дотронувшись указательным пальцем до его губ. Затем мой палец сменили мои губы, и я приникла к нему, как погибающий от жажды человек, заблудший в пустыни, припадает к роднику. И я и он надеемся лишь, что это все не мираж.

Мой поцелуй заставил Поэта решиться и он сделал несколько шагов в глубь комнаты. Затем осторожно, будто я была самым ценным и хрупким созданием, он положил меня на кровать. Матрас подо мной слегка прогнулся, и опустился еще сильнее, принимая на себе тело парня.

Он навис надо мной, как в тумане я смотрела на его очертания. Глаза еще не привыкли к мраку комнаты, но от этого, и от того, как отражалась темнота и отблеск луны, освещающий нас, в его глазах, момент казался еще более нереальным, волшебным, и безумно желанным.

Губы парня снова вернулись, покрывая мое лицо горячими поцелуями. Руки заскользили по телу, заставляя мое дыхание сбиваться, а сердце неистово стучать. Его рука опустилась на мое бедро, сжимая его и обжигая сквозь тонкую ткань.

— Я не успел сказать. Прекрасно выглядишь... И красивое платье...

— К черту его. — Прошептала я, сдирая через голову свой наряд.

— Да, так гораздо лучше. — Улыбнулся парень.

Дэниэл

Я держал ее в своих руках, боясь отстраниться даже на миллиметр. Ее горячее, нежное тело, тело сказочной нимфы с серебряными глазами, просто могло раствориться в воздухе. Так, как она привыкла вечно ускользать от меня.

— Ты все еще хочешь узнать, сколько у меня было парней? — Спросила девушка сбивающимся полупшепотом.

— Что? Нет!

— Ни одного.

Я думал, что мой пульс уже на пределе, но теперь он и вовсе вырвался за пределы скорости. Я не ответил, лишь поцеловал ее губы, мягкие, податливые, такие горячие. Лицо. Я стал целовать все ее лицо, с наслаждением прижавшись губами к родинке в виде сердечка. С удовольствием стал покрывать жадными поцелуями шею, покусывая нежную кожу. Девушка застонала в голос, и я снова припал к ее рту, вбирая этот стон.

На такой краткий, но показавшийся мне очень долгим, миг, я оторвался от Саманты, но не отрывал от нее взгляда. Она была прекрасна. Припухшие губы, глаза с поволокой, как будто одурманенные происходящим, вызывающе эффектное кружевное белье, которое ничего не скрывало за полупрозрачной материей. Я хотел скинуть с себя одежду, но Сэм потянулась ко мне, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке.

— Я хочу это сделать... — Прошептала она рядом с моим ртом. Ее руки избавили меня от одежды, а остаток я сам скинул на пол.

Затем я снова опустил девушку на кровать, избавляя ее от нижнего белья. Каким бы красивым оно не было — без него она была совершенна.

— Саманта... — Прохрипел я, покрывая ее тело поцелуями. — Ты восхитительна...

Я целовал ключицы, грудь, живот, бедра. Я приникал губами к татуировке и будто даже чувствовал на языке вкус чернил.

Меня разрывало от желаний. Я хотел быть нежным и терпеливым, но также я хотел быть страстным и заполнить ее собой полностью.

— Ты прекрасна. Как же ты прекрасна, Саманта... — Шептал я, оставляя цепочку поцелуев на ее шее и приникая к наиболее чувствительному месту на ней.

Саманта

Я застонала, откинув голову назад. Я вцепилась рукой в простыню, сжимая ее чуть ли не до треска. Мои ногти больно впились в ладони, но этого мне показалось мало. Я буквально опьянела от потрясающего запаха кожи Поэта. Особый, невероятный мускусный аромат.

Каждый мой нерв чувствовал, как его губы и язык скользили по моей горячей коже.

Температура в комнате была невероятно накалена. Жар от тела парня обжигал меня. Но я хотела, я безумно хотела сгореть. Прямо сейчас.

Я скользнула по бугристым от мышц рукам парня, чувствуя, как те перекатываются под кожей. Обхватила широкие плечи руками, сомкнула сзади, прошлась ногтями по спине, вызывая в нем вздох удовольствия.

Мои губы искали и нашли его губы. Его руки блуждали по моему телу.

Стон вырвался из моего горла одновременно с хриплым стоном Дэниэла, когда мы наконец стали единым целым. Я была близка к тому, чтобы просто задохнуться от переполняющих меня эмоций. Они били через край, заставляя меня вцепиться зубами в плечо парня.

Капелька пота упала скатилась по его виску и упала на мою щеку. Я прижалась лбом к его лбу, скрестив ноги на его бедрах. Мы были так близко, но мне хотелось быть еще ближе. Быть его, полностью, до последней капли.

Поэт зарылся руками в мои волосы. Мир сузился до размеров этой маленькой комнаты, но он был прекрасен. Он был для нас двоих.

Неистово, хрипло, мокро, страстно, грубо и нежно, всхлипывая и оставляя на телах друг друга следы от засосов, царапины, укусы - как маленькие трофеи, ловя стоны друг друга и...

— Дэниэл...

Мой крик был снова пойман жадными до моих стонов губами парня. Тяжелое дыхание, переплетенные пальцы, сплошной всплеск эмоций...

— Саманта...

Заснули мы только под утро. Зачем существует утро?

Солнечные лучи, как вражеские шпионы, проникли в комнату. Они прошли по раскрытым на столе конспектам, поиграли на стенах комнаты, снова возвращая им светло-оранжевый цвет, а затем устремились на кровать, коварно кидая лучи на мое спящее лицо.

Я поморщилась от яркого света и, не желая так просто сдаваться и возвращаться и самого сладкого сна в моей жизни, сделала попытку повернуться набок, спиной к окну. Но мне что-то мешало. Точнее кто-то. Глаза резко открылись, взгляд безошибочно нашел источник моего удивления. Так это не сон?

Он лежал на животе, повернувшись лицом ко мне. Волосы взъерошены еще больше, чем обычно. Его руки, даже в расслабленном состоянии, были рельефными от выпирающей мускулатуры. И одна такая рука как раз пригвоздила меня к кровати. Неожиданно парень громко вздохнул, заставив мое дыхание замереть, и с силой притянул меня еще ближе к себе, прижимая к голой груди. Да что там, он весь был голый!

Я чувствовала как наливаются жаром мои щеки, однако это утреннее объятие, умиротворенное лицо Дэниэла... Все это было настолько прекрасно, что мне захотелось уткнуться носом в его шею, вдыхая пьянящий, мускусный запах этого мужчины, и забыть о реальном мире. Но нет.

Я аккуратно, стараясь даже не дышать, сняла с себя руку парня и вылезла из его объятий.

— Только не говори, что ты собираешься сбежать из собственной комнаты? — Послышался хриплый и осипший со сна голос за моей спиной.

Я, все еще полусидя на кровати, обернулась к парню, стараясь при этом сохранить непринужденность при всей своей наготе.

— Ну, перед этим я бы обязательно оставила тебе серую розу на подушке и записку со стихами.

— Мм... Стихи и небанальные розы... Все как я люблю. — Усмехнулся парень и, привстав на локте, притянул меня к себе. В следующую секунду я снова лежала на порядком смятых после ночи простынях, а Дэниэл нависал надо мной. С озорным блеском в глазах он осматривал мое лицо и, погладив его рукой. Парень наклонился и коротко, но безмерно нежно, поцеловал меня. — Доброе утро, Саманта.

— Доброе утро, Дэниэл.

— Я говорил вчера, что ты прекрасна?

— Слишком мало. Всего раз сто. — Парень тихо засмеялся, собирая морщинки в уголках глаз, и, наклонившись, уткнулся носом мне в волосы. Поцеловал в висок, затем прикусил мочку уха и лишь затем нежно прошептал: — Ты прекрасна, Саманта Хэйс. Как рассвет, как звездное небо, как море в шторм, как природа весной...

Я зажмурилась, вслушиваясь в шепот и чувствуя, как его дыхание приятно щекотит мою шею. Но, как и все в моей жизни, идеальное утро не могло длиться вечно. Телефон в моем клатче, брошенном на полу, зазвонил.

— Это, наверное, Элизабет. Она осталась у Питера. — Проговорила я, нехотя выбираясь из теплого кольца рук парня. Странно, обычно подруга ограничивается смс.

Достав свой смартфон, я глянула на дисплей. Томас.

— Алло?

— Шот? Не разбудил?

— Нет, Том, что случилось?

Произнесенное имя заставило парня на моей кровати превратиться в сгусток негативной энергии. Он нахмурился и посмотрел на меня. Я подхватила со стула одну из валяющихся там чистых маек и выскользнула из комнаты.

— Ты бы не могла сегодня приехать ко мне? Или я к тебе, если ты не...

— Я не против.

— Тогда я вышлю за тобой машину.

— Нет, не стоит. Скинь адрес смс-кой, и я сама доберусь.

— Точно?

— Да, конечно. Через пару часов. До встречи.

— До встречи, Шот.

Когда я вернулась в комнату, Дэниэл уже был практически одет. Он раздраженно застегивал пуговицы на своей рубашке.

— Поговорила с Лиз? — Бросил он мне, не поворачиваясь в мою сторону.

— Это была не она. — Высказала я очевидный факт.

Дэниэл хмыкнул и повернулся ко мне:

— И что ты «не ей» сказала?

— Что приеду. Скоро.

Парень на секунду опешил. Затем окинул меня взглядом, будто ожидая, что я скажу, что пошутила. Когда он понял, что говорить этого я не собираюсь, он тихо выдохнул:

— Ты что, сдурела? — Я молча прошла мимо него и стала заправлять постель. Одежда, подушки, простыни... Все было сбито после ночи. Хм. А простынь вообще придется выкинуть. Я сдернула ее с кровати и, связав в узел, бросила на пол.

— Саманта. — Позвал парень. — Я, черт возьми, не понимаю, что ты творишь, не уверен, что ты совершаешь ошибку.

О да. Ошибку. На меня нашло понимание. Отвратительное и ядовитое понимание того, что парень говорил чистую правду. Горькую, как и любая правда.

— Уходи, Дэниэл. — Попросила я, заменяя постельное белье и не поворачиваясь.

— Да не уйду я! Мне осточертело уходить! И ты не уйдешь к нему! Зачем он тебе? Я же вижу, что тебе этого не надо! Ты не такая!

Парень уже просто орал. Я резко повернулась и со злобой уставилась на него:

— Опять «не такая»? Считаешь, один раз переспали, и ты уже в курсе того, какая я? Ты не знаешь меня! Ты ничего обо мне не знаешь, Дэниэл!

-Так Расскажи же мне! - В отчаянии крикнул парень. - Видит Бог, я действительно хочу этого! Я хочу узнать тебя, больше всего на свете!

Дэниэл

Мы оба тяжело дышали. Глаза девушки потемнели, становясь чуть ли не черными, и смотрели со злобой. Не думаю, что я выглядел лучше.

Девушка в нерешительности чуть приоткрыла рот, намереваясь ответить мне, но тут же закрыла его, плотно сжав губы. Как будто пряча все возможные откровения. Она опустила лицо и отвернулась, сев на голый матрас кровати и поджав под себя ноги.

— Я так и думал. — Тихо произнес я. Разочарованно, устало.

Развернувшись, я дошел до двери, но не успел и за ручку взяться, как девушка все же заговорила:

— Меня зову Саманта Мур. Я младше тебя. Мне 18.

Я медленно повернулся и посмотрел на девушку. Она даже не поменяла позы, также сидела на своей кровати, поджав под себя ноги. Но ее глаза были закрыты, почти зажмурены. Я сделал шаг к ней, она же, коротко выдохнув, продолжала.

— Я боюсь звонков с неопределенных номеров. Да и в принципе не очень люблю звонки. И если есть что сказать, лучше напиши смс. Я не плакала три года и не собираюсь начинать. Я боюсь детектора лжи на патологическом уровне, хотя ни разу даже не видела эту штуку в живую. Я не люблю запах скошенной травы и свежей земли, но люблю запах выпечки, книг и сладкие ароматы духов. Я ненавижу кофе. Потому что почти год пила только кофе. Вру, еще я пила таблетки. Вечером я пила таблетки чтобы заснуть, а утром крепкий кофе, чтобы проснуться. И еще, и еще. Меня, блин, тошнит, от одного воспоминания о его вкусе. А еще я пила не только седативные. И не только антидепрессанты. Но это потом, другой год. Метадон, эфедрон, первитин, эфедрин, экстази. Что-нибудь хочешь об этом знать? Я могу многое рассказать. — Каждый слог, слово, предложение, будто давались ей с трудом, застревая в горле. Как будто они проскальзывали по ее горлу острыми лезвиями. Я смотрел на нее и понимал, что она обнажает мне сердце. Сейчас она была голая для меня, по-настоящему. Больше, чем даже этой ночью. — А еще, моя старшая сестра, о которой я тебе говорила. Она не просто умерла. Она покончила жизнь самоубийством. Таблетки. В моей жизни так много таблеток, верно? — Нервный, почти истеричный смешок. Я хотел подойти к ней, обнять, заставить замолчать. Ей же больно. Я видел, как ей больно. Но не мог ни двинуться с места, ни прекратить слушать. — А моего старшего брата, ее близнеца, упекли в психушку. Здорового парня упекли в, мать ее, клинику для душевнобольных! Знаешь почему? Потому что деньги и связи решают абсолютно все. А знаешь за что? За то что он хотел убить к херам того, из-за кого моя сестра не захотела продолжать жизнь. Моя совершенно потрясающая сестра! Что еще в моей жизни было потрясающего? Самые лучшие родители в мире. Ты спрашиваешь, почему же я не живу с ними? Потому что они ушли в себя после потери близнецов и забили на меня, а затем и вовсе стали перекидывать вину за потерю детей друг на друга. А может, каждый все-таки винил самого себя. Они поедом съедали себя, пока не нашли себе новую жизнь. Так с каждым годом в нашем доме становилось все больше денег и меньше тепла. А затем был развод. Баста. И знаешь, я даже не уверена, что они в курсе, где я. Наверняка, отец думает, что я с мамой, а мама, что я с отцом. Ну, а я вот здесь. Но меня как бы и нет. Моя фамилия, мои документы, моя медицинская карта — это все фэйк. Все подделка. Я подменила все. И

если ты захочешь что-то узнать о Саманте Мур — ты получишь досье, идентичное с документами Роберты Мур. Реальная я забрала жизнь девушки, которая умерла. А та, что знаешь ты — созданная мной кукла. Для определенной цели. Ах да, самое важное. Мы жили в Броудер-Сити, и все это произошло именно здесь. И да, мне совершенно не нужен Томас Кейн, Дэниэл. Мне нужен его проклятый отец! — Последнюю фразу девушка просто выкрикнула, громко и надрывно. Ее грудь тяжело поднималась и опускалась, воздух рвано выходил сквозь сцепленные зубы.

В несколько широких шагов я пересек расстояние, разделяющее нас, и рывком прижал ее к своей груди.

— Тише, Сэм.

— Ну нет, нет! Ты хотел слушать! Так послушай же! — Девушка пыталась толкнуть меня в грудь, вырваться из рук, била по предплечьям, пока не устала от своей же истерики.

Я не расцепил рук, крепко прижимая ее подрагивающее маленькое тело. Моя хрупкая девочка. Она издала какой-то невнятный звук. Был бы похож на всхлип, но она не плакала. Сэм легла щекой на мое плечо и шумной дышала. Я стал гладить ее по спине. Дальше ее слова были тихими и монотонными, сказанными в мою шею.

— Я сходила с ума. Да я все еще сумасшедшая. Жизнь не приносит мне радости, если я не чувствую эмоций. Хоть какого-то всплеска адреналина... Это может быть ерунда. Например, стащить тележку из супермаркета. Или прыгнуть с тарзанки. А может быть и что-то более серьезное. Я думаю. Я надеюсь. Что все это закончится, когда я доведу дело до конца. Я отомщу. Увижу его падение. И тогда все станет на свои места.

Произошедшее с девушкой, ее слова, все это с каким-то трудом доходило до меня. Но решимость в ее голосе заставила меня действительно испугаться. За нее.

— Сэм. Месть еще никому ничего хорошего не приносила. Ты ввязалась в очень опасную игру.

— Думаешь, я не знаю этого? — Она отстранилась и посмотрела на меня. В ее глазах был какой-то фанатичный блеск. — Я все рассчитала, Дэниэл. Я шла к этому слишком давно. И чувства к тебе не остановят меня на финишной прямой.

— Нельзя искать себя в мести, ты сама себя разрушишь раньше, чем Кейна. И это сильный человек, какая бы ты не была, ты всего лишь девушка...

Ее глаза сверкнули почти яростно:

— Ты зря в меня не веришь...

— Не верю в тебя?! Я верю в тебя, ты не представляешь насколько! Я верю во все хорошее, что в тебе есть. Ты — самое прекрасное, что случилось со мной. Ты — моя страсть, мое вдохновение, мое безумие, моя надежда, моя вера в мечту. У тебя же тоже есть мечты, я не верю, что нет. И нельзя мечтать о возмездии, даже не заикайся опять об этом! Ты... Ну, например, ты великолепный танцор. Ты растворяешься в танцах, и если бы ты...

— Я не могу думать о таком, Дэниэл! Мои мысли, они... Ай, да что тебе объяснять. Твоя жизнь — это мюзикл, а моя — хоррор. Там не танцуют. Вот и все.

Я смотрел в ее серые глаза. Глаза юной девушки. Наполненные такой болью, как будто на ее хрупких плечах лежала ответственность за целый мир. Похоже, так она и думала. Боль ее брата, сестры, родителей. Тех, кто составлял весь ее мир. Все это скопилось в ней.

Я дотронулся до ее щеки. Погладил скулу большим пальцем.

— Я люблю тебя. — Проговорил я, глядя на девушку.

Саманта шумно выдохнула.

— Не надо.

— Останься со мной. — Не сдавался я. — Останься со мной навсегда. Я сделаю для тебя все. Ты будешь счастлива. Я обещаю тебе, Саманта.

Она отчаянно зажмурилась и замотала головой:

— Дэниэл, хватит! Со мной не получится нормально, понимаешь?! Я не смогу, как твоя мама, следить за цветами и ждать с работы, разогревая теплый ужин. Мне не интересно дожить до золотой свадьбы или носить одежду в одинаковом цвете. Ты же знаешь, я безумна, и любовь моя, столько же больная, как я сама. Моя любовь к тебе — это не сердечки. Это страсть, драйв и полный экстаз. И я не та, кого вы себе выдумали. Я не хорошая.

— А может, это ты выдумала плохую себя?

— Нет, нет. Это твой удел — выдумывать мне оправдания и доброе альтер-эго. Хватит. Смирись и взгляни правде в глаза: я не славная девушка Сэми. И не была такой. Никогда. А сейчас, прошу тебя: УХОДИ!

Саманта

Я была близка к истерике. Я была буквально в полушаге, полувздохе, в одном лишнем слове от нее.

Парень, не говоря ни слова, встал, подошел к креслу, взял с него свою куртку, и выудил что-то из ее кармана. Подойдя ко мне, он протянул мне маленькую коробочку из серого бархата. Я неуверенно взяла подарок из его рук.

— Что это?

— Пока что я не могу подарить тебе оригинал. Так что пусть он станет заменой.

Я открыла коробочку и мои руки задрожали еще сильнее.

— Уйди... — Прошептала я...

— Саманта, я...

— УЙДИ! УХОДИ! УМОЛЯЮ ТЕБЯ, УХОДИ! Я прошу тебя, ради меня... Если ты правда меня... — Слово застряло в горле.

Я не поднимала глаз до тех пор, пока дверь за ним не закрылась.

Глава 15. Хедшот

Саманта

Две недели. Четырнадцать дней я провела в квартире Кейнов. Центр города, двадцатый этаж, панорамные окна. Вид за ними я ненавидела. Или я просто ненавидела себя?

Сюда Томас переехал вместе с матерью. Скандал в городе разгорался с каждым днем все сильнее и сильнее. Я жадно следила за новостями, когда мне предоставлялась такая возможность.

В один из таких моментов я чуть ли не сорвалась. Репортаж о падении мэра был таким ярким, что чувство торжества во мне поднялось откуда-то изнутри, из живота. Оно разрасталось во мне теплом, распирало грудную клетку. Оно заставило меня улыбаться, а затем и вовсе вырвалось наружу безудержным смехом. Не в силах стоять на ногах, задыхаясь от счастья, злого, обжигающего, но все же — счастья, я упала перед экраном на колени. Плечи сотрясались. Тогда я почти попала на глаза пришедшему раньше с репетиции домой Томасу. Это было опасно.

Самого мэрая видела лишь раз, неделю назад. Мы приехали за вещами Томаса (А я приехала угостить Джеймса Кейна решающим зарядом таблеток).

Отец и сын поругались, что было мне только на руку.

Правда утешать его тоже пришлось. И наверное это я ненавижу больше, чем блеск высоток и звуки автомобилей в центре Бродер-Сити.

Неделей раньше

Я зашла в дом и скинула обувь. Отдала Томасу куртку, которую тот повесил на вешалку. Парень был взвинчен.

— Ты как? Том?

— А? Нормально. Нормально.

Беркут был погружен в себя. Он явно обдумывал ссору с отцом. Брошенные друг другу в запале фразы и слова. «Неблагодарный». Этим эпитетом наградил его отец. Может над ним он и думает?

Лаванды не было дома. Она вообще мало появлялась. Мы прошли в спальню парня, тот поставил вещи и лег на кровать.

Я присела рядом и погладила его по волосам.

— Может, тебе что-нибудь принести? Сделать чай? Расслабляющий?

Томас медленно покачал головой. Он стянул мою руку со своей головы и нежно поцеловав, притянул к себе.

— Полежи рядом, пожалуйста.

Я забралась с ногами на кровать и устроилась на груди Томаса. Тот обнял меня и стал выводить рукой узоры на моей спине. Минут десять мы лежали в молчании, каждый в своих мыслях.

— Саманта. — Нарушил тишину парень.

— Да?

— Я до сих пор не могу в это поверить. Мой отец... Он действительно был хорошим, понимаешь? И как я могу ненавидеть человека, который лично мне не сделал ничего плохого?

Я приподнялась на локте и посмотрела в лицо парня:

— Ты и не должен, Томас. Для тебя он все равно остается отцом.

— Но мама...

— А мама — всегда останется мамой. Ты не должен выбирать одну сторону, когда оба твоих родителя — живы и любят тебя. — Я снова легла парню на грудь. — Поговори с отцом. Кем бы он ни был, что бы он не сказал сегодня, ты ему нужен.

Томас молчал на этот раз еще дольше.

— Саманта?

— Да.

— Я люблю тебя.

Я замерла на мгновение в его руках. Плечи напряглись, руки перестали рисовать на его груди странные символы. И я не стала отвечать. Я просто не могла этого сказать.

Я снова приподнялась, опираясь на грудь парня. Посмотрела в его глубокие, зеленые глаза, бесконечно печальные прямо сейчас. Наклонилась, не отрывая от него взгляда, и нежно поцеловала. Пусть это сойдет для него за ответ. Лживый ответ, сладкий, как любая ложь.

Сегодня

Я лежала и смотрела в потолок. Сон не шел ко мне, совершенно. Я чувствовала себя... Толку объяснять, как я себя чувствовала? Опустошенной — самое легкое определение.

Справа от меня спал Томас. Тихо, мирно. Его грудь поднималась и опускалась в такт дыханию. А я слушала его и пыталась не сойти с ума.

Неожиданно я услышала звук виброб звонка и короткий сигнал, говорящий о смс. Сейчас 4 утра, кому не спится?

Осторожно, чтобы не разбудить парня, я убрала с себя одеяло и сползла на пол. Нашла в портфеле, брошенном тут же, свой мобильный. Входящее смс. «Поэт».

Сердце моментально забило где-то в горле. Я бросила еще один взгляд на кровать, приглушила подсветку и сняла блокировку с айфона. Одно смс и одно аудиовложение.

Тема: Девушке, которая не любит телефонные звонки.

Привет. Я бы хотел позвонить, чтобы услышать твой голос. Но знаю, что не могу. Поэтому, просто прочитай и прослушай. И знай — я все равно с тобой. Что бы не случилось.

Это были стихи. Прекрасные стихи, написанные рукой Дэниэла. А в файле... Я вытащила наушники-капельки и быстро вставила их в уши, нажимая на треугольный значок play.

Нежное звучание скрипки заполнило мое сознание. Красивое, прекрасное. Как весенняя

капель. И я стала читать рифмованные строки:

**Сильнее девушки — не знаю.
Слабее девушки — не видел.
Глаза во мраке закрывая -
Я образ твой на сердце высек.**

**То ненавидя, проклиная,
То восхищаясь и любя,
Тебя я то не понимаю,
А то я знаю лишь тебя.**

**Сероглазая. Бесконечная.
В моей жизни — огнем отмеченная.
В моей жизни — отчаянно светлая.
В моей жизни ты — предрассветная.**

**Ослепляя серебра сиянием,
И сводя с ума каждым касанием,
С виду — гордая, неподступная,
Безрассудная, прямодушная.
Не умея ни плакать, ни отступить
Покоряешь ты жизнь, но какой ценой?**

**Ты сильнее меня, или глупая?
Почему ты бежишь, недоступная?
Оглянись, я молю, посмотри назад.
Не превращай мой рассвет, в очередной закат.**

**Я с тобой — и герой, и поэт, и вор.
Для тебя — со скалы и в горящий дом.
Для тебя — звезды с неба, и все в карман.
Для тебя — все что хочешь, и сердце отдам.**

**Я с тобой на руках — будто окрылен.
Невозможного нет, если рядом ты.
Только разреши.
Только разреши.***

Последние звуки скрипки в наушника стихли. Слова были прочитаны. Но все также этот дуэт слов и музыки разливался в моей душе. Слова — хриплый шепот Поэта. Голос в который я влюблена.

Я посмотрела на свое запястье. Теперь там было три подвески. Третья — прекрасная серая роза. Подарок Дэниэла. Роза из белого золота. Хрупкая, тонкая и изящная работа. С

блестящими камнями — росинками, между нежных лепестков. Росинки были похожи на слезы.

И я зарыдала.

Тихо, бесшумно, но от этого не менее отчаянно и безнадежно. Я чувствовала, как горячие капли обжигают мое лицо. Льются и льются, как будто все, что я накопила в себе за эти годы, вырвалось наружу. Я зажмурилась и крепко укусила костяшки пальцев, чтобы не кричать, не вопить, не дышать... И как же болело мое сердце. Как сильно оно болело.

Я сидела на полу, опершись спиной на стену, и плакала, плакала, плакала, пока первые лучи рассвета не забрезжили в окне.

Слезы — это роскошь слабых людей. Сильные себе этого позволить не могут. Значит, я стала слаба. Тогда нельзя тянуть, пусть все закончится сегодня.

Томас

Я вжал педаль газа в пол, пытаюсь выжить из этой колымаги все, что только возможно. Меня не волновали ни посты полиции, ни аварии, ничего. Только смс, не выходявшее из моей головы.

«Томас, не переживай за меня. Я хочу поговорить с твоим отцом. Вы должны понять друг друга. Я уверена, вы поймете».

О чем с ним говорить? Вот же, глупая девчонка!

Она написала мне, когда я был на репетиции. Я не слышал сообщения в это время, значит она уже в особняке. Черт возьми. Мой отец признан нестабильным, о чем думает эта безрассудная дурочка?!

Я еще сильнее нажал на газ.

Джеймс Роберт Кейн

Я сидел в кресле. Жутко дорогое кресло из хорошей кожи. Меня тошнило. В голове шумело. За окном было темно, но мне все равно. Для меня дни и ночи смешались в одну сплошную серость. Каждый раз, когда я закрывал глаза, на меня накатывал страх. Я не знал, что происходит. Таблетки уже заканчивались, но толку? Они не помогали. «Необходимо время», в один голос твердили врачи. Жалкие шарлатаны. Лишь бы высосать побольше денег.

Я слушал тишину. Дом был пуст. Вся прислуга попросила расчет. А те, кто не попросил, были выдворены мной же. К черту. К черту всех. И Лаванду, бросившую меня. И сына, неблагодарного маменькиного сыночка.

И как я до такого опустился? В мгновение ока я превратился из молодого, любимого людьми человека, мэра города, во всеми покинутого старика. Почему именно старика? Да я разваливался на части! Мои счета были заморожены. Не все, конечно. Откуда им знать обо всем. Но теперь ищейки денно и нощно копают под меня. Я буквально чувствую их дыхание за спиной.

-Ох... - Я испуганно открыл глаза, прислушался. Нет, показалось. Все чаще и чаще мне стало «казаться». Меня буквально преследуют образы. Слова. Шепот. Постоянный шепот. Он стал просто невыносим.

Джейми...

Вот, вот, опять он.

Джейми...

Ты помнишь?

Джейми?

Помнишь?

Помнишь?..

Ты помнишь, как я тебя любила, Джейми?...

Я зарычал и ринулся в сторону стеклянного стола. На нем стоял пузырек с таблетками. Они должны помогать, они же должны когда-то помогать?!

Скрутить крышку удалось с десятой попытки. Руки перестали меня слушаться, пальцы дрожали как у немощного старца. Высыпав на руку таблетки и рассыпав несколько, я быстро проглотил две. Подумав долю секунды, закинул в рот еще одну. Запил водой. Снова упал в кресло.

Потер лицо руками, сильно, до боли растирая глаза. Когда я в последний раз нормально спал? А когда я буду нормально жить?

Что это? Злой рок? Карма? Насмешка Бога? Вот так внезапно ко мне пришло мое прошлое. Ужасное прошлое. Это не просто скелеты в шкафу. Если они раскопают и это... Надо было чаще проверять того мальчишку в дурдоме. Дают ли ему таблетки? Нет ли за мной хвостов?

И эти письма. Когда я получил первое, я был в ужасе. Но когда я стал получать их регулярно... Сегодня был день получения дьявольского письма. И я ждал его. За окном темнело, но письма не было. Я проверил почту несколько раз. Пусто. Что это принесло мне: облегчение или еще больший страх?

В висках сильно закололо, казалось, мой череп сейчас разорвется изнутри. Я застонал сквозь сцепленные зубы.

Ты помнишь, как я тебя любила, Джейми?...

Я помнил. Я все помнил в мельчайших деталях и видел это в каждом кошмаре, которые стали для меня нормой. Но теперь они преследуют меня и наяву.

Я приехал в учебное учреждение, чтобы прочитать курс лекций по политологии. Как специалист. Молодой мужчина, только начинающий свою карьеру, но уже вполне способный поделиться своим опытом и знаниями с юными учениками. И там была она. Белокурая девушка с голубыми глазами, не заметить ее было невозможно. Худенькая, юркая, с живым умом и неукротимой жаждой жизни. Она так и манила меня к себе.

С Лавандой тогда были натянутые отношения, и Роберта стала для меня настоящим

утешением. Моя мекка.

Но мне не нужен был ребенок от школьницы. И моей карьере не нужно было такое черное пятно. Я только-только начинал. Я так многого добился. Я сам всего добился и не мог это потерять из-за минутной слабости...

Джейми...
Помнишь?

— Ааааа! Роберта! — Крикнул я в пустую комнату. Стены будто оттолкнули звук моего голоса и ударили меня им же. Дыхание сдавило, сердце сжалось. — Роберта... Ну, прости же, прости же!

Я понял, что начинаю рыдать, когда мои плечи затрясло, а щеки увлажнились. Усталые глаза буквально горели.

Джейми...
Джейми.
Джейми.
Джейми.

— Джейми. — Звук был таким реальным, что я дернулся, выпрямляясь из своего сгорбленного положения. Нет, это не галлюцинация. Передо мной стояла девушка моего сына. Саманта, кажется.

— Саманта? — Просипел я, со стыдом думаю о своем внешнем виде.

Она кивнула.

— Здравствуйте.

— Как... Как ты меня назвала?

— Джеймс. Что-то не так? — На ее лице выразилась степень крайнего раскаяния. Расстроил единственного человека, пришедшего ко мне.

— Нет, нет... Просто показалось... Ты зачем здесь?

Она посмотрела на меня грустными глазами. Что-то ее серые глаза мне напоминали. Хотя сейчас я не готов ручаться ни за здравость своих мыслей, ни за память.

— Я пришла вас навестить. Как вы? Держитесь?

Чувство благодарности разлилось по моему телу. Я приподнялся с кресла, но голова закружилась. Зрение рассредоточилось, и я со вздохом опустился обратно. Девушка подскочила ко мне.

— Как вы? Вам плохо?

— Голова кружится. — Пробормотал я, пытаюсь сфокусировать внимание на девушке. Та была совсем рядом, наклонившись надо мной и положив руку на плечо, заглядывая мне в глаза. Я заметил, что на руках девушки были черные кожаные перчатки. Почему-то мне стало страшно. Когда я смог всмотреться в ее юное лицо, я будто увидел, что за ее обеспокоенным выражением, скрывается что-то... Что-то неприятное. Она так внимательно всматривалась в меня, будто искала во мне нечто необходимое ей. Будто ей нравилось что она видит. Будто она... Губы девушки медленно растянулись в хищной улыбке. Теперь ее лицо стало внушать ужас:

— Что же ты так, Джейми. Осторожнее надо быть. — Она похлопала меня по плечу

выпрямляясь. — Я принесла твою почту.

Темноволосая девушка выудила конверт и кинула его мне на колени. Тот самый конверт. Который должен был прийти сегодня. Не успел я осознать происходящее, как голову снова пронзила острая боль, как будто лезвия воткнули в виски. От напряжения я сжал зубы, чувствуя, как они скрежещут.

— Тебе больно, да? Не переживай... Тело человека восстанавливается очень быстро. А вот разум... Иногда, медицина, таблетки, психотерапевты с баснословными гонорарами — бессильны. Мне ли не знать. — Чуть ли не пропела девушка. Да, она была счастлива.

— Кто ты?

— А, а, а. — Девушка поводила указательным пальцем как маятником, пресекая расспросы. — Это самая интересная часть, и мы до нее еще дойдем. Не все сразу, спойлеры — это жутко неинтересно.

— Откуда у тебя эти письма?

— От Роберты, конечно. Ты что, не читал? Ай-яй-яй. Некрасиво как.

Девушка прошлась по комнате, задумчиво осматривая интерьер кабинета. Дошла до каминной полки, посмотрела на фотографии. Взяла одну из них, с Томасом и мной на рыбалке. Томасу было пять лет, он держал огромного осетра и был горд собой.

Я следил за девушкой, готовый в любой момент накинуться. Только соберусь с силами. Но она не выйдет из этой комнаты без наручников. Я все расскажу копам и тогда все станет на свои места. Мне показалось это таким логичным решением всех, абсолютно всех моих проблем, что я чуть ли не захохотал.

— Ты хороший папочка, да? — Девушка поставила фоторамку на место. — А чего же тогда хотел избавиться от другого ребенка?

Ребенок Роберты. Он тоже мне снился. Он не давал мне покоя. Из-за нее.

— Я был только в начале карьеры! У меня была жена и ребенок! — В отчаянии крикнул я, понимая, что это не аргументы для этой девушки.

— А она была в начале жизни. И у нее тоже была семья. — Сухо произнесла та и развернулась ко мне. Точно. Серые глаза. Серые глаза младшей сестры Роберты. Она мне рассказывала про нее. Я не помню имени, но...

— Сэми.

Девушка довольно улыбнулась и, щелкнув в воздухе пальцами, показала двумя указательными на меня:

— Бинго! И главный приз достается нашему мэру! Мистеру: Джеймсу. Роберту. Кейну. Ах, пардон, вы же уже не мэр. Вы — никто. Но приз вы все же получите. — С этими словами она закатала рукава куртки в жесте фокусника и достала черный пистолет. Твою мать. Она ненормальная.

— Это не игрушка, ты в курсе?

— Что, правда? А в «Детском мире» сказали обратное. Бывает же.

— Положи пистолет.

— Интересное предложение, но... Нет. — Она наставила ствол прямо на мою голову, вытянув обе руки. Движения точные, уверенные, она явно умела пользоваться им. И хотела воспользоваться им.

— И что ты сделаешь? Убьешь меня? Вина не загрызет?

— Хм... Вина? Вина... Знакомое какое-то слово. Нет, не знаю такого. Не встречалась. Но, бьюсь об заклад, это неприятно. Ведь ты наверняка чувствуешь вину за смерть Роберты.

Не так ли, Джейми?

— Если ты меня убьешь...

— Что значит «если»? Я уже написала отличную поминальную речь, она не может пропасть даром!

На руке девушки весел браслет. Я увидел маленький крестик.

— Бог учит нас прощать... — Пробормотал я.

— Где он был, Бог, когда я молила о помощи? — Прошипела она мне в ответ, подходя ближе. — Или когда ты свел с ума моего брата? Его пичкали транквилизаторами. Или, хм... Может, когда довел до суицида маленькую девчонку? Так вот, Джейми, я тоже маленькая девчонка из семьи Леви, да только правила игры поменялись.

Надо было быстро соображать, но сознание ускользало от меня. Я сделал вид, что зашелся в приступе кашля, и, успев набраться сил, резко вскочил и кинулся в живот девушке. Мы оба повалились на пол, ее голова оцарапалась о угол камина, но девушка не думала сдаваться. Завязалась борьба, жесткая, эта маленькая девчонка обладала незаурядной силой. Она не выпустила из поднятой руки пистолет, а я всеми силами пытался добраться до него, но лишь с силой оцарапал ее руку. Девушка укусила меня в плечо и пнула в живот. Из без того ослабленный организм был на исходе. Я чувствовал, что боль, страх, паранойя, шум — все это снова наступает на меня. Времени не оставалось, она воспользуется любым шансом, чтобы убить меня. Расходуя последний резервы сил и разума, я ударил девушку сильнее и сразу рванул за пистолетом. Почувствовал, как моя рука смыкается на его рукоятке. Саманта Мур, кошмар моего прошлого, справилась с болью и опрокинула меня на спину. Я поднял пистолет и... Грянул выстрел.

Дэниэл

Я стоял перед телевизором. «Би-Эс 24». Экстренный выпуск новостей.

Я стоял и слушал. Но не слышал. Смотрел на корреспондента в кадре и на черно-белую фотографию девушки над ее левым плечом. Но не видел. И, главное, не мог в это поверить.

«Чудовищное событие произошло в этом самом доме, за моей спиной. Знаменитый особняк Кейнов теперь — место преступления с одним неизвестным. Сейчас дом оцеплен стражами порядка, но мы уже знаем некоторые подробности разыгравшейся трагедии.

Вчера вечером, мисс Саманта Хэйс, ученица знаменитой академии искусств stART, которая являлась девушкой Томаса Кейна, сына бывшего мэра Броудер-Сити — Джеймса Кейна, приехала сюда для разговора с последним. Об этом свидетельствовал убитый горем Томас Кейн и смс на его телефоне. Девушка хотела помочь семье пережить сложную ситуацию.

Но мэр, находившийся, по словам его лечащих врачей, в состоянии затяжной депрессии, а также в стрессе из-за обстоятельств, набросился на девушку. В комнате развязалась борьба, что подтвердило следствие. Судмедэкспертом найдены следы крови. Доказано, что многочисленные пятна в кабинете Джеймса Кейна пытались затереть порошком, обнаруженным здесь же, но полностью стереть их не удалось. Экспертиза подтвердила, что это кровь девятнадцатилетней Саманты Хэйс, чья

медицинская карта была изъята из академии stART. Тело девушки не было обнаружено. Поиск ведется.

В ящике для документов нашлось и орудие убийства — пистолет Glock 26, с отпечатками пальцев Джеймса Кейна. Экспертиза подтвердила наличие следов выстрела.

Сам бывший мэр был найден своим сыном у себя в комнате, со следами крови на одежде и частицами кожи жертвы под ногтями. Он утверждает, что не помнит, как убил девушку. И не знает, где ее тело. Стоит отметить, что Джеймс Кейн при это выглядел лишенным рассудка, но не отрицающим свою вину.

Напоминаем, что не так давно, Джеймс Кейн был уличен в отмыывании денег через многочисленные благотворительный фонды, коррупции, и торговле через свою корпорацию «КейнГрупп» запрещенными препаратами из Португалии. Эта информация поступила в СМИ во время ежегодного «Бала Мэра», со всеми необходимыми документами. Отправителя выяснить не удалось. Как и не удалось выяснить создателя сайта mayorgotohell, значительно нашумевшего и подпортившего репутацию бывшего властителя нашего города. Возможно, это один и тот же человек, которого теперь называют Интернет-Робин, по аналогии с Робинот Гудом. Но Джеймсу Кейну удалось добиться ухода с поста мэра по собственному желанию и отделаться подпиской о невыезде до выяснения всех сторон дела.

Сейчас жителей Боудер-Сити волнует лишь один вопрос: До каких пор властимушум будет все сходить с рук?

Осудят ли Джеймса Кейна за, бесспорно, осуществленное им преступление, или адвокатам удастся признать его невменяемость? Оставайтесь с нами и вы узнаете об этом первыми!

Патриссия Линн, «Главные Новости», «Би-Си24», специально для вас.

— Дэни, родной, как хорошо, что ты здесь. Доставили те розы, о которых ты говорил. Посмотри, какие прекрасные! И не надо рассказывать мне про неожиданную любовь к моему делу, я хочу видеть ту девушку, которой они предназначаются, скрытный мальчишка!

Мама зашла в комнату, но я даже не обернулся. Так и стоял перед телевизором и смотрел на экран. Там показывали других людей, другие события, другие новости. Но у меня в голове было совершенно пусто. И не только в голове. Кажется, в душе что-то оборвалось. Оборвалось, упало. Как камень, кинутый в пропасть. Бездонную и черную пропасть. Я даже не чувствовал боли. Или страха. Я чувствовал такую отчаянную и леденящую пустоту, будто мою душу просто вырвали из тела, оставив брентную и никчемную оболочку. Оболочку парня, который так быстро нашел то, чему хочет посвятить всю жизнь, и также быстро это потерял. Не смог удержать.

Я не смог удержаться ее от рокового шага. Надо было оставить ее рядом, с собой. Надо было защитить ее. От ее врагов. От самой себя! Надо было спасти девушку от себя же, от ее всепоглощающего желания отмищения и ненависти. Но я не смог. Это я виноват. Я во всем виноват.

— Дэни, ты чего?.. Ах, видел новости, да? Все только об этом и говорят. Кошмар какой! Наш мэр! И девочку жалко, совсем маленькая еще. Как ты у меня. Вы не были знакомы? Она

в твоей академии училась.

Неожиданно для самого себя камень в моей души достиг своего дна и я, как подкошенный его тяжестью, рухнул на колени, обхватив голову руками.

— Дэни, милый, ты чего?! — Я почувствовал, как руки мамы трогают мои волосы, плечи, пытаюсь поднять. Но я не хотел на нее смотреть. Я не хотел никого видеть. Боль, которая не пришла ко мне сразу, накатила взрывной волной. Она убивала меня. И я отчаянно заорал, понимая, что пугаю маму, но ничего не мог с этим делать. Крик рвал мою грудь и легкие, и мне очень хотелось, чтобы он просто уничтожил меня.

Тяжело дыша я уткнулся лбом в пол. В пол, по которому мама рассыпала серые розы. «Серый рассвет». Он навсегда для меня стал закатом.

*Стихотворение написано Дэниэлом Маккарти, Поэтом. Без названия.

Глава 16. Эпилог. (зачеркнуто) Некролог

Глава 16. Эпилог. (зачеркнуто) Некролог.

Два года спустя

Джеймс Роберт Кейн

«Виновен».

Суд по моему делу длился почти два года. Два чертовых года. За это время тело девчонки так и не нашли, но все равно признали меня повинным в ее смерти. Сам виноват, не стал этого отрицать в самом начале. Когда я очнулся, я был в настоящем шоке, моя память стала белым пятном, а сам я нес бред. Все как на духу. Но суть была ясна: я выстрелил. Я убил. И за это зацепились.

«Виновен».

Надо было сначала поговорить с адвокатами. Но даже они и влияние на мой организм препаратов не смогли вытащить меня из-за решетки. Потому что общественность сошла с ума. Люди спятили. Взбесились. Сорвались с цепей. Возвели ту чертову девчонку до небожителя, поклоняясь ей, а меня сделали козлом отпущения для своей ненависти... Да, недооценил я силу «четвертой власти». СМИ раздули все так, что выплыть стало невозможно...

«Виновен».

Теперь Джеймс Кейн сидит здесь. В камере-одиночке. Приговоренный по тысяче статей, главная из которых — «Убийство», к лишению свободы. Пожизненно.

«Виновен».

И я даже не помню этого убийства. А жаль. Я знал, я чувствовал, что все, что я называл «злым роком» — дело рук этой девчонки. Девчонки, которой я засадил пулю в живот. Как я избавился от тела? Как убирал место убийства? Я не помню этого. А если бы помнил, куда выкинул ее останки, то нашел бы это место, чтобы просто насладиться видом ее черепа.

«Виновен».

И главное, что ни одна шавка не поверила в мою версию. Это была самозащита, мать вашу! Самозащита от спятившей сучки! Правда, как только я открывал рот, что сказать это, меня сдерживали. Факт того, что из-за меня покончила жизнь самоубийством несовершеннолетняя девчонка, с которой я спал, не добавил бы в картину плюсов. Хотя куда хуже? Да и ее брат, которого я засадил в психушку... Маленький ублюдок без вести пропал, я пытался навести справки — и вот. Чертовщина какая-то.

«Виновен».

И теперь я здесь. Я, мэр Джеймс Роберт Кейн, сижу в тюрьме и питаюсь помоями пс гребаному расписанию! А мои бывшие союзники стали врагами, которые наперебой закладывали меня правительству, чтобы я не потянул их следом. За амнистию, за поблажки, за просто так. Они сдали все. Хотя не всем удалось выйти белыми, и поделом.

«Винов...»

— Джеймс Кейн! На выход. К тебе посетитель. — Об дверь камеры лязгнули ключи и она с характерным скрежетом отъехала. Я ненавидел этот звук.

— Кто? — Спросил я, вставая с кровати. Я всегда лежал на кровати. Лежал. Смотрел в потолок. И думал. Думал. Думал.

— Я тебе что, секретарша? — Ослабился этот убогий.

Но ссорится с ним было ни к чему и не выгодно. Я молча пошел за здоровенным бугаем, смотря в его спину. По сторонам не смотрел, местные заключенные только и ждали того, чтобы поймать мой взгляд. Как же, бывший мэр города, который засадил их сюда.

— Сюда. Долго не трепаться. — Охранник, на чьем бэйджике значилось Ральф, кивнул на один из стульев в ряде кабинок для бесед. Здесь от собеседника меня отделяло только прозрачное подобие высокопрочного стекла и провод телефонной трубки. Я заглянул туда. С той стороны сидела девушка с длинными густыми волосами серого цвета. Эта идиотская мода делает людей все более похожими на инопланетные существа. Лица девушки я не видел из-за джинсовой кепки. Но она явно была молодая и не похожа ни на одного из моих знакомых. Джинсовая кепка, джинсовая курка, серые волосы... Ясно, очередная журналистка.

Я упал на стул и тупо уставился перед собой на незнакомку. Та медленно протянула руку и взяла свою телефонную трубку, жестом приглашая меня сделать тоже самое. Я нехотя потянулся за древним аппаратом и приставил его к уху.

— Послушай, дамочка. Мне нечего сказать прессе. Запомни сама и передай своим коллегам. Здесь нечего больше рыть, ясно?! — Начал я сразу с нападения. С этими сволочами-журналистами, падкими на все самое грязное, нельзя было давать слабину.

Но в трубке раздался лишь смешок. Затем тихий смех, а затем счастливый хохот. Девушка подняла на меня лицо, и я увидел, что под потертым козырьком кепки...

— Саманта... — Это имя преследовало меня в кошмарах и на судебных процессах. И я ненавижу его.

— Здравствуй, Джейми. Давно не виделись. Тебе, кстати, идет оранжевый цвет.

Серые глаза девушки, из-за нового цвета волос, стали еще более странными. Меня пронзил суеверный ужас, а после и реальный озноб, от лопаток до шеи. Затем меня бросило в жар. Я хотел вскочить, закричать, но трубку у моего уха предупредительно зашипела:

— Шшш, Джейми. Не надо наводить панику. Иначе проблем у тебя будет еще больше, чем камера с видом на спортивную площадку.

Откуда она знала где моя камера? И почему... Нет, она точно знала, что говорит. Это не пустая угроза. Что она сделала? Что она могла сделать? Подговорила кого-то из местных эзков? Что мне теперь делать?

Страх парализовал меня, и я смотрел на девушку, просто восставшую из мертвых. Та же, как ни в чем не бывало, продолжала беседу, будто мы находились в парке на прогулке или на светском рауте:

— Тем более, я дала денег парочке очаровательных парней из охраны, и они были столь милы, что согласились не мешать журналистке из интернет-портала «Глобал-Тробал». Она показала мне удостоверение, висевшее на ее шее, которое я сначала не заметил. — Ага, корреспондент. Но это не главная моя область деятельности. Больше я люблю наказывать плохих людей за плохие поступки.

— Ты блефуешь.

— А ты проверь.

Улыбка девушки стала еще шире, обнажив ряд зубов. А во мне начал нарастать гнев.

— Меня посадили за твое убийство... — Прошипел я в трубку, едва не подавившись

брызнувшей слюной.

— Да, я в курсе.

— Но ты жива.

— И об этом я тоже догадывалась.

— Чертова сука...

— А это уже спорное утверждение.

— Как ты?..

— Ну, нет, Джейми. Только в плохом кино злодеи сидят и раскрывают жертвам секреты своей гениальности. — Девушка серьезно посмотрела на меня, а затем ее выражение лица снова стало озорным, и она резко придвинулась ближе к стеклу, махнув свободной рукой. — Ай, ладно, слушай!

И я слушал.

— Все что мне было необходимо, заставить тебя спянуть. Ну мы то с тобой знаем, что это сделать вполне легко. Ты же испытывал подобное на Роберте, верно? — Она подмигнула мне. — Ну, а я решила поиграть во врача с тобой. Представляешь? Все к нам возвращается бумерангом, верно? Ну так вот. Ты спянул, поверил в то, что убил меня, а дальше все как по нотам...

— Но кровь?

— Ладно тебе! Эта фишка стара как мир: откачай кровь, разлей кровь, вытри кровь. Ну да, мне пришлось поесть потом шоколадок, да и гематома была ужасной, но это ведь того стоило, а? А уж воссоздать сцену преступления... «Здесь» — меня убили, «тут» — меня тащили. Я просмотрела весь сериал — «Декстер», а это, на минуточку, 8 сезонов криминала. Если я захочу убедить кого-то в своей смерти, то ни один эксперт по крови не догадается что и как.

Она издевалась. Просто издевалась надо мной.

— Я выстрелил в тебя.

— Ага. Холостыми. Прежде чем я вырубил тебя ударом в горло. Сонная артерия, она такая... Нет, у меня было кое-что посolidней ребра ладони и незаряженного ствола, на случай непредвиденных обстоятельств, но все прошло так, как надо. Спасибо тебе за это, кстати. Если бы ты, в своем милом бреде и сумасшествии, не признался, что выстрелил меня, то следствие могло бы работать и дальше. Но честно скажу, доля риска во всем этом тоже была. Так что будем считать, что мне просто повезло?

И снова эта очаровательная улыбка и злые блестящие глаза.

— Тебя найдут. Тебя из под земли выкопают.

— Да что ты? Два года уже ищут.

— Мои люди...

— У тебя нет людей.

— Мой сын!..

— Тот, что считает, что его сумасшедший отец убил любовь всей его жизни? Ну-ну.

— Он поверит мне.

— О-очень в этом сомневаюсь. Ты один, Джейми. Смирись с этим. Ты совершенно один. И тебя все ненавидят. Жена. Сын. Люди. Партнеры. Город. Тебя все презирают, Джеймс Кейн. Абсолютно все.

Она смотрела на меня сквозь такое тонкое и прозрачное препятствие. Мне так хотелось разбить его и сомкнуть руки на ее мелкой шее. Сжать ее. Но я смог с силой сжать лишь

черную трубку в своей руке, сильнее прижимая ее к уху:

— Зачем ты пришла? Посмотреть на то, что сделала?

Она внимательно всматривалась в мое лицо несколько мучительных секунд.

— Скажи мне: ты раскаиваешься за то, что сделал с Робертой?

— Я раскаиваюсь лишь в том, что не убил тебя, когда была возможность.

Ее лицо, только что спокойное, даже серьезно, снова озарила яркая улыбка. Сука.

— Я так и думала. Ладно, я просто хотела нанести визит вежливости. Не скучай, Джейми. И осторожнее с мылом в душевой. — Она повесила трубку и встала.

— Что? Нет! Нет!!! Вернись! Стой! Ты не можешь уйти! Саманта! Саманта!!! — Я вскочил на ноги и продолжал кричать в трубку, повешенную девушкой, будто мог докричаться до нее. С криком я ударил этой трубкой по разделяющим нас стеклу, а затем еще и еще. ЕЩЕ И ЕЩЕ! — Саманта! Вернись, сука! Ты за все ответишь! Я тебя из под земли достану, тварь!

Я уже бил по стеклу обеими руками, когда тот самый охранник, чертов Ральф, схватил меня под мышки и оттащил от него:

— Спокойно, мистер мэр, спокойно.

Спокойно? Нет. Я успокоюсь только в могиле. Но перед этим я обязательно убью эту суку. Снова. И на этот раз я это запомню.

Саманта

Встреча с мэром прошла шикарно. Да, я сделала глупый шаг, показавшись ему на глаза. Но он не сможет ничего. Кто ему поверит? Психам не верят.

На душе было легко и ясно. Более того, я была будто в предвкушении чего-то. Яркого, нового, светлого, долгожданного. Я предвкушала жизнь. Потому что я была свободна. Вкус свободы — неповторим. И я знала, что откусив от этого куска счастья один раз, уже не смогу отказаться, пока не поглоску его полностью. И о да, я сделаю это. Я проживу жизнь на максимуме. Мы проживем.

Сейчас я ехала на пассажирском сидении авто, в хорошем и удобном салоне. Еще бы, ведь это Aston Martin DB10, машина самого Джеймса Бонда!

Серебристое авто с обтекаемым корпусом мчалось на бешеной скорости, поэтому воздух, прорывающийся сквозь открытое окно, трепал мои волосы. Они были не белые, как у мамы и близнецов. А, скорее, серебряные. Я подняла руку и посмотрела на привычный золотой браслет на моем запястье. Вместо двух подвесок, маленького крестика и зайчонка, их было три. Третья — роза. Прекрасная роза из белого золота. Из динамиков раздавалась веселая музыка и я стала двигать в такт ей рукой, заставляя браслет перекашиваться, ловя солнечный блеск на подвески.

— Надо заправиться.

Я повернулась к водителю. Красивый парень, даже молодой мужчина, с белоснежными волосами, темными бровями и небесно-голубыми глазами. Загорелая кожа, модельная внешность. Идеал.

— Как скажешь.

— Ты уверена в своем решении, Зайчишка-Сэми?

Я снова посмотрела за окно. Круглый дорожный знак запрещал движение автостопом. По полю, раскинувшемуся на всю правую сторону, неслись две лошади. Черная и рыжая.

Вдалеке был человек, которому они наверняка принадлежат, но фигура его была настолько комично мала, что казалась нереальной. А жаль, мне хотелось бы узнать, если ли на нем ковбойская шляпа. Почему-то мне казалось, что есть.

Я снова обернулась к брату и улыбнулась:

— Да, Роберт. Я уверена.

Еще год спустя

Дэниэл

Концерт только что закончился, а из каждой двери коридора можно было услышать звук новостей:

«Ежегодный концерт таинственного скрипача-виртуоза под псевдонимом — Поэт, как всегда обрушился на наш город шквалом эмоций!»

«Вы это слышали? Как всегда — феерично! Выступление музыканта-загадки, Поэта, снова покорило всех и каждого! Не всем удается так передавать эмоции и сочетать несочетаемые стили, но он ловко, как фокусник мячами, жонглирует роком, классикой, кантри и...»

«Снимет ли он когда-нибудь маску? Ответ на вопрос, кто же скрывается за черной маской, тщательно скрывается каждым из приближенных звезды. Ходят слухи, что контракт о неразглашении содержит пункт о...»

Я зашел в пустую гримерку, закрывая за собой шум толпы и голоса корреспондентов. И почему все в команде это смотрят? Бесит.

Устало прислонился спиной к двери, стянул простую черную маску, скрывающую мою личность от людей, прикрыл разболевшиеся глаза. Сегодня было хуже, чем обычно.

Не знаю почему, ведь должно быть наоборот. С каждым годом должно быть проще и проще. Секунды, часы, дни, недели, месяцы новой жизни должны стирать из нашей памяти прошлое. Как море. Его вода, ветер, песок стачивают острые углы камней, также и мои острые чувства, по всем законам природы, да по любым, черт возьми, законам, должны были уже превратиться в обкатанную гальку. Но камни на моей душе все такие же грубые и невыносимо тяжелые.

Три года.

Три, блять, года.

И каждый чертов год я сам не свой. Родные и друзья меня не трогают. Даже Джулия, моя девушка, почувствовала, что сегодня стоит держаться от меня подальше. И правильно сделала. Я не хотел бы ее обижать. Да и ни кого не хотел бы. Но смогу ли сдержаться?

Единственное мое успокоение — в сцене. Каждый год в этот день: один и тот же город, одна и та же сцена.

Концерт закончился в 22–30. Мне осталось пережить час-полтора. И этот день наконец закончится. И у меня будет целый год, чтобы попытаться забыть. Снова. И убедиться, что любая попытка «забыть» приводит к обратному результату, заставляя четче вспоминать события, фразы, слова, глаза, губы... И думать, постоянно думать: «А что, если?..». А что, если бы я там был? А что, если бы я ее задержал? А что если бы я не послушал ее, не ушел?! А что если...

Еще раз сделав глубокий глоток воздуха, показавшийся мне невыносимо спертым и теплым, в душной гримерной, я подошел к раздражающему огромному зеркалу со светодиодной подсветкой. Надо вносить в райдер новый пункт — никаких светящихся предметов. Их на сцене хватает вдоволь. Я потер мокрое лицо и упал в кресло перед столом. Притянул к себе оставленный тут же футляр, чтобы положить на место скрипку.

Лишь после этого мой взгляд заметил то, что должен был заметить сразу же. Обязан был!

Я буквально обомлел, в шоке уставившись на стол. Там лежала длинная роза, с серым бутоном. «Серый рассвет». Его ни с чем не спутать. Окраска нежных лепестков выглядела, как будто серый тон аккуратными мазками наложили на бледно-розовый. Дыхание перехватило.

Пульс подскочил. С чем сравнить то, что я ощутил, всего лишь увидев один единственный цветок?! А подлежит ли это сравнению? Это было круче, чем, алкоголь, наркотики, сигареты, деньги. Круче чем первая поездка на велосипеде, чем первая драка, чем первый выход на сцену, первый написанный стих, первый автограф, первый поцелуй. Не знаю, было ли это лучше, чем первый секс, потому что именно он был неразрывно связан в моей памяти с девушкой, с глазами «Серого рассвета».

Я вскочил, кинул скрипку в футляр, впервые не заботясь о ее сохранности, и схватил цветок. Крепко сжал стебель, с неубранными шипами, в руке, и только тогда понял, что он реален. Он — не плод моего воображения. Не безумная и сладкая галлюцинация. Он реален!

Я выскочил в коридор, все еще мокрый после концерта, и снова покрывшийся испариной. Руки мелко подрагивали, горло кто-то будто сдавил. На встречу мне вышла помощница-стажерка. Как ее зовут? Ай, какая разница!

Я схватил девушку за плечи и, встряхнув, едва ли не зарычал:

— Кто принес этот цветок?! Это была девушка?! Где она?! Ну!

Девушка ошарашенно и испуганно смотрела на меня, широко распахнутыми глазами. Я не хотел пугать ее, но просто не мог ослабить руки. Наверняка, я выглядел как безумец. Но все мои силы уходили хотя бы на то, чтобы не разжать зубы, иначе я бы заорал!

— М-м-м... Я... Я не знаю... Я не видела... — Пролепетала она.

— Кто-то должен был быть здесь?! Кто-то пустил ее сюда? — Её. Я был уверен, что это она. Понимаете? Это не могла бы быть не она. Или это чья-то злая шутка? Или стечение обстоятельств? Но нет. Наконец-то маленький проблеск надежды забрезжил в этой гребаной непроглядной тьме, и я сделаю все, чтобы не потерять этот спасительный луч.

— Эй, Поэт, ты чего? — Люк, мой менеджер, подошел, и осторожно отодвинул от меня стажера, возможно, спасая этой девчонке жизнь. Или хотя бы кости в плечах.

Я повернулся к Люку. Не знаю, что было написано на моем лице, но он инстинктивно сделал один шаг назад.

— Все нормально?

Я глубоко вздохнул через нос, а выдохнул ртом. То, что меня отвезут в психушку, мне не

поможет.

— Этот. Цветок. Кто его принес. — Тщательно выдавил я из себя каждое слово. Казалось, что крылатая цитата: «Промедление смерти подобно», обрела для меня новый смысл. Они забирали у меня ценные секунды. Как давно она (**Она!**) его принесла? Успею ли я ее догнать?!

— Сюда никто не может пройти без пропуска, ты же знаешь. Ни СМИ, ни фанаты, нимышь, если она не подписала договор о конфиденциальности. Может, кто-то из персонала?

Никто? Я расхохотался как безумный. Никто! О, она могла. Он не знает ее. Она могла все!

— Камеры. Здесь есть камеры видеонаблюдения?! Я должен их увидеть. Записи во время концерта. Ну!

— Эй, Поэт, хорошо выступил. — Услышав женский голос, я резко повернулся от собеседников. Это не она. Черт.

Элизабет и Питер, рука об руку, шли в нашу сторону. Питер, увидев мое лицо, нахмурился.

— У тебя вид еще хуже, чем обычно.

Лиз тоже обеспокоенно посмотрела на мое лицо, а затем на руку, в которой я сжимал цветок. Ее голубые глаза расширились, и от этого в моей груди что-то сжалось.

— Поверить не могу... — Прошептала девушка. — Она с ума сошла, если вернулась...

Выдох.

Она всегда была сумасшедшая.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net